

"Слово Оберона"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Марина и Сергей Дяченко

Слово Оберона

* * *

Глава 1

Возвращение старого друга

Был апрель, снег сошел, и пробилась первая травка, а главное – яблони изготовились цвести.

Очень люблю это время. В воздухе висит еще не праздник, но предвкушение праздника. Почки у каштанов большие, будто лапы у щенят. Утром светлеет все раньше. И в классе приходится задергивать шторы, потому что солнце бьет и палит, и какой же дурак в такую погоду станет думать об уроках!

И вот мы шли из школы – я, моя подружка Ритка и Макс Овчинин из параллельного класса. Макс на самом деле было не по пути, но он придумал, что ему надо на почту. Ему каждый день чего-нибудь надо – то на почту, то в мини-маркет, то к приятелю зайти, лишь бы не домой, а вместе с нами. Он высоченный, в седьмом классе – метр семьдесят. Ритка ему по плечо. А я, хоть и выросла за полгода на восемь сантиметров, все равно в этой компании самая маленькая.

– Ленка, хочешь, твой рюкзак понесу?

– Я что, слабосильная?

Ни Макс, ни Ритка не знали обо мне всей правды. Никто на свете не знал, даже мама. И я, честно говоря, сама иногда сомневалась: а случилось ли это взаправду? Была ли я магом дороги, воином странствующего Королевства и другом короля Оберона? Носила ли посох с изумрудно-рубиновым навершием?

– Ты чего улыбаешься? – с подозрением спросила Ритка.

– Ничего, – я потеряла кончик носа. – Просто погода хорошая.

Погода в самом деле была потрясающая: солнце шпарило, небо сверкало, а воробьи чирикали и купались в лужах. Весь мир вокруг был похож на мое Королевство. В такие дни хорошо мечтается – о лете, о море и о том, что Оберон когда-нибудь придет за мной, куда-то позовет, и еще хватит на мою долю волшебных сражений и походов...

Я ведь каждый день ждала, что он придет. Если у нас во дворе кто-то сидел на лавочке, я всякий раз еще издали начинала присматриваться. Сердце подпрыгивало: Оберон? Нет...

Три с половиной месяца я его не видела. С того самого дня, как он пришел к нам на родительское собрание. С того самого дня, как наша классная перестала ко мне придирается. Вот не знаю, Оберон ее заколдовал, что ли?

- Ну, пока, - сказала Ритка на углу у мини-маркета. - Овчинин, если тебе на почту - пошли.

Макс замялся:

- Иди сама. Я догоню.

Ритка хмыкнула, забросила рюкзак повыше на плечо и пошла домой. А Макс остался.

- К себе не позову, - сказала я деловито. - У нас не прибрано. И вообще... Шел бы ты, Макс, уроки делать.

Он покраснел и улыбнулся:

- А я завтра в школу не иду. У меня олимпиада по математике.

- Везет, - сказала я с сожалением. - Ну что тут стоять, давай хоть во двор зайдём, что ли...

И мы вошли во двор.

На скамейке напротив моего подъезда сидел плечистый мужчина в светлой ветровке. Не Оберон. Я еще издали это поняла: Оберону лет сорок, а этому чуть больше двадцатника. У Оберона волосы с проседью, а этот чернявый. Не Оберон. Ну и ладно.

Я сказала себе «ладно», но настроение вдруг испортилось. Как будто шарик проткнули иголкой: хлоп! А вдруг король никогда-никогда за мной не придет? Жди, Лена, год, и два, и десять...

- Ты чего? - спросил Макс.

- Ничего. Тебе какое дело?

Макс опустил уголки губ:

- Во как у тебя настроение меняется... Только что цвела, а теперь на людей кидаешься. Ни с того ни с сего. Я тебе виноват?

- Не виноват, - сказала я нехотя. - Ладно, Макс, ты меня в самом деле, это... прости. За малыши надо в садик, уроки, все такое...

- Понимаю, - сказал Макс и понурился. - Ну пока?

И я уже шагнула к своему подъезду, как вдруг...

- Лена!

Мурашки по коже. Как горячая вода от затылка до пяток. Я обернулась...

Нет, это был не Оберон. Я вообще его не знала, этого человека. Разве что...

Я присмотрелась еще. Не поверила глазам: он был похож на старшего брата одного моего друга.

Он встал мне навстречу:

- Ты что, меня не узнаешь?

И голос ведь его!

- Гарольд? - сказала я потрясенно.

Он виновато улыбнулся:

- Гарольд!

Уж не знаю, что подумал обо мне Макс Овчинин, который еще не ушел и стал свидетелем этой сцены. Я взвизгнула, прыгнула и повисла на шее у незнакомого мужчины - потому что теперь узнала его совершенно точно. Пусть он изменился за прошедшие четыре месяца - но это был Гарольд, мой друг и учитель, бывший младший маг дороги, а теперь, наверное, уже старший маг...

- Гарольд... это точно ты?

Он мог бы не отвечать. За время, которое мы провели в седле бок о бок, я успела изучить все его выражения лица.

- Ленка... а ты такая же.

- Вот еще, - я отстранилась. - Я выросла на восемь сантиметров, между прочим, это... погоди, Гарольд. Погоди...

Догадка была такая страшная, что у меня онемели щеки.

- Гарольд! Сколько лет прошло в Королевстве?!

Он опустил глаза:

- Шесть...

- Сколько?!

Все понятно. Когда мы расставались, Гарольду было семнадцать, и я считала его старшим братом. А теперь ему, выходит...

Но дело ведь не только в этом!

- Гарольд! Его величество...

Он понял с полуслова и поспешил меня успокоить:

- Здоров. Не пугайся.

- А принцессы? Принцессы, то есть сестры-хранительницы! Вышли замуж?

- Нет.

Я села на скамейку. Гарольд уселся рядом. Макс Овчинин стоял в десяти шагах и смотрел обалдело, но мне сейчас было не до Макса.

Однажды, спасая Королевство от гибели, король Оберон дал обещание - каждая из пяти принцесс, бывших невест его сына, получит по принцу в мужья, и случится это раньше, чем на

висках у любой из них пробьется первый седой волосок. Залогом обещания стала жизнь короля. Когда я покидала Королевство, принцессы и не думали сесть – они ведь были всего на пару-тройку лет старше меня. И вот: у нас прошло почти четыре месяца, а у них, оказывается, пролетело шесть лет!

- Почему вы не сказали мне, что в Королевстве время идет быстрее?!

- Я сам не знал, – сказал Гарольд с досадой. – Наше Королевство – молодое, понимаешь? Оно только что обосновалось на новом месте, только пустилось в рост, вот и время... ты никогда не замечала, как оно летит, если делаешь что-то интересное?

Я разглядывала его со странным чувством. Все-таки он был слишком взрослый. И одет не похоже: клетчатая рубашка навыпуск, светлая ветровка, не очень чистая, джинсы, растоптанные кроссовки... Я-то привыкла видеть его в дорожном облачении мага!

- Значит, время летит, – я закусила губу. – И что же, король до сих пор нашел ни одного принца?

Гарольд опустил голову:

- Он искал. Но ведь у него нет ни минуты свободной. Там дракон повадился посеять жечь. Там пираты напали на побережье. Там купцы завышают цены... Он, конечно, посылал гонцов туда и сюда, но все возвращались с пустыми руками.

- Что, совсем-совсем нету принцев?!

- Паниковать пока что рано, – сказал Гарольд без особой уверенности. – Знаешь... пойдём-ка в лес или еще куда-то. Тут воняет так...

Я потянула носом, но ничего не почувствовала.

- Откуда воняет?

- С улицы. От этих, которые ездят.

- А-а, выхлопные газы... Пойдем ко мне домой. Я форточку закрою.

- Нет, – Гарольд решительно покачал головой. – Мне такой дом не нравится, извини. Тут есть поблизости деревья.

- Парк?

- Ну да. Пойдем. Погода хорошая.

- Ладно, - я снова забросила рюкзак на плечо. - Пошли.

На выходе со двора меня догнал Макс.

- Лена, можно тебя на минуточку? - спросил странным напряженным голосом.

Я отошла:

- Чего тебе?

Макс нервничал:

- Кто это?

- Мой друг.

- Куда ты с ним идешь?

- А тебе какое дело?

- Лена! Ты посмотри на него! У него же такое лицо... будто он убийца! Это взрослый мужик, зачем ты ему нужна?!

Я прищурилась:

- Ты меня воспитывать, что ли, будешь?

- Ты с ума сошла, - сказал Макс жалобно. - Откуда ты его знаешь?

- Я с ним сражалась бок о бок, - сказала я сухо. - Он мне жизнь спасал. А я - ему. Его зовут Гарольд, и он такое видел, от чего ты в штаны наложил бы моментально. И если ты кому-то скажешь, что я с ним пошла - можешь заранее справлять поминки, он тебе голову отрежет... Понял?

Я ушла, а Макс остался стоять. Я подумала мельком: может, зря я так? Может, это слишком?

Но Гарольд шагал рядом, с неприязнью косился на проносящиеся по улице машины, и мысли мои переключились на другое.

* * *

- Ну расскажи скорее, как там все? Как наши?

Я называла жителей Королевства «наши» совершенно естественно и по праву. Потому что еще недавно я, будучи магом дороги, защищала их, помогала в переделках, лечила, делилась своей силой и даже однажды сварила кашу в большом котле. Правда, каша чуть-чуть подгорела.

Гарольд улыбнулся:

- Ты сейчас Королевство не узнаешь. Народу понаехало - тысячи! Город, лавки, мастерские, даже цирк свой на окраине есть. Циркачи не хотят уезжать - у вас, говорят, весело, люди щедрые и умеют удивляться...

Я вспомнила, что говорил мне когда-то Оберон. Там, где люди умеют удивляться, есть место для волшебства. Там процветает тонкий мир - волшебная оболочка неволшебных предметов.

- Принцессам построили храм Обещания. Туда люди толпами валят - поглядеть. Принцессы танцуют, поют, изучают науки. И каждое утро начинают у зеркала - смотрят, не пробился ли у кого первый седой волос?

- Да сколько же им лет? - спросила я неуверенно. - Слегка за двадцать?

- Ну и что? Один волос может просто случайно вырасти. Она мышь, к примеру, увидит, испугается - волосок и поседеет...

Гарольд говорил, сдвинув брови и глядя перед собой. Мы сидели на скамейке в маленьком пыльном парке. В грязном озерце толпились утки - требовали хлеба. У меня где-то остались в рюкзаке остатки бутерброда, но вещи, которые сообщил мне Гарольд, были слишком серьезными.

- Слушай, - спросила я неуверенно, - а... за кого-нибудь другого их можно выдать замуж? Чтобы не за принца, а просто так?

- Женихи толпами валят, - Гарольд смотрел на уток. - И наши, и чужеземные. Моряки, купцы, рыцари. Приходят в храм, вроде бы просто в гости, и начинают хвосты распускать. Один капитан бросил свое судно, бросил команду, переселился к нам. Так влюбился в Ортензию - не уеду, говорит, без нее. Ты думаешь, она на него хоть раз взглянула? У них разговор простой: принц? Нет. Ах, нет? До свиданья!

- Вот дуры! - сказала я в сердцах. - Что им принцы? Чем принцы лучше других? Взять хотя бы нашего... Как они там живут, кстати, принц Александр с принцессой Эльвирой?

Гарольд пожал плечами:

- Как ожидалось, так и живут. Она на нем только что верхом не ездит. Дети у них - уже трое...

- Да?

- Конечно. Вообще, многие переженились за это время, много детей народилось.

- А... - Я запнулась, покосилась на Гарольда. - Слушай... А ты не женился?

Он опустил глаза. Щеки его чуть порозовели:

- Женился. Сын у меня. Полтора годика.

- А-а-а, - сказала я тихо.

Ну представьте: вот вы не видите человека четыре месяца. Вы привыкли, что он вам вроде как старший брат. И... не совсем брат. Друг, в общем. И вот вы узнаете, что он женат, оказывается, что у него ребенок подрастает, а вы в это время все учитесь, учитесь в своей школе...

Во-первых, у них шесть лет прошло.

А во-вторых, разве нас с Гарольдом что-то связывало, кроме боевой дружбы?

- Поздравляю, - выдавила я, стараясь, чтобы голос звучал весело. - А на ком ты женился?

- Из новеньких, - Гарольд смотрел мимо. - Ты ее не знаешь.

Ну и глупый у меня, наверное, вид...

- Ладно, - сказала я, стараясь замять неловкость. - Как же тебе удалось перейти из мира в мир? Я раньше думала, что только Оберон...

- С трудом, - признался Гарольд. - Его величество говорит - только в свой мир возвращаться легко... Он меня все учит и учит. То - «Гарольд, встречай послов». То - «Гарольд, поезжай на острова усмирять людоедов». То - «Гарольд, отработывай переходы»... Я ночами не сплю, своего ребенка месяцами не вижу. Ты знаешь, - Гарольд понизил голос, хотя подслушивать нас было некому. - Мне кажется, он готовит меня себе в приемники.

- Как?!

- Да вот так.

- А принц Александр?

Гарольд вздохнул:

- Его всерьез никто не принимает. Даже если бы не было того случая с предательством... Ну какой он король? Подловил меня недавно в лесу... я, говорит, никаких прав на корону не имею и притязаний заявлять не буду. Мы, мол, с тобой друзья и останемся друзьями... и помни об этом, будущий король Гарольд... Тьфу! - мой друг так саданул кулаком по скамейке, что утки испуганно разлетелись. - Ты понимаешь, он уже сейчас видит Оберона мертвым. Бойтся со мной ссориться, планирует себе спокойное будущее... ну какая он скотина!

- А король? - спросила я упавшим голосом.

- С ним нельзя ни о чем таком говорить. Понимаешь? Он тоже вбил себе в голову, что доживает последние годы, чуть ли не последние дни. Когда у кого-то из принцесс пробьется первый седой волосок...

- Перестань!

- Вот и он тоже. «Перестань, Гарольд, нам надо думать о налогах», «Перестань, Гарольд, нам надо думать о драконах», «Перестань, нам надо думать о людоедах»...

- Людоеды-то откуда взялись?

- А откуда они обычно берутся? Живут себе на островах, проходящие суда топят... У нас уже три их племенных вождя в темнице сидят, а им хоть бы что... «Перестань, Гарольд, я хочу оставить тебе и людям как можно меньше проблем...»

Гарольд вдруг закрыл лицо руками. Это было странно, потому что я знала его – он всегда был мужественный. А теперь он был еще и взрослый – совсем взрослый, недосыгаемо...

- Ну ты что? – спросила я испуганно.

- Ничего, – он глядел сквозь пальцы на осмелевших уток. – Мне Оберон как отец. Знаю, что и тебе тоже.

Я вспомнила, как Оберон появился на родительском собрании. Как с шапки, которую он держал в руках, падали талые капельки – бывшие снежинки.

- Что же нам делать, Гарольд?

- Я отдохну, – сказал он глухо. – Хоть немного посижу спокойно. Пока я здесь, там время замерло. Все застыло. И принцессы не смотрятся в зеркало, и королю не угрожает опасность... А я так устал.

По дорожке мимо нас прошли молодая мама с ребенком. Женщина катила коляску. Малыш – пластмассовую гусеницу на колесиках.

- Гарольд, – сказала я твердо. – Если в вашем мире так много принцесс – почему проблемы с принцами? А?

- Объясняю, – в голосе Гарольда мне вдруг послышались интонации Оберона. – Принцессой считается всякая девушка, явившаяся в Королевство на рассвете босиком и предъявившая грамоту, что ее отец – правитель далеких земель. Таких «правителей» могут быть десятки, потому что карликовые королевства, ни на что не годные, рождаются, как брызги, и так же исчезают... А девочки хотят принца. А Королевство по закону должно их принять.

- Дурацкий закон.

Гарольд вскинул брови:

- Это закон нашего мира. Может, тебе не нравится, что дождь мокрый, а снег холодный?

- Очень нравится, – сказала я примирительно. – Прекрасный закон... Гарольд, а где есть принцы? Где их можно искать?

- Король знает. Но не говорит. Мне, во всяком случае.

- Почему?

- Потому что: «Мы должны думать о нашем народе! Мы должны думать о будущем! Я не могу рисковать тобой, своим единственным магом!»

- Значит, это опасно, – сказала я упавшим голосом.

- Лена, – Гарольд уперся ладонями в колени. – Я пришел за тобой, потому что... Ну поговори ты

с ним, а? Может, тебе его удастся уломать?

- Мне? Оберона? - спросила я с сомнением. И тут же спохватилась: - Я хочу в Королевство, Гарольд! Я так соскучилась! Я хочу все увидеть... Ты ведь сможешь меня перевести, да?

Глава 2

Снова в королевстве

Замок стоял среди сосен. Лес обступал его плотно, но и почтительно - оставляя вокруг свободное пространство, пропуская солнце в высокие стрельчатые окна. На горизонте возвышались горы с зубчатыми верхушками. Зеленели луга; все это я видела раньше, все это я помнила, все это мне снилось - кроме нового города с красными крышами, с мощеными площадями и медными флюгерами на шпилях, кроме нового порта, где покачивались у причалов гребные и парусные суда, кроме речки, довольно широкой, пробившей себе ложе среди камней, корней и мха.

- Ланс, - вырвалось у меня.

- Да, - Гарольд кивнул. - Это Ланс.

Море простиралось до самого горизонта, и всюду на волнах пестрели разноцветные паруса.

Я глубоко вдохнула. Пахло хвоей и дымом. Мне сделалось спокойно-преспокойно: я в Королевстве. Я дома. Теперь все будет хорошо.

* * *

Мы шли по лесу, такому светлому и яркому, как ни один сказочник еще не описывал. Деревья, казалось, позировали, желая произвести на нас наилучшее впечатление. Некоторые изгибались корягами, стараясь казаться зловещими. Другие тянулись вверх, поражая стройностью. На лужайках атели полчища мухоморов, а приличные грибы играли в прятки, чуть-чуть приподнимая шляпками ковер из опавших листьев. Грибнику тут было раздолье.

Мы с Гарольдом шагали бок о бок, и я то принималась дышать полной грудью, желая пропустить через себя как можно больше лесного воздуха, то замирала, не смея вздохнуть. Лес потрескивал, покачивал ветвями, шептался - казалось, каждое дерево провожает нас веселыми глазами. Что-то метнулось по стволу - белка? Я разинула рот: рыжее пушистое существо в синих штанах (с прорезью для хвоста) нырнуло за дверцу, прикрывающую вход в дупло, и оттуда уставилось на нас смышленными настороженными глазками.

Я вспомнила слова Оберона о том, что в молодом Королевстве полно чудес на каждом шагу. Интересно, кого еще можно встретить в этом лесу?!

Что-то просвистело мимо уха. Насекомое, похожее на большого кузнечика, с лету зацепилось за ветку, повисло вниз головой и состроило мне рожицу. Я выпучила глаза:

- Гарольд!

- Да?

Мой друг даже не повернул головы: шагал, не глядя, думая о своем, и это меня беспокоило.

- Что с тобой?

- Послушай, Ленка... Я вообще-то не знаю, что на это скажет его величество. То есть он всегда рад тебя видеть, но может, он решит... что мы слишком своевольничаем, а?

- То есть пусть погибает спокойно, мы и пальцем не пошевелим?

Гарольд вздохнул. Провел рукой по волосам; задрожал воздух. Пропала светлая куртка, пропали джинсы и клетчатая рубашка навыпуск - Гарольд стоял передо мной в красном бархатном камзоле и таких же штанах. Высокий ворот, шитый золотом, подпирал подбородок, с плеча ниспадал тонкий черный плащ, высокие светлые сапоги горели на солнце. Я невольно подумала, что, когда мы с Гарольдом знали раньше, он одевался скромнее.

- Ого, - сказала я с уважением.

- Приходится, - мой друг поправил черный с серебром платок, знак мага дороги. - Войдем в замок тайным ходом. Не хочу, чтобы сразу слухи пошли, толпа сбежалась...

- А меня помнят? - спросила я кокетливо.

- Еще как... Стой!

Я замерла. Совсем рядом из лесу вышел мальчик, мой ровесник, ведущий на поводу круглого, как бочка, ослика. На спине осла покачивались две большие вязанки дров.

Я отступила за дерево.

- Будьте здоровы, господин главный королевский маг! - увидев Гарольда, мальчик покраснел от волнения и поклонился чуть ли не до земли.

- Будь и ты здоров, - отозвался мой друг приветливо, но холодновато, как и положено важной персоне. Мальчик удалился, часто оглядываясь: наверное, всем друзьям побежит рассказывать

о замечательной встрече на опушке...

- Вроде бы никто не чихал, - сказала я Гарольду.

- Что?

- Ну, у нас «будь здоров» говорят, когда кто-нибудь чихает.

- Ага, - пробормотал он, явно думая о другом. - На всякий случай запоминай приметы: двуглавая сосна, от нее на север к зеленому камню... Ты следишь?

- Слежу.

- Положишь на камень руку, скажешь «Откройся», откроется подземный ход, - Гарольд опустил ладонь на поросший мхом валун. Земля под ногами дрогнула. Камень приподнялся; это выглядело так, как если бы огромная черепаха встала на дыбы. Из черной щели потянуло холодом, гнильем и грибами-поганками.

- Нам туда?

- А что тебе не нравится? Извини, у нас метро пока не проложили!

Скрючившись в три погибели, Гарольд полез под камень, а я подумала с интересом: успел он покататься на нашем метро - или король ему рассказывал?

Жесткая трава отпечатывалась на ладонях. Встав на четвереньки и стараясь дышать ртом, я вползла в щель вслед за Гарольдом (мне, конечно, было удобнее - я меньше раза в два). Покатый склон резко пошел под откос, я не удержалась и съехала на животе, так что полоска дневного света осталась далеко вверху.

А через секунду и она исчезла - камень опустился на место. Я огляделась.

Да, я умела видеть в темноте - меня когда-то научил Оберон. У человека, глядящего ночным зрением, светятся глаза; я это знала - но все равно на секунду испугалась, увидев Гарольда. Глазищи его горели двумя зелеными лампами на бледном лице, губы казались черными, а зубы - хищными. И кто бы мог подумать, что эта зловещая рожа принадлежит моему милейшему и добрейшему другу!

Я потихоньку улыбнулась.

Подземный ход был в самом деле «не метро»: Гарольду приходилось протискиваться боком. Свисали с потолка толстенные хваткие корни, все норовили вцепиться в волосы. По стенам ползали мокрицы, иногда с потолка за шиворот капала вода. В одном месте стенка сплошь поросла грибами мерзкого вида: мне казалось, они поворачивают шляпки нам вслед. Приглядывают. Следят.

- Гарольд, ты наш мир хоть успел увидеть? Краешком глаза?

- Ну, - Гарольд, пыхтя, протискивался через особенно узкое место. - Так. Немножко. Мне было не до прогулок, сама понимаешь, я тебя искал.

- Хочешь, я тебе потом все покажу?

- Ну... потом. Может быть.

Я на секундочку представила, как веду Гарольда... куда? В зоопарк? Так он таких зверей в своей жизни видел, рядом с которыми даже слон – ничем не примечательный и обыкновенный. В супермаркет? Ерунда, не годится, надо хорошенько обдумать, что есть в нашем мире такого, чтобы боевого мага удивить...

- Гарольд... А как сына назвали?

Он выпрямился, глянул на меня через плечо и почему-то засопел. Я уж думала, он не ответит, и стала гадать, как мог такой простой вопрос его смутить – когда он бросил на ходу, не оборачиваясь:

- Елен.

Я сперва не поняла:

- Как-как?

- Еленом назвали. Имя такое. Елен.

Я споткнулась о камень и чуть не упала.

- Так это... это ведь женское имя!

- Кто сказал? – спросил Гарольд задиристо. – Где это написано? Где такой закон?

Я остановилась. Гарольд прошел несколько шагов и оглянулся:

- Ну ты чего?

Я сама не знала, что со мной. Неужели он назвал сына в мою честь?

- Скучал, – признался Гарольд, глядя на мокрицу, пробирающуюся по земляной стене. – Когда люди происходят из разных миров... Им лучше не заводить дружбы. Потом одно огорчение.

Дальше мы шли молча. Мне казалось, я слышу, как корни пробираются сквозь землю и глину. Шелестят, раздвигая мелкие камушки. Ищут воду. Ищут зазевавшихся подземных путников.

Я на всякий случай догнала Гарольда и пошла очень близко – едва не наступая ему на пятки.

Плавный подъем сменился довольно-таки крутой лестницей. Ступеньки были где сложены из камня, где вытесаны в скале. Закончились корни и мокрицы (я вздохнула с облегчением). Подземный ход превратился в коридор без окон, со стенами из темно-желтого кирпича. Изменился и запах: теперь пахло, как в школьной библиотеке во время ремонта. Мокрая известка, свежее дерево и пыль, пыль... Апчхи!

Мы остановились перед массивной деревянной дверью без ручки. Гарольд приложил руку к месту, где у дверей обычно бывает замок:

- Откройся...

Я ждала скрипа, но дверь распахнулась в полной тишине. И снова изменился запах: сделалось свежее, запахло лесом и морем, немножко дымом и совсем чуть-чуть – розовым маслом.

Мы на цыпочках вошли в незнакомую комнату. Я мигнула, прощаясь с ночным зрением; здесь

было светло и даже разноцветно – из-за витражей, встроенных в узкие стрельчатые окна. Замок Оберона! Когда я уходила из Королевства шесть лет назад, он не был выстроен и наполовину...

Дверь все так же бесшумно закрылась за нами. С обратной стороны ее был гобелен, изображающий пустыню: мимо развалин, кое-где встающих из песка, шел караван. Впереди ехал человек на белом крылатом коне.

Я присмотрелась:

- Гарольд! Это Оберон? Это мы, Королевство в дороге, да?

- Подожди, пожалуйста...

Гарольд проверил, плотно ли закрылась дверь. Я огляделась внимательнее. Мы находились в коридоре, длинном, широком, изогнутом, как лук. На вогнутой стене горели солнечным светом витражные окна. Та, из которой мы вышли – выгнутая, – была увешена гобеленами, и много бы я дала, чтобы разглядеть их внимательнее!

- Это галерея истории, – Гарольд говорил вполголоса. – Сто вышивальщиц трудились сто недель. Только сейчас совсем нет времени.

- Ну пожа-алуйста, хоть мину-уточку...

- Послушай, король не знает, что ты здесь. Я не хочу, чтобы он нас застукал, как заговорщиков. Мне надо его подготовить. Пошли!

И он потащил меня за руку – по коридору налево, потом вверх по винтовой лестнице, да так быстро, что у меня закружилась голова. Внутреннее убранство дворца сливалось в яркую ленту картин, скульптур, пышных тканей, лепных и кованых украшений, но как я ни вертела головой – ничего как следует не могла рассмотреть.

Наконец Гарольд втолкнул меня в маленькую комнату с единственным плотно занавешенным окном.

- Подожди здесь. Разведаю, в каком настроении король. В последнее время он что-то часто гневается...

И он ушел.

Я огляделась; в комнатке не было мебели. Две двери, одна против другой, прикрывались неплотно. Я заглянула за одну – длинный коридор, тишина. Заглянула за другую – лестница, тишина, пахнет дымом и розовым маслом. А ведь замок, наверное, большой, пойду гулять – наверняка заблужусь...

Интересно, где все? Где слуги, стражники, сторожа, где его милость комендант, в конце концов? Или у них обеденный перерыв?

Я подошла к окну. Потихоньку раздвинула бархатные шторы; цветная солнечная полоска легла мне на лицо. Я нашла среди витражных стеклышек одно, самое прозрачное, и, прищурившись, посмотрела сквозь него.

Подо мной лежал залитый светом город (немножко желтый, потому что я смотрела через

бледно-желтое стекло). Скаты черепичных крыш, трубы и флюгера, деревья, улицы, площади, статуи, мосты, и надо всем этим, как елочная игрушка – серебряный купол в форме капли. Интересно, что это – храм? Или дворец какого-нибудь местного богача?

Приблизив лицо к стеклу, я поднялась на цыпочки. Город казался огромным, он простирался до самого моря, и я, как ни вытягивала шею, не могла увидеть его целиком. Сколько же там живет народу?

Когда Королевство пришло сюда – нас было человек сто, не больше. Но в первый же день стройки явились новые люди – сказали, что ищут работу...

Оберон всегда говорил, что Королевство, едва угнездившись на новом месте, тут же притягивает к себе новых и новых людей, а людям не терпится с утра до ночи возводить стены, ковать железо, строить, мастерить и торговать. Но одно дело знать – и совсем другое увидеть этот город на месте бывшей пустоши!

Не знаю, как долго я смотрела на это чудо. Привлеченная солнечным светом, откуда-то выползла муха и стала биться о витражи, и тогда я спохватилась: где же Гарольд? Где же Оберон?

Я поняла, что могу встретиться с королем с минуты на минуту – и вдруг заволновалась. У меня с его величеством сложные отношения: с одной стороны, он мне как отец, тут Гарольд прав. С другой стороны, я его немножко боюсь – не потому, конечно, что он умеет убивать взглядом (а он умеет), а потому, что мне страшно перед ним опозориться. Однажды такое уже случилось...

Я осторожно опустила штору на место. Пригладила волосы; хорошо бы найти здесь какое-нибудь зеркало. Или хотя бы...

Разворачиваясь, я резко шагнула от окна – и врезалась, ну прямо-таки налетела на человека, тихо стоявшего у меня за спиной. От неожиданности испугалась. Отпрянула. Ощетинилась – и тут испугалась второй раз, до мурашек по коже.

– Ваше вели...

Он ни капельки не постарел. Ни одного седого волоска не прибавилось в аккуратной подстриженной бороде. Ни одной новой морщинки на лбу и щеках.

– Добрый день... ваше величество!

В волосах короля поблескивал золотой обруч. В походе Оберон не носил корону. Но теперь – другое дело: теперь он живет в замке и правит огромной страной! И одет он был по-королевски, и горностаевая мантия на его плечах не казалась ни показной роскошью, ни карнавальным костюмом.

Он молчал и разглядывал меня как-то отстраненно, будто впервые видел. И я вдруг посмотрела на себя глазами вот этого величественного короля: явилась без разрешения! Без зова! Ни с того ни с сего, по каким-то своим соображениям, самовольно и самоуправно, как верно заметил Гарольд...

И где, кстати, Гарольд? Что же мне, одной теперь объясняться с его величеством?!

Минуты шли, а Оберон молчал. Даже не ответил на приветствие.

- Я... не вовремя?

- Ты выросла, - сказал он задумчиво.

Лучшего комплимента он не смог бы придумать.

* * *

В новом королевском кабинете не было особенной роскоши, но каждая вещь, если присмотреться, оказывалась замечательной и страшно удобной. Деревянные кресла (гладенькое, теплое, чисто отшлифованное дерево!), большой стол (груды бумаг и свитков), скамейки, заваленные клетчатыми шкурами (это что за звери - в клеточку?), высокие кованые подсвечники у стен, а посреди комнаты - тренога с черной доской, похожей на школьную. И на этой доске какой-то чертеж. Паровая мельница, что ли?

Окна кабинета выходили на три стороны, так что видны были сразу и горы, и море, и город, и лес.

- Ты есть хочешь?

- Нет.

- А если подумать?

- Я пить хочу, - призналась я.

- Морса?

- А есть?

- У короля все есть, - ответил он серьезно. - Садись, где тебе нравится.

Я присела на краешек деревянного кресла. Провела рукой по подлокотнику. Понурилась.

- Что ты мостишься, как чужая?

Я посмотрела на него - и вдруг заревела. Сама не знаю почему. Слезы брызнули из глаз, как у клоуна в цирке, - струйками, будто из пипетки. Я столько дней мечтала об этой встрече, и вот она случилась, но все не так. У них здесь шесть лет прошло, шесть лет Оберон обо мне не вспоминал зачем я пришла - похвалиться новым ростом?! Подумаешь, от горшка два вершка плюс восемь сантиметров...

Оберон, не замечая моих слез, протянул мне кружку; я стала пить, роняя слезы в сладкий ягодный морс.

- Мне кажется, ты слишком строго обошлась с этим парнем.

- С ка... каким?

- С Максом. Максимом, то есть. Человек искренне о тебе заботится - нельзя срывать на нем раздражение.

Я вскинула глаза:

- Так вы...

- Только не подумай, что я за тобой все время следил. Нет. Я только иногда, редко-редко. Я должен был убедиться, что с тобой все в порядке, ничего не случилось плохого, все идет, как обычно...

- Как обычно, - горестно пробормотала я, рукавом вытирая сопли.

- Мы скучали по тебе, маг дороги, - мягко сказал Оберон. - Я рад тебя видеть. И напрасно Гарольд...

В дверь стукнули коротким условным стуком. Это был Гарольд, легок на помине, бледный и очень расстроенный.

- Ваше величество... Лена!

- Заходи, - Оберон поманил его пальцем.

- Я искал ваше величество в зале совета...

- Прошу тебя, учись скрывать свои чувства, а то ведь у тебя на лбу все написано. Не очень прилично для человека, который претендует на власть.

- Я ни на что не претендую, - Гарольд нахмурился сильнее. - Я хотел сообщить вашему величеству, что привел младшего мага дороги.

- Я заметил, - Оберон чуть улыбнулся. Я глядела в кружку с остатками морса. Мне не хотелось, чтобы старший маг увидел меня зареванной.

- Гарольд, знаешь что? - Оберон вдруг просиял, как будто в голову ему только что пришла отличная идея. - Почему бы тебе не проведать жену и сына? Прямо сейчас, а?

Я убедилась в правоте короля: у Гарольда в самом деле на лице отражалась мельчайшая мысль. Он расцвел - и тут же устыдился своей радости. Заново сдвинул брови, но губы все равно расползались в улыбке. А ведь взрослый человек, подумала я укоризненно; впрочем, сейчас он казался таким, как раньше. Моим старшим братом.

Я не выдержала и улыбнулась тоже.

- Я хотел... - начал Гарольд.

- Я знаю, что ты хотел, - мягко прервал его Оберон. - Мы с Леной уже давно друг друга знаем. Мы сможем найти общий язык, даже если ты в это время будешь играть со своим ребенком. Правда, маг дороги?

Я кивнула, не поднимая глаз.

Глава 3

Общий язык

И Гарольд ушел.

Оберон пошире отдернул занавеску на том из трех окон, из которого видны были город и море. Солнце пронизывало рваные тучи миллионом длинных тонких пальцев. Блики-зайчики отражались от воды и начищенной меди. Море наполнилось парусами и пенными барашками.

- Ты себе не представляешь, Лена, как непросто бывает избавиться от пиратов. Вообрази себе - длинное изрезанное побережье, бухты, бухты, острова... И везде торговля, такая оживленная, что море прямо кипит! Ну как тут не собрать шайку, не угнать с верфи шлюп, не заняться разбоем? Это ведь так выгодно и увлекательно... А люди потом рассказывают о тебе сказки и поют песни.

- Вы шутите? - я с опаской покосилась на Оберона. Он говорил мечтательно, как заправский морской разбойник.

- Нет. Я их вполне понимаю. Но пришлось и пиратам меня понять - спокойствие в королевстве дороже пары-тройки новых легенд. Можешь расспросить Гарольда... Нет, лучше не спрашивай. Он не любит вспоминать. Хотя другой на его месте гордился бы - три пиратских капитана, обезвреженных за неделю!

- И что вы с ними сделали?

- Гм, - Оберон потер бороду. - Один сейчас командует охраной порта. Другой в темнице. А третьего застрелили в бою. И это к счастью, потому что иначе его пришлось бы повесить. Это был не тот человек, с кем я пошел бы на переговоры, нет, не тот...

- А людоеды? - спросила я жадно.

- Людоеды, - Оберон вздохнул. - Давай сейчас о них не говорить?

- Давайте, - я облокотилась о подоконник. Прищурилась; бликовали латы стражников на городском мосту. Город тянулся к небу флюгерами и шпилями, «загорал» на солнышке скатами крыш. В серебряном куполе-капле отражались, как в кривом зеркале, облака.

- Это Храм Обещания, - негромко сказал Оберон.

Я отшатнулась. Купол моментально перестал мне нравиться - я готова была поклясться, что ничего уродливее не видела в жизни.

- Тот самый?

- Да. Наши принцессы - а теперь сестры-хранительницы - там живут, развлекаются и ждут женихов, - Оберон говорил спокойно, как будто речь шла не о его жизни и смерти, а, скажем, о погоде на завтра. - Гарольд привел тебя, чтобы я отпустил его на поиски принцев?

- А вы не отпустите?

- Нет. Гарольд нужен Королевству.

- Вы тоже нужны Королевству. Даже больше, чем Гарольд.

Он грустно улыбнулся:

- А я, Лена, уже сделал для Королевства самое главное. Я привел его сюда. Теперь оно справится без меня.

Мне вдруг сделалось тошно. Мурашки пробежали по спине, и волосы на руках встали дыбом. Я вспомнила слова Гарольда: «Он вбил себе в голову, что доживает последние годы, чуть ли не последние дни...»

- Ваше величество, - сказала я медленно. - Вы дали обещание принцессам, чтобы спасти Королевство в пути. Но и мне вы тоже кое-что обещали. Помните?

Оберон аккуратно закрыл окно. Задернул занавеску. Прошелся по комнате, у противоположного окна поднялся на цыпочки, поправил складку на портъере. Потянул за шелковый шнурок. Портъера раздвинулась, открыв моим глазам зубчатые пики гор. Над одним из них метнулась огромная тень - и тут же исчезла.

- Ты видела? - Оберон обернулся. - Семья драконов живет на озере. У них, насколько мне известно, трое детенышей.

- Ваше величество, не может быть, чтобы вы забыли свою клятву *мне*.

- Я помню, - Оберон уселся в кресло с высокой спинкой, положил руки на подлокотники и сразу сделался важным, суровым, недосыгаемым. - Я обещал, что позову тебя на помощь, если моей жизни будет угрожать опасность. Но ты, Лена, мой друг, в отличие от принцесс... и поэтому ты вернешь мне мою клятву. Прямо сейчас.

- Почему это?

- Потому что я так прошу.

Он смотрел все еще благосклонно, но на дне его глаз уже наметился лед. Ох, как я знала этот его взгляд! Равнодушный, холодный, совершенно отстраненный и чужой. Вот точно так же он смотрел на меня, когда я была в его глазах предателем...

Я проглотила застывший комок слюны:

- Нет, ваше величество. Вы мне обещали - и я буду *требовать* исполнения обещания.

Он смотрел, как через толстое стекло:

- Требовать не получится, Лена. Я просто верну тебя в твой мир - навсегда.

Я задержала дыхание - грудь, казалось, сейчас лопнет:

- Возвращайте. А все равно обещание останется. Вы его нарушите?

- Какая разница - одно обещание нарушать или два? Если уж мне суждено умереть клятвопреступником...

- Вы не умрете. И вы не клятвопреступник. Я поеду и добуду вам принцев. То есть не вам, а этим дурам, идиоткам, крысам, жабам, стервам...

- Достаточно, - уголки его губ чуть-чуть приподнялись. - Ты никуда не поедешь, потому что... потому что туда нельзя. А теперь говори и думай что угодно. Ничего не изменится. Я решил.

- Вы решили?!

Мне захотелось убить его на месте. Если бы под руку попало что-то тяжелое... я бы швырнула в него, честное слово, только бы стереть с его лица это показное равнодушие, разбить, да хоть надколоть его ослиное упрямство. Он решил, ну вы подумайте!

- Получается, это было самоубийство? Выходит, давая обещания принцессам, вы заранее знали, что принцев для них не найдется? Ведь вы даже не пытаетесь бороться! Думаете, Королевство вам скажет спасибо, если вы умрете и бросите его? Ради чего? Зачем?

- Не кричи.

- Почему, - я заставила себя понизить голос, - почему вы могли позвать меня в дорогу, прекрасно зная, что это опасно для жизни... А я не знала тогда, как посох в руках держать! Вообще ничего не понимала! Тогда мною можно было рисковать? А теперь нельзя?

- Тогда я знал, что ты будешь рядом и я смогу тебе помочь. Тогда мы все рисковали - ради Королевства, ради целого мира и множества людей. А отправлять тебя... да кого угодно! Отправлять за Ведьмину Печать ради спасения моей шкуры... ты за кого меня принимаешь?!

Он по-прежнему смотрел очень холодно. Как будто перед ним по комнате бегало странное, докучливое, не очень уместное животное. Я сжала кулаки - так что ногти врезались в ладони:

- Я вас принимаю за мудрого государя. Который знает, что его шкура - это шкура его страны. Она не только ваша! Что будет с Королевством, если вы умрете так...

Я запнулась. Мне было страшно говорить то, что я собиралась сказать.

- Так глупо? - Оберон поднял брови. - Ну говори...

- Так паскудно, - выговорила я. - Нарушив клятву... нарушив эту идиотскую клятву. Что станет с тонким миром? Со всем этим вашим волшебством? Неужели всем будет все равно? И Королевству?

- Понятно, - его голос не дрогнул. - Ну-ка иди отсюда.

- Как?

- Иди. Ступай!

Я закусила губу, повернулась на каблуках... Я хотела бежать и разыскивать Гарольда. Я готова была выскочить на площадь, влезть на какую-нибудь бочку и заорать оттуда благим матом: люди! Ваш король сошел с ума! Идите и скажите ему кто-нибудь, что нельзя смиряться, нельзя терять времени, надо рисковать, пусть кто-то идет за эту дурацкую Ведьмину Печать, да хоть я пойду...

Стоило мне сделать один только шаг - как мир вокруг перевернулся.

Я сидела на скамеечке возле маленького грязного пруда. Утки переваливались с лапы на лапу, требовали хлеба. А у меня в рюкзаке завалялся недоеденный бутерброд...

По дорожке катилась, погрохатывая колесами, пластмассовая гусеница. Гуляющие мама с малышом брели вдоль озера обратно; как и раньше – как всегда, – я вернулась в свой мир именно в тот момент, из которого исчезла.

Только Гарольда рядом не было.

Меня вышвырнули!

Оберон меня прогнал. «Я просто верну тебя в твой мир – навсегда». Вот и вернул!

Я опустила лицо в ладони. Такого отчаяния – и такой обиды – мне очень давно не доводилось переживать.

– Ленка... Ты чего?

Проклятый Макс. Следил он, что ли, за нами?

– Ленка... Да что случилось? Из-за... того, да? Из-за того хмыря!

– Сам ты хмырь... Уходи.

У Макса, конечно, гордости немного, но кое-какая все же есть. Через минуту я снова была одна – только утки нахально требовали еды да грохотала в отдалении пластмассовая гусеница.

Я вытащила остатки бутерброда. Затвердевший сыр съела сама, крошки хлеба бросила уткам. Они тут же устроили драку – те, что посильнее, гоняли тех, что послабее. Ненавижу эти так называемые законы природы!

Жаль, что пруд в нашем парке махонький, грязный и мелкий. Будь он чуть побольше и поглубже – ухнула бы туда с головой – и привет. Одна мысль о том, что надо теперь идти домой и завтра будет новый день, а потом еще, и целая вереница дней, а Оберон, которого я любила и за которого сражалась, просто вышвырнул меня из Королевства... Одна такая мысль может

кого угодно вывернуть наизнанку.

Утки наелись и ушли.

Солнце опускалось все ниже. Стало прохладно. Я застегнула куртку, надвинула на лоб капюшон. Скоро совсем стемнеет. Мама, наверное, уже вернулась домой с малыши. Увидела, что меня нет, и ругается. Говорит отчиму, что я неизвестно где гуляю и отбилась от рук. А если не приду к девяти – она с ума сойдет от беспокойства...

У меня есть телефонная карточка. Можно пойти на остановку и позвонить.

А потом что? Возвращаться и сидеть на скамейке до утра? Мало ли кто в этом парке ночует...

Идти домой? Тошно, если честно. Никого не хочется видеть.

А может, и не было ничего? Не приходил ко мне Гарольд, не уводил в Королевство? Скоро май, а там лето, каникулы...

Загорелись фонари над прудом. В полутьме не было видно пластмассовых стаканчиков, плавающих у берега, и разбитых бутылок в зарослях камыша. Огни красиво отражались в воде – можно было представить, что пруд чистый, и берег чистый, и вообще ничего плохого в жизни не произошло...

На поверхность пруда упала тень. Двое парней шли в глубь парка от автобусной остановки – двое почти взрослых, неряшливых, каких-то странных парней. Я поднялась со скамейки – что мне, ждать, когда они подойдут поближе?

- Эй, малая!

Я глянула направо, налево... Почти совсем стемнело. И кругом, как назло, ни души. Будь я магом дороги с боевым посохом в руках – испугалась бы хоть на минуту.

Но я была просто девчонкой и потому быстро-быстро пошла по аллее прочь.

Парни заржали. Может, они смеялись каким-то своим разговорам, но мне-то ясно было, что хохочут надо мной. И прибавили шагу не случайно – гонятся. А дорожка ведет в тупик... То есть ведет она к детскому аттракциону «Автодром», но он по будням не работает.

Я шла все быстрее, пока не побежала. Рюкзак тяжело подпрыгивал на плече. Мимо проносились кусты, деревья, скамейки. Это было как страшный сон какого-нибудь зайца – он бежит, спасая жизнь, а за ним собаки...

За спиной хохотали уже как-то с повизгиванием. Ноги у парней были куда длиннее моих.

Я чуть не налетела на железные ворота – второй выход из парка. Ворота всегда закрыты. Висячий замок намертво проржавел. Направо – стена «Автодрома». Налево – склон, колючие кусты, внизу еще одно озеро...

Задыхаясь, я перемахнула через кусты. Здесь, в чаще, еще не выросла трава – ноги мои тут же заскользили по мокрой земле и глине, я потеряла равновесие и покатила, как мешок, вниз, вниз, в грязный, покрытый пеной пруд.

У самой кромки воды падение оборвалось: меня схватили за шиворот. Треснули нитки. Я рванулась, готовая биться не на жизнь, а на смерть. Парни перекрикивались и бранились где-

то наверху, в отдалении, так кто же был этот новый враг?!

Собираясь завизжать, я посмотрела вверх; надо мной возвышался человек с горящими в темноте глазами. Не как у кошки – ярче раз в десять. Как будто включили две зеленые лампочки со зрачками, с тоненькими кровяными прожилками.

Я ослабела.

Сверху трещали кусты. Парни утюжили их, как два полоумных бульдозера.

- Где? Вот коза! Куда она...

- А-а-а! А-А-А!

Уж не знаю, что подумали пешеходы на улице за забором. Парни дико заорали в два голоса – один густо и хрипло, другой тоненьким козлиным тенором. Затрещали кусты, затопотали ботинки – и все стихло.

И было тихо минуты две или три.

- Ты не ушиблась?

- Нет.

Оберон помог мне подняться на ноги. Глаза у него по-прежнему жутко светились в темноте, куда ярче, чем у меня или у Гарольда. Король смотрел ночным зрением.

А я в самом деле почти не ушиблась. Только изгваздалась вся в мокрой земле, да еще коленки тряслись. И в рюкзаке что-то треснуло. Наверное, линейка сломалась.

- Идем.

- Куда?

- Отведу тебя домой. Мать с ума сходит.

Я вырвала руку из его руки:

- Не надо. Я сама дойду. У вас же дел полно.

- Пока я здесь, время в Королевстве остановилось, – мягко напомнил Оберон.

- Я сама дойду, – повторила я упрямо. – Вам не нужна моя помощь, ну а мне – ваша. Разошлись по своим мирам, и ладушки.

- Ну что за детский сад!

Я повернулась и полезла вверх по склону – на четвереньках. Подошвы скользили. Я цеплялась за ветхие кустики желтой прошлогодней травы.

Парней, конечно, и след простыл. Тускло горели фонари. Я кое-как отряхнула с колен песок и налипшие комья земли. Интересно, что скажет мама, когда я заявлюсь домой в таком виде.

И ведь как хорошо начинался день...

Оберон выбрался на дорожку вслед за мной. Его глаза больше не светились – они глубоко запали, спрятались под бровями, и тени вокруг были, как темные очки. Я вдруг сообразила – пока я хныкала на скамейке в парке, в Королевстве прошло несколько суток!

- Лена, ты меня прости.

Я молчала, опустив голову.

- Ты просто не понимаешь, чего требуешь.

- Нет, это вы не понимаете, что такое для Королевства – потерять вас.

- Я-то понимаю, – сказал он тихо. – Ты сама не знаешь, как ты права.

- Если понимаете – почему не ищите принцев? Почему не позволяете Гарольду? Почему не позволяете мне?

Мы медленно шли по пустынной дорожке вдоль пруда. В воде отражались фонари.

- Вот телефон, – будничным голосом сказал Оберон.

- Ну и что?

- Позвони матери. Скажи, что придешь через полчаса.

Мне захотелось реветь. Он был такой спокойный, равнодушный... непошибаемый. Как бетонная стенка – хоть голову о нее разбей.

- А я не буду звонить. И не приду через полчаса. И... уходите!

Он схватил меня за клапан рюкзака. Удержал:

- Подожди. Даже если ты пойдешь сейчас со мной в Королевство, и проживешь там годы и годы, и будешь сражаться с кем захочешь за что захочешь – ты все равно будешь дома через полчаса... Понимаешь?

Глава 4

Анатомия обещания

На королевском письменном столе царил беспорядок. Громоздились бумаги и свитки, неровными рядами стояли склянки и чашки, большая чернильница лежала на боку. Старая серая крыса с подвязанным к спине хвостом меланхолично промокала губкой высыхающую чернильную лужицу. Я разинула рот.

- Это Дора, уборщица... не пугайся. Она свой человек.

- Человек? Вы превратили ее в крысу в наказание?!

- Нет, что ты, она всегда была крысой. «Свой человек» - в смысле, ей можно доверять.

Оберон уселся за стол, локтем сдвинул в сторону бумаги. Полетела вниз подставка для перьев в виде мага с посохом; Оберон поймал ее на лету. Поставил на край столешницы. Крыса перехватила статуэтку за талию и поволокла в глубь завала, оставляя за собой мелкие чернильные следы.

Я огляделась.

Похоже, в королевском кабинете несколько дней не прибирался никто, кроме Доры. А крысе не под силу было расставить по местам сдвинутые лавки, поднять опрокинутый стул, сменить портьеру, опаленную снизу огнем упавшего канделябра. Моя мама при виде такого «порядка» упала бы в обморок.

Посреди комнаты стояла на трех деревянных ногах уже знакомая мне доска, покрытая меловой пылью. На ней много раз что-то писали - и стирали небрежно, так что буквы и чертежи, проглядывая друг через друга, образовывали красивый бессмысленный узор.

- Итак, Лена, я готов перед тобой отчитаться, - Оберон вытащил из-под груды бумаг тугой свиток, развернул, и я увидела красивую географическую карту - черный рисунок на желтоватой бумаге. - Королевство растет с каждым днем. Кроме столицы, основаны десять больших городов и несчетное множество деревень и поселков. Земли плодородны. В лесах полно дичи и леших. В горах гнездятся драконы, в реках безобразничают русалки, монетный двор чеканит монету, купцы везут богатые товары из-за моря. Все, как обычно, все, как должно.

Я разглядывала карту, и мне казалось, что нарисованные тушью корабли покачиваются на кружевных волнах, кивают парусами.

- Все, да не все. Разве заморские принцы не знают, что у вас пять принцесс на выданье?

Оберон потер переносицу:

- Лена. Ты когда-нибудь задумывалась об устройстве нашего мира?

- Ну вот же, - я показала на карту. - Моря, берега, реки... У вас земля круглая?

Король ухмыльнулся:

- Вообрази, что ты стоишь в темной комнате. Или нет... Что ты летишь в темной пустоте. Если ты зажжешь огонь - осветится круг. Ты увидишь ближайшие предметы. Чем ярче горит твоя свечка, тем больше их будет. Моря, берега, реки. А за пределами освещенного круга - мрак, и ты не знаешь, что там. Где сейчас наш старый мир? Тот, что мы с тобой вместе покинули? Мы прошли через неоткрытые земли и никогда не сможем вернуться. Освещенные пятна летят сквозь темноту, ежесекундно отдаляясь на тысячи лет, на миллионы полетов стрелы...

- Это что, - спросила я шепотом, - как в космосе?

- Не знаю, - сказал король после паузы. - Я это представляю именно так: пузырьки света, плавающие во мраке. Королевство - искра, способная преодолеть темноту и зажечь новый свет. А когда он разгорится - снова уйти в темноту. Вот наш мир, Лена, для него не составлено карт, не придумано глобусов. Большое море - огромное темное пространство, никто не знает, что лежит за ним. Может быть, ничего не лежит. И нет никаких заморских принцев.

- А заморские купцы есть?

Оберон пренебрежительно махнул рукой.

- Они плавают вдоль побережья. Берут лес и шерсть в устье Ланса и везут вот сюда, в Смильну, - Оберон ткнул пальцем в изображение тупомордого чудовища на карте. - Здесь продают, как товар из-за моря... А шелк, ковры и шкуры бекриков везут обратно в столицу. Так и торгуют.

- Шкуры бекриков? - переспросила я машинально.

- Контрабандой. Наша таможня не успевает проверить все трюмы. Но, честно говоря, жителям Смильны все равно приходится отстреливать бекриков десятками - они плотоядны, вытаптывают посевы, крадут скот, а размножаются со страшной скоростью, делясь надвое и натрое...

Я внимательнее присмотрелась к тупомордому чудовищу на рисунке. Его шкура была клетчатая, как занавески у нас на кухне.

- И они несъедобны, - сказал король, будто извиняясь.

Дора, крыса-уборщица, выбралась из завала. С трудом поставила на место опрокинутую чернильницу. Метелкой, связанной из трех облезлых перьев, принялась мести стол. Полетела пыль.

- Значит, - спросила я тихо, - в этом мире вообще нет принцев, кроме Александра, вашего сына?

Оберон молчал.

- Значит, вы обещали принцессам принцев, заранее зная, что обещание невыполнимо?

Дора ненароком смела со стола большой кусок мела. Грянувшись об пол, мел разлетелся на много осколков. Крыса бросила метлу и схватилась лапами за голову.

- Разве я самоубийца? - тихо спросил Оберон. - Надежда была, и довольно твердая. Вот, например, если бы жители островов оказались не людоедами, а приличными людьми, и власть у них не выгрызалась зубами, а давалась по праву наследования, наши принцессы давно были бы замужем.

Я оживилась:

- Может быть, выдать принцесс за людоедов?

- Заманчиво, - серьезно кивнул Оберон, - но Обещание от этого не исполнится.

- А... принцессы могут вообще-то выбирать? Если вы приведете какой-то из них принца, она обязана выйти за него, даже если он горбатый?

- Если горбатый - можно отказаться. Но если у него прыщ на носу, или он ревнив, или склочен, принцесса тем не менее должна идти к нему в жены, иначе сразу лишится звания сестры-хранительницы.

- А если принц, к примеру, вдовец?

- Не имеет значения. Принцесса обязана за него выйти.

В голове у меня закрутились цветные картинки. В тот момент они даже не казались мне страшными, наоборот: на секунду я поверила, что нашла выход. Это же проще простого...

Я глупо улыбнулась. Мысли, без спросу забравшиеся ко мне в черепушку, были смешные и гадкие одновременно. Хорошо бы Оберон не догадался, о чем я подумала.

Но главное - надежда есть. Маленькая, но есть.

- Ваше величество, а если принцессы сами, по доброй воле, вернут вам ваше Обещание?

Оберон внимательно меня разглядывал. Понял он или нет, что за идея меня посетила?

- Они не вернут, - сказал он наконец. - Знаешь, как только в округе разнесся слух о сестрах-хранительницах, к нам толпами повалили разнообразные женихи. Но ни одна из пяти принцесс не променяла будущего принца на семейное счастье здесь и сейчас.

- Понятненько, - я закусила губу. - А вы с ними разговаривать не пытались?

- С женихами?

- С принцессами!

- О чем?

- О том, что нехорошо так себя вести!

- Я дал им обещание. Как мне объяснить, что ждать его исполнения нехорошо?

- Можно, я с ними поговорю? - спросила я небрежно.

Ах, как мне было страшно, что он откажет!

- Не стоит, Лена, - сказал король, и мое сердце ухнуло в пятки. - Хотя... Как хочешь.

Я перевела дыхание. Надежда окрепла.

- Ваше величество, а если у меня получится уговорить не всех принцесс, а только некоторых? Или даже одну?

Король испытующе на меня посмотрел. Поднялся, прошелся перед доской взад-вперед, под подошвами у него похрустывали осколки мела, но он не обращал внимания.

Остановился. Широким рукавом смахнул с доски пыль и остатки чертежей. Поднял с пола самый большой меловой осколок.

- Смотри. Вот пять принцесс - Алисия, Ортензия, Филумена, Стелла и Розина.

Постукивая мелком, он быстро нарисовал на доске пять фигурок в треугольных платьях.

- Вот Обещание...

Он обвел фигурки пунктирной линией, заключая их в круг.

- Любая из принцесс вольна выйти замуж за кого угодно, - Оберон пририсовал к одной из фигурок стрелку, выводящую за рамки круга. - При этом прочие могут последовать ее примеру, а могут ждать принца до первого седого волоса. Но как только - если! - какой-нибудь принц назовет одну из наших девушек своей невестой... - он пририсовал рядом с верхней фигуркой человечка в короне, - остальные обязаны будут ждать своей очереди. То есть Обещание становится непроницаемым, вот таким... - и Оберон навел поверх пунктирного круга толстую непрерывную линию. - Понятно?

- Как это все сложно, - протянула я с грустью.

- Ничего сложного. Принцессы прекрасно знают, что, пока на горизонте не появится первый принц, они совершенно свободны. Но что-то пока не спешат этой свободой воспользоваться...

Я мрачно улыбнулась собственным кровожадным мыслям.

- Ваше величество... когда мне можно будет с ними поговорить?

* * *

У Гарольда был собственный дом под красной крышей, с серебряным флюгером-драконом. Его жена оказалась милой толстушкой, а сын - воинственным крикливым созданием, так и норовящим ухватить меня за волосы.

- Слушай, - сказала я Гарольду, когда ребенка увели кормить. - Я знаю, как отменить Обещание.

- Врешь!

В минуты волнения Гарольд, взрослый дядька и старший королевский маг, говорил и вел себя как мальчишка из седьмого класса. Оберон прав: ему надо учиться владеть собой.

- Знаю, знаю, - повторила я снисходительно. - Только ты должен мне помочь.

- Как?

- Пойдем со мной к принцессам. Я буду говорить, а ты - подтверждать. Ну и... Если они вздумают драться, мне с ними не справиться, сразу с пятью. А ты - можешь.

- С чего им драться?

- Я буду говорить неприятные вещи, - пояснила я сухо. - Я заставлю их отказаться от обещания по доброй воле.

Гарольд сник. Только что надеялся - и вот разочаровался. Опустил глаза:

- Не выйдет. Я уже пытался.

- И что ты им говорил?

- Ну всякие слова о разуме, о совести. Что Оберон из-за них умрет, Королевство придет в упадок, и они ведь ничего не добьются - принцев как не было, так и нет. И что какой-нибудь честный капитан или купец лучше принца в сто раз. И что, мол, какой им смысл стареть в этом храме Обещания?

Гарольд засопел.

- А они?

- Смеялись, - признался старший королевский маг. - Прямо животики надрывали. Заправляет у них эта... Филумена. Так она... - Гарольда передернуло. - Знаешь что? Им на всех начхать. Что им Оберон, что им Королевство? Им нравится жить в храме, у всех на виду, нравится, что все с ними носятся, о них только и говорят... - он замолчал и опустил голову.

Я вдруг поняла, как сильно устала. Там, в нашем мире, был уже поздний вечер, а здесь только солнце склонялось над морем. В комнате у Гарольда было светло и удивительно чисто - вымыты гладкие деревянные стены, вытерта пыль с мебели и карнизов, отполирован узловатый посох мага, стоящий в углу на особой стойке. Мирно покачивались занавески.

- А если они влюбятся в кого-нибудь?

- Они? Брось. Они не способны ни любить, ни влюбляться. Они хотят только привлекать внимание, сводить с ума и потом прогонять. Расчетливые стервы, вот кто они такие.

- Тем лучше, - я улыбнулась. - Значит, их не жалко.

- Не жалко? Что ты задумала?

- Увидишь... Гарольд, возьми свой посох. И найди мне подходящую одежду - я хочу выглядеть прилично, потому что через час у нас свидание с принцессами в храме. Король отправил им посыльного, чтобы ждали.

- Надеюсь, ты в самом деле придумала что-то умное? - сказал Гарольд без особой уверенности.

- Не сомневайся, - я выпятила грудь. - Знаешь что? Добудь мне сапоги на каблуках. Чтобы казаться повыше. Надо, понимаешь, для дела.

Глава 5

Сестры-хранительницы

Солнце склонялось все ниже, но до темноты было далеко. Я шла по улочкам нового города, закутавшись в плащ до самого носа. Да, у меня теперь был плащ с королевским гербом, черный с серебром платок - знак мага дороги, тонкая рубаша и кожаные штаны, и жилетка с нашитыми металлическими пластинками: все мои старые вещи кто-то, оказывается, бережно сохранил, вычистил, выстирал и заштопал дыры. И пусть рукава и штанины были короче, чем надо, - меня это только радовало. Плюс восемь сантиметров - не шутка!

Гарольд шагал рядом, степенный и хмурый. Постукивал посохом по мостовой. Перед нами расступались: только что была толкучка, и вдруг - вжик-вжик - свободный коридор. Гарольду кланялись, на меня поглядывали с недоумением: что это, мол, за мелочь рядом с королевским

магом?

Они меня не знали, новые обитатели Королевства. Ничего! Скоро узнают.

Мы вышли на площадь, и сердце во мне снова скакнуло. Самой площади было всего ничего, так, перекресточек. Зато храм! Вблизи он оказался просто огромным, не меньше королевского замка. Солнце отражалось в сверкающем куполе.

У входа в храм сидели на ступеньках музыканты. Играли вроде бы каждый свое, но вместе получалась жутковатая завораживающая музыка. Я струхнула.

Самоуверенных бьют по ушам, как говаривал наш физкультурник. За шесть лет, которые прошли в Королевстве в мое отсутствие, бывшие принцессы-невесты успели повзреть. Я перед ними – маленькая девочка, ребенок-из-пеленок. Они смеялись над Гарольдом – как же они будут потешаться надо мной?!

Мы шли через площадь, и народ глазел на нас со всех сторон. Я споткнулась раз, потом другой. Может, еще не поздно повернуть обратно?

Нет. Поздно. Вот затихли музыканты, вот плавно, с завораживающей медлительностью, растворились ворота. Я прищурилась. Похоже, у них в храме было светлее, чем на залитой солнцем площади!

Музыканты вскочили со ступеней, привычно расступились и по щелчку невидимого дирижера заиграли новую мелодию – веселую, танцевальную. В ритме музыки выскочили девушки в веночках – я испугалась, что это принцессы и есть, но их было, по крайней мере, штук пятнадцать. Изгибаясь во все стороны, кувыркаясь и подпрыгивая, девушки прошлись по площади в танце, потом выстроились у входа в храм, образовали живой коридор и прокричали хором:

- Госпожи! Сестры-хранительницы! Приветствуют! Королевского мага Гарольда! И маленького незнакомца! Входите! Вам позволено!

Голоса у девушек были звонкие, как визг циркулярной пилы. Я обомлела от такой наглости: ну надо же! «Маленького незнакомца»! Да еще и «позволено»! Ну, распустил их тут Оберон...

Когда я сильно волнуюсь, меня начинает немного мутить. Вот и теперь: со всех сторон доносились крики толпы (Еще бы! Бесплатное представление!), девчонки улыбались напояженными ртами, а я все силы бросила на то, чтобы удержать дрожь в ногах да не побледнеть слишком резко. У меня кожа тонкая: что краснею, что бледнею – в один момент.

Гарольд молча двинулся вперед, сквозь живой коридор этих дурищ в веночках, я задрала нос до самого неба и зашагала за ним. Да, легко строить планы, а когда дойдет до дела – знай коленки удерживай, чтобы не тряслись.

Мы поднялись по истертым ступеням (Храм-то новый! Когда же успели до дыр истоптать!), миновали створ ворот и вошли в светлый, прямо-таки сверкающий зал. Все здесь было очень яркое, все золотое или позолоченное, все, что могло блеснуть – блесло. При виде такого великолепия любая сорока удавилась бы от зависти.

Купол изнутри был полый, чем выше, тем темнее. На внутренней его стороне нарисованы были звезды, и в высоте носились, вспыхивая, искорки-светлячки.

- Наши гости поражены великолепием храма, - прозвучал под этим куполом необычайно громкий, будто по радио, голос. Откликнулось эхо; мы с Гарольдом стояли, как на арене цирка, на пяточке мозаичного пола, а перед нами возвышались полукругом пять огромных кресел. На каждом восседала женщина: в сравнении с креслами все они казались маленькими. Разодетые в пух и прах, красивые, самодовольные, они глазели на нас сверху вниз, а та, что сидела в центре, еще и ухмылялась.

И это те самые принцессы-невесты, которых я когда-то защищала? Которых мы везли в караване почти как груз? Те самые «высочества», которые в присутствии Оберона стеснялись поднять глаза?

- Приветствуем сестер-хранительниц, - сухо сказал Гарольд, изображая поклон. - Мы к вам по делу.

- Неужели? - удивилась та, что сидела в центре. Ее голос усиливался каким-то приспособлением и разносился по залу, как мелодичный грохот. Я прищурилась: на спинке среднего кресла имелась золотая табличка с надписью «Филумена».

Ах, вот оно что. Вот кто у них заправляет.

- Какая скука, - сказала Филуменина соседка справа, рыжая, как апельсин. Ее голос, тоже громкий, оказался еще и хриловатым. На спинке кресла я прочитала: «Алисия».

- А что это за малявку ты нам привел? - спросила толстячка, занимавшая крайнее правое кресло. Я зыркнула в ее сторону: «Ортензия». Как она расплнела за шесть лет! Была ведь тоненькая, как травинка, а теперь... Толстые щеки, толстые пальцы, зад едва в кресле умещается. А туда же - «малявка»!

Я выждала секунду – и откинула капюшон. Конечно, они моментально меня узнали. Одна только Филумена догадалась притвориться, что задумалась и вспоминает: прочие раскололись сразу же. Алисия выпучила удивленно глаза, Ортензия сказала «Ох», та, что сидела крайняя слева – Розина, – захлопала в ладоши. И только девушка, чье кресло помещалось между Филумениным и Розининым – Стелла, – просто улыбнулась.

– Лена! – выкрикнула Розина. – Маг дороги! Откуда?

– От верблюда, – сказала я степенно. Мне уже было совершенно ясно, что разговора в этом зале не получится. Стоишь тут, как мышь перед динозаврами, поди-ка заставь себя слушать!

Принцессы изучали меня, переглядываясь, перемигиваясь, точь-в-точь как противные десятиклассницы.

– Ты мало изменилась, – Филумена прищурила черные, обрамленные пушистыми ресницами глазищи. – В вашем мире все такие маленькие?

Ну вот. Нашла слабое место и бьет, и лупит!

– В нашем мире, – сказала я холодно, – прошло всего лишь четыре месяца. Так что пока вы тут думаете о седых волосах, я еще седьмой класс, к сожалению, не успела закончить.

Они снова переглянулись.

– Мы вовсе не думаем о седых волосах, – сказала толстая Ортензия, нервно поправив светлый локон на виске. В своем голубом платье она была похожа на необъятное облако.

– Мы думаем о принцах, – сказала Розина и захихикала. Она была самая некрасивая из принцесс и самая расфуфыренная – серая мышь в алых и золотых кружевах. На прическе у нее сидела алмазная бабочка с проволочными усиками, и, когда Розина смеялась, эти усики тряслись так, будто бабочка собиралась чихнуть.

Стелла, ее соседка, молчала. Она была единственной, кто пока не проронил ни звука.

– Принцессы, – я прокашлялась. Голос мой звучал не очень-то внушительно, но в этом зале и тихие звуки усиливались и поднимались под купол. – Я пришла к вам с важным и неотложным делом. Речь идет о вашей жизни или смерти, поэтому давайте-ка побеседуем, как старые знакомые. Без всего этого, – я обвела рукой вокруг, – цирка.

Розина перестала улыбаться и испуганно затрясла бабочкой. Стелла и Ортензия быстро взглянули на Филумену. Рыжая Алисия рассеянно подтянула кружевную перчатку, изумрудную с золотом, в тон потрясающе красивому зеленому платью.

– Гарольд, – невозмутимо проговорила Филумена. – Поясни бывшему магу дороги, что за время, пока мы не виделись, в государстве произошли кое-какие изменения. Сестры-хранительницы сами выбирают, где и как принимать гостей и принимать ли вообще. Вас прислал король?

– Да, – сказала я быстро, не давая Гарольду возможности ответить. – Шесть лет – долгий срок. Но за последние сутки в Королевстве произошли еще кое-какие изменения. И вы о них пока не знаете, хотя касаются они прежде всего вас!

Толстая Ортензия колыхнулась в кресле, как студень. Рыжая Алисия откинулась на спинку, придав лицу утомленно-загадочное выражение. Стелла нервно сцепила пальцы, Розина икнула.

- И ребенок из другого мира явился, чтобы нас просветить? - холодно спросила Филумена.

Я задержала дыхание.

Когда мы шли по неоткрытым землям, я была не «ребенок». Я убивала сосунов, корнями пьющих человеческие соки, я держала своды подземного тоннеля, я освобождала принцесс из-под завалов песка. И теперь они смеют так со мной разговаривать!

Я выдохнула, снова набрала полные легкие воздуха и оттолкнулась ногами от мозаичного пола. Если у меня не выйдет, если я разучилась или плохо сосредоточилась - получится смешной прыжок на месте, тогда уже точно пиши пропало...

Я зависла в воздухе над самым полом. Мое тело раздумывало: то ли опуститься обратно, то ли подниматься выше?

В этот момент я встретилась взглядом с Филуменой. Она глядела на меня, как на обезьянку в футбольных трусах.

Ну погоди.

Надувшись как шар, я поднялась еще на несколько метров. Гарольд смотрел на меня с тревогой. Со свистом выдохнув, я зависла почти под куполом - вровень с лицами сидящих на тронах принцесс. Ощущение было такое, будто впервые после долгого зимнего перерыва сел на вихляющийся чужой велосипед, где и сиденье слишком высокое, и педали неудобные, и руль немножечко свернут в сторону, а ты все равно едешь, удерживаешь равновесие и весело думаешь: а как тормозить?

Я раскинула руки. Свет бил со всех сторон, мои крестообразные тени лежали на полу и на стенах, и, что самое приятное, одна из них прилась прямо на лицо Филумены. Значит, сейчас она видит только мой подсвеченный сзади силуэт.

Ага, «ребенок из другого мира»?! Розина вздрогнула, Ортензия обмерла, Стелла подалась назад, Алисия, наоборот, сильно наклонилась, словно разыскивая под ножками кресла слетевшую с губ презрительную ухмылочку.

Складки моего плаща расправились. Я замерла, опасаясь лишним движением нарушить равновесие.

- Что же ты хочешь сказать нам, маг дороги? - после длинной паузы спросила Филумена.

- Вы в опасности, - я говорила отрывисто, берегла дыхание. - Совет магов моего мира принял

решение.

- В твоём мире нет магов, - пробасила Ортензия.

- Что вы знаете о моём мире? Совет магов не потерпит. Решено исполнить обещанное королем.

Снизу доносилось дыхание Гарольда. Слишком громкое. Хоть бы он проследил за лицом, не выдал меня случайным словом или глупой миной. Держись, Гарольд, ты все-таки главный королевский маг!

- Нам приведут принцев из твоего мира? - Алисия наконец-то выпрямилась. Щеки ее налились неприличным бордовым цветом, даже зеленый с золотом наряд не казался теперь таким красивым.

- Нет. Вас выдадут замуж здесь.

- За кого? - быстро спросила Розина.

Меня стало немного кренить вправо. Кренить и разворачивать. Что здесь, ветер? Сквозняк? Пытаясь удержать равновесие, я поднялась еще выше. Тень сползла с лица Филумены. Принцесса прищурилась.

- Вас решено выдать за принца Александра.

Три выкрика раздалось одновременно:

- Бред!

- Ерунда!

- Дура!

Промолчали только Стелла и Филумена. Первая, в жемчужно-белом платье, все так же заламывала пальцы. Вторая внимательно меня разглядывала: для этого ей приходилось теперь смотреть вверх, запрокидывая голову.

Как далеко внизу осталась мозаичная «арена»! Каким маленьким кажется Гарольд! Он тоже смотрит на меня, но видит только подметки да полы плаща...

- Все просто, - я старалась, чтобы они не услышали моего тяжелого дыхания. - Сейчас принц женат на Эльвире. Если Эльвиру уронить с корабля в море, принц будет снова свободен. После Эльвиры выйдет замуж Филумена. Ей поднесут на ночь сонную траву, и она не проснется. После Филумены настанет очередь Алисии. И так до тех пор, пока каждая из вас не получит принца в мужья. Все справедливо. Все, согласно Обеща...

Я не могла больше говорить - меня опять стало кренить вправо. Звезды, нарисованные изнутри на куполе, мягко мерцали. Вокруг кружились золотые искры, не то бабочки, не то светляки. Навернись с такой высоты - мокрое место останется. Никакая магия не поможет.

Принцессы говорили разом. Их голоса сплетались, отдавались эхом, до меня доносился рубленый салат их воплей: «Да как они посме... она лже... это пра... я боюсь... они не посме...»

- Выход один, - я вскинула правую руку, будто призывая к вниманию, на самом деле, чтобы не завалиться на бок. - Вы сегодня же, сейчас. Объявляете королю и Королевству. Что больше не

ждете принцев. Что отдаете Обещание назад. Решайте быстрее.

Я затрепыхалась, как подстреленный воробей. Хотела опуститься, но вместо этого поднялась еще выше, под самые звезды.

- Я готова вернуть обещание, - раздался вдруг голос, которого я раньше не слышала. Это была Стелла.

- Только попробуй! - зашипела Алисия.

- Не давай себя запугать, - голос Филумены был непривычно тонким, но говорила она уверенно. - Это обман. Это блеф!

- Нет, - рявкнула я из-под купола. - Даже если его величество Оберон... проявит благородство... Совет магов из моего мира сделает все, как я сказала!

Эти мои слова оказались большой ошибкой.

Принцессы разом замолчали. Со своей верхотуры я видела пять запрокинутых лиц.

- Вот оно что, - медовым голоском пропела Алисия. - Значит, совет магов твоего мира главнее Оберона?

- Значит, - подхватила Филумена, - король больше не хозяин в своей стране?

- Придет совет магов и переспорит Оберона, - хмыкнула Ортензия. - Хи-хи.

- Фу, врунья! - выкрикнула Розина. - А я поверила!

Стелла молчала.

- Лена, - я услышала напряженный голос Гарольда, - спускайся...

- Слушайте, вы! - я никак не желала принимать поражение. - Ну что вы уперлись, как козы? Вы же состаритесь в этом храме! Вас же проклянут все на свете, сами люди после смерти Оберона храм развалят, а вас прикончат! Вас же на куски порвут!

- Прекрати истерику, маг дороги, - с отвращением промолвила Филумена. - Никто не состарится. Никто не умрет. Просто вы, могучие маги, оторвете наконец зады от кресел и отыщете то, что обещал Оберон. Нам все равно, откуда вы приведете принцев - но вы их приведете. Это наше последнее слово.

- Ах так! - закричала я. - Ну погоди. Я вам достану принцев! Одного ревнивого, другого прыщавого, третьего... людоеда! А четвертого...

Тут воздух перестал меня держать, и я полетела вниз - сначала медленно, поворачиваясь вокруг своей оси, а потом все быстрее и быстрее. Перед глазами сделалось сперва красно-красно, а потом темно. И затихал вдали издевательский хохот принцесс.

Глава 6

Явление Уймы

Спас меня Гарольд. Сплел посохом сеточку и сумел поймать меня у самой земли, вернее, у самого мозаичного пола.

В гробовом молчании мы с ним вышли из храма и побрели, куда глаза глядят. Вышли за городские ворота (стража приветствовала нас, кое-кто меня узнал, но мне было не до разговоров и не до объятий). Выйдя на берег речки Ланс, мы уселись на перевернутую рыбацью лодку и устали на поросший лесом противоположный берег.

Солнце село. Закатное небо отражалось в широких и спокойных водах Ланса.

- А какая хорошая идея, - сказал Гарольд.

- Что?

- Да отличная ведь мысль... Выдавать их замуж по очереди. За Александра, - Гарольд плотоядно усмехнулся.

- Не любишь ты принца.

- А за что его любить? Знаешь, я бы последней выдал замуж Стеллу. Пусть она останется в живых. Она из них единственная нормальная, только Филумена на нее давит.

- Спасибо, - сказала я со вздохом.

- За что?

- За то, что я - это я, а не мокрое место в храме на полу.

- Не за что. Ты здорово летала.

Я улыбнулась:

- И план, говоришь, хороший?

- Ага. Жаль только, что невыполнимый. Для Оберона.

- Так я ведь знаю. Я хотела только, чтобы они испугались.

Гарольд невесело покачал головой:

- Теперь еще они нажалуются королю...

- Пусть жалуются, - сказала я зло. - Гарольд... А что такое Ведьмина Печать?

Он вздрогнул. Покосился с подозрением:

- Откуда ты знаешь?

- Король сказал. Чтобы я, мол, пустил тебя за Ведьмину Печать, да ради собственной шкуры...

Небо потихоньку меняло краски. Будто линяло, сменяя золотую шкурку на светло-бежевую.

- Ленка, - сказал Гарольд. - А ты ведь совсем ребенок.

- Ты же знаешь, что нет. Я маг дороги.

- Знаю. Раньше, когда я сам был сопляком... Я ведь не понимал, какая ты маленькая.

- Я большая. Помнишь, как мы с тобой...

- Да помню! Все помню. Только не знаю, что мне делать. За Ведьмину Печать тебе нельзя... Одной точно нельзя.

- Пойдем вместе?

Гарольд сглотнул. Снова посмотрел за реку. Мне показалось: сейчас он согласится. Сейчас скажет: пойдём вместе. Как в прежние времена. Пойдем и добудем пять принцев для этих поганок-принцесс, и пусть с ними делают, что хотят. Храм Обещания разберем по камушку, на его месте построим цирк... или школу... или просто пусть будет широкая площадь...

Раздался топот. На берег, выбрасывая из-под копыт фонтанчики песка, вылетел приземистый черный конь. В седле его подпрыгивал стражник:

- Господин верховный маг! Еле нашел... Вам письмо, срочное!

И бросил свиток с печатью. Гарольд поймал на лету. Распечатал. Просмотрел. Поскучнел, опустил плечи:

- Ну вот... Опять. Кочевники на севере. Захватили целый город, а там женщины, дети... Хорошо. Ладно. Они у меня попляшут.

И обернулся к всаднику, ожидавшему приказаний:

- Собирай людей. На рассвете выступаем.

Стражник ускакал.

- Вот так, Ленка, - с тоской сказал Гарольд. - Обещал жене сегодня дома ночевать.

Я опустила голову. Топот копыт затих, над рекой протяжно прокричала вечерняя птица.

- Ведьмина Печать - это место? Туда можно попасть?

- Ведьмина Печать - это... Слушай. В нашем мире были времена, когда мертвые не умирали насовсем. Они отправлялись в другую страну. Их нельзя было привести назад, но всегда находились умельцы, которые из этого мира попадали в тот и обратно. Могли передать мертвецу весточку от родственников. И наоборот.

- Загробный мир? - я разинула рот.

- Конечно, тот мир был не совсем... человеческий. Но ведь все знали, что рано или поздно туда попадут. Посредники - те, кто ходили туда-сюда - очень ценились. Кроме того, что они передавали вести от родственников, они еще и хорошее местечко могли приготовить. Представь: помираешь и знаешь, что тебя уже ждут...

- Ну ничего себе, - вырвалось у меня.

- Да. Те, кто могли ходить в тот мир и возвращаться, были в основном некроманты. Ты знаешь, кто такие некроманты?

- Обалденно злые маги, специалисты по мертвецам, - я поежилась.

- Вот-вот. А они не из тех, кто особенно церемонится, особенно если чувствуют выгоду. Вот они ходили с того света на этот, и узенькая лазейка между мирами становилась все шире и шире. И живого народу туда попадало все больше и больше. И в какой-то момент все перемешалось. И мертвые существа из того мира ломанулись в этот.

- Бр-р-р... - мне все больше становилось не по себе.

- Тут бы всему и конец, но нашлась одна ведьма - имени ее никто не помнит. Она запечатала проход между тем и этим миром. Много веков между ними вообще не было связи. Мертвые, как ты понимаешь, назад не приходили, рассказать было некому... Я вообще всегда думал, что это сказки. Только когда Оберон в позапрошлом году показал мне эту Печать...

- Оберон? Она у него?

- Она ни у кого. Просто есть люди, которые умеют Печать открывать и закрывать. И Оберон бывал за Печатью, давно. Это больше не царство мертвых... но место очень неприятное.

- М-да, - пробормотала я.

Вечер был теплый, безветренный, напевал сверчками, еле слышно шелестел водой, а я сидела вокруг всего этого мира и спокойствия, и мне представлялось бывшее царство мертвых, захлавленное и запечатое, как чулан.

- Как-то, знаешь... - начала я без уверенности. - Есть легенды про героев, которые спускались в загробное царство. Н-но... Это в самом деле были великие герои...

(И все взрослые мужчины, добавила я про себя.)

Гарольд пожал плечами:

- В настоящем загробном царстве, действующем, у нас хоть какая-то была бы подмога: Ланс, например. Мой отец... А так - подмоги не дожидаться.

- Но там есть принцы?

- Да! Оберон рассказывал, там очень много маленьких королевств. Все со всеми воюют. Конечно, там есть принцы.

Понемногу темнело. Небо окончательно вылиняло, из бежевого сделавшись голубым, а потом и синим.

- А почему Оберон сам туда не пойдет?

Гарольд хлопнул по колену хрустящим свитком:

- Да потому что... понимаешь, здесь только с виду все спокойно и хорошо. А на самом деле у Королевства полно врагов. Стоит им узнать, что короля нет на месте - тут такое начнется...

- А если он умрет? Не начнется?

Гарольд виновато опустил голову.

- Ну что ты молчишь?

- Если он умрет, - сказал Гарольд глухо, - король все равно будет на месте. Я.

- Вот как? - спросила я противным голосом ябеды. - Ты что, ровня Оберону?

- Нет, - Гарольд глядел за реку. - Но когда... если... он умрет, я получу по наследству часть его силы.

- Тогда о чем мы вообще беспокоимся? - спросила я после длинной паузы.

Гарольд коротко взглянул на меня. Мне сделалось стыдно.

- Прости.

Он молчал.

- Ну прости, пожалуйста. А ты сам не можешь туда...

- Ну что мы одно и то же по кругу повторяем? - в голосе Гарольда было теперь раздражение. - Я пойду, а там пусть кочевники детишек режут.

- Ты на меня рассчитывал, - сказала я грустно. - Ты меня привел, чтобы я отправилась за Ведьмину Печать.

- Я тебя привел, чтобы ты уговорила Оберона, - возразил Гарольд не очень уверенно.

- Зачем его уговаривать, если ты сам говоришь - он не может идти?

Над рекой зажглась первая тусклая звездочка.

- Если честно, - тихо сказал Гарольд, - я тебя привел просто от отчаяния. Ты единственный человек... единственный здесь маг, кроме меня и Оберона. Мне хотелось с тобой... поговорить, что ли.

- Ну вот и поговорили.

- Поговорили, - Гарольд вздохнул. - Лучше тебе вернуться, конечно. Все равно...

Он замолчал.

- Как он мог дать такое глупое обещание? - вырвалось у меня. - Не мог придумать что-нибудь другое?

- Может, и мог, - голос Гарольда посуровел. - А может, не было ничего другого. Не было выбора, понимаешь?

Звезды загорались одна за другой, словно рассыпали белую крупу. И чем темнее становилось, тем ярче они горели, мерцали, едва заметно меняли цвет.

- Значит, и у нас нет выбора? - спросила я тихо.

Гарольд молчал.

- А время? Время там такое же?

- Оберон говорил, такое же точно. День в день.

- Уже веселее, - я нервно захихикала.

Гарольд взял за голову:

- Ленка... Эта ведь Печать - такая подлая штука. Если за нее кто-то войдет с нашей стороны - пока он не выйдет обратно или не погибнет, Печать никому не подчиняется. Это значит, что никто никому не придет на помощь. Если вошел - рассчитывай на себя!

Холодный ветер прошелся над речкой, и мне показалось, что звезды на минуту пригасли.

* * *

Мы долго спускались по узкой лестнице - в подвал, в подземелье. Шли в полной темноте - ночным зрением я различала влажные стены, кое-где поросшие плесенью, и гладкие ступеньки под ногами. Время от времени лестница поворачивала под прямым углом. Трижды за весь наш путь за поворотом показывался свет - стражники несли вахту на узких лестничных площадках.

Пять или шесть раз Гарольд останавливал меня, чтобы показать ловушку. Человек, не знающий как следует коридора, обязательно задел бы невидимый волосок, протянутый над полом, или наступил на широкую - шире других - ступеньку, или заставил бы вздрогнуть паутинку в углу. Такого неосторожного ждал каменный мешок, а среди стражи поднялась бы тревога.

- Там внизу что, сокровища? Тайник? Ведьмина Печать?

- Тюрьма.

Я притихла.

Наконец, спустившись глубоко-глубоко, мы оказались в большой комнате под низким потолком. На потолке темнели рисунки и надписи, сделанные копотью свечей: «Люблю Элизу», «Здесь сторожил Василек» и тому подобная ерунда. Вдоль стен горели факелы. Стояло большое кресло (как его только протащили по этому узкому коридору?) и несколько бочек, больших и маленьких.

Кое-где на кольцах, вмурованных в камень, висели обрывки цепей.

- О-о, - сказала я, оглядываясь.

- Побудь здесь, - Гарольд взял один из факелов. - Я скоро вернусь.

И так, с факелом, прошел сквозь каменную стену. Только спустя секунду я поняла, что на самом деле в стене был проход - узкий, замаскированный игрой тусклого света.

Я огляделась еще раз. Мне приходилось много раз бывать в разных неприятных зловещих местах, но это подземелье показалось едва ли не рекордсменом по неприятности и зловещести. Чтобы придать себе мужества (я все-таки не пленник здесь, а королевский маг), я уселась в кресло.

Оно было рассчитано на крупного взрослого человека, мужчину. Я попыталась пристроить руки на подлокотниках – локти задрались, как крылышки жареного цыпленка. Чтобы опереться на спинку, надо было принять неудобную, полулежачую позу. Ноги болтались. Повозившись немного, я сползла на край деревянного сиденья, положила ладони на колени и попыталась повторить про себя правописание суффиксов -онн, -енн.

Вспомнить правило мне не удалось, но я, по крайней мере, восстановила присутствие духа к тому моменту, когда из стены – из узкого прохода, где скрылся Гарольд, – без всякого предупреждения показались двое.

Один был мой друг и учитель.

Другой – здоровенный детина, бородатый и лохматый, как дикарь, и голый до пояса. Коричневые волосы росли у него из ушей, из ноздрей, из подмышек, сплошным слоем покрывали живот и, кажется, спину (я сразу не успела рассмотреть). Руки он держал скрещенными перед грудью, и каждая рука была, как тельце барашка, – такая же большая и шерстистая. На запястьях желтели браслеты. Из бороды, колтунами затопившей все лицо, глядели желтые и круглые, как у кота, глазищи. Клювом выдавался белый острый нос; ростом волосатый был примерно с Гарольда, но зато в полтора раза шире. Я оцепенела в своем кресле.

- Познакомься, Лена, – сказал Гарольд буднично. – Это Уйма... Бывший племенной вождь и бывший людоед. Уйма, это Лена – маг дороги.

Желтые глазищи окинули меня внимательным взглядом, и я сильно усомнилась в словах Гарольда. С какой стати мой друг решил, что людоед «бывший»? Зачем он вообще привел сюда это чучело? С ума сошел, что ли?

- Лена, – Гарольд коротко вздохнул. – Я не могу отправиться с тобой сам. Но и одну тебя отпускать – глупость и преступление. Вот Уйма. Он один стоит десятка бойцов. И он согласен пойти с тобой за Ведьмину Печать.

О да, подумала я в ужасе. Он согласен, какая радость. Это что же, один из племенных вождей, захваченных Обероном на островах? В тюрьме показал себя как примерный вегетарианец, «перевоспитался», и теперь Гарольд не просто его отпускает – предлагает мне в спутники? Чтобы первым людоедским блюдом после долгого перерыва стала Лена Лапина?!

- Спасибо, – сказала я, откашлявшись. – Но лучше я все-таки одна.

Гарольд нахмурился, не понимая. Поглядел на Уйму, на меня. Я сделала вид, что рассматриваю черные надписи на потолке.

- Уйма, – сказал Гарольд напряженно, – подожди минуточку...

Он взял меня за локоть и вытащил в коридор, нисколько не заботясь о том, что людоед остался без присмотра.

- Ленка, я ему доверяю. И ты можешь ему доверять. Я бы никогда не отправил его с тобой, если бы хоть одно сомнение...

- А почему он у вас в тюрьме сидит?

- Он не сидит. Он добровольно решил разделить участь своих соплеменников, а среди них есть такие, которые глотают людей целиком.

Я поперхнулась.

- А он, стало быть, не глотает?

- Он вообще людей не ест! Давно!

- Откуда ты знаешь?

- Оттуда! Я королевский маг или кто?

- Не знаю, - сказала я, сдерживая злость. - Не знаю, почему, отправляясь в опасное место, мне главную опасность надо брать с собой.

- Он не опасен! Или ты идешь с ним, или вообще никуда не идешь.

- И пусть все остается, как есть?

Бледное лицо Гарольда пошло красными пятнами. Он выпрямился, едва не стукнувшись головой о низкий потолок, и сразу сделался суровым и чужим:

- Ты оскорбляешь меня недоверием, маг дороги?

- Почему недоверием? - пробормотала я примирительно. - Почему оскорбляю?.. Я не хочу с ним идти, Гарольд, он мне не нравится.

Он некоторое время постоял, как статуя на постаменте, а потом выдохнул и поник:

- Полночи позади. Чтобы открыть Ведьмину Печать, нужно часа четыре, не меньше. На рассвете я выступлю на кочевников, и никуда от этого не деться. Долго мы еще будем препираться?

Глава 7

Ведьмина печать

Втроем мы поднялись вверх - Гарольд впереди, за ним Уйма и я в хвосте процессии. Кожаные штаны людоеда были пришиты к его мягким сапогам. Ступал он бесшумно и очень легко - как будто огромная туша была надута воздухом.

Мы миновали первую стражу, затем вторую и третью. Стражники реагировали на Уйму по-разному - некоторые степенно кивали как ни в чем не бывало. Другие выпучивали глаза. А один молодой солдат, видимо новичок, схватился за пику и приготовился к схватке.

Храбрые ребята в Королевстве.

Мы успешно обошли все ловушки (Уйма, похоже, знал их не хуже Гарольда), поднялись вверх и вернулись во дворец по длинной темной галерее (в том, что Уйма видит в темноте, не

приходилось сомневаться).

Замок пронизан был потайными ходами. Гарольд затащил нас за какую-то портьеру (людоеду пришлось протискиваться боком). По винтовой лестнице, чуть не наступая на беспечных крыс, мы поднимались так долго, что я окончательно выбилась из сил. Гарольд ругался вполголоса. Уйма плыл, едва касаясь лестницы косолапными ступнями, парил над крысами, как волосатый дирижабль, и дышал бесшумно. А может, вовсе не дышал.

Наконец Гарольд привел нас в большую комнату, очень похожую на кабинет Оберона, с такой же деревянной мебелью, с такой же доской на треноге, с таким же захламленным письменным столом. Я поискала взглядом крысу Дору и не нашла.

- Это мой кабинет, - сказал Гарольд. - Мой собственный. Уйма, ты пролезешь вот в такую, - он развел руками, как рыбак из анекдота, - вот в такую дыру?

- Лишь бы пролезет голова, - сказал людоед. Я впервые услышала его голос. Он говорил не на выдохе, как все люди, а на вдохе, и звук получался до того жуткий, что я в отчаянии села на лавку.

- Тогда я навожу Печать, - Гарольд коротко вздохнул. - Эх, времени нет ни на что...

Он быстро развернул доску, протер ее рукавом, как Оберон. Минуту постоял, взвешивая в руке длинный острый мелок. Потом со стуком ткнул в самый центр доски. Полетела меловая крошка.

Гарольд прерывисто вздохнул и повел мелок от центра по спирали. Поначалу мне казалось, что он водит по одному и тому же месту, и только спустя минут десять удалось разглядеть первые результаты его работы - узор, напоминающий годовые кольца на срезе дерева.

- И так надо разрисовать всю доску? - ужаснулась я.

Гарольд тряхнул головой, мол, не мешай.

Уйма бесшумно бродил по кабинету. Брал в руки то одну, то другую вещь. Постоял перед посохом Гарольда, небрежно брошенным в углу; я обнаружила, что держу в руках тяжелый подсвечник. Если бы людоед прикоснулся к посоху - клянусь, одним броском расколотила бы ему голову!

Чувствуя мою решимость - а может, по другой какой-то причине, - Уйма отошел от посоха, не попытавшись дотронуться до него.

Гарольд работал. Мелок полз по доске, не отрываясь. Сыпалась белая пыль. Узор - кривой, несимметричный, какой-то очень знакомый - разрастался на доске, но происходило это так медленно, что я с беспокойством поглядела за окно. Скоро рассвет?

Горели далекие морские огни, горел маяк на каменном мысу, а город утопал в темноте, и легко было представить все таким, как раньше. Когда мы только пришли сюда, когда никакого города не было.

Я поймала на себе взгляд Уймы. Желтый, оценивающий взгляд. Я обернулась - людоед отвел глазищи.

Не к добру.

Я обхватила себя за плечи и вдруг вспомнила, что не ела уже много часов. Что устала топтать по этим лестницам, спина ноет и колени болят, и хочется спать. Да: прикорнуть бы хоть на полчаса, пока Гарольд рисует узоры. Но нельзя, ведь людоед здесь. Может, он только и ждет, когда я отвернусь...

Гарольд замер, не отрывая мела от доски. Закрыв глаза. Он был бледнее, чем раньше, на лбу блестела испарина.

- Лена... Там в шкафу... Твой посох. Возьми.

Я подскочила. И усталость, и сон слетели с меня моментально. Шкаф был здоровенным дубовым сооружением в противоположном углу комнаты, за доской. Косясь на людоеда, я распахнула дверцу; внутри царило безобразие из набросанных как попало книг, бумаг, разноцветных перьев, сушеных ящериц и лягушек, бутылочек и баночек в сургучных шапках, светильников, морских раковин, огарков свечей, песочных часов, и все это было покрыто слоем пыли.

Я чихнула. Удивительное дело: в шкафу был сквозняк. словно там, за нагромождением волшебных предметов, работал мощный вентилятор. Я чихнула еще раз и увидела в глубине шкафа круглое навершие моего старого посоха - наполовину рубиновое, наполовину изумрудное. Я протянула руку, но посох отодвинулся, не желая даваться хозяйке. Я потянулась сильнее...

И вдруг меня как схватят за запястье!

Я не закричала только потому, что мне пылью забило дыхание. А в следующую секунду я увидела большой желтый скелет: он держал меня, одновременно прикладывая костяшку-палец к выпяченному белым зубам. Велел молчать!

- Что там, Лена? - обеспокоенно спросил Гарольд.

Я молчала, но не исполняя приказ скелета, а потому, что у меня отнялся язык. Я могла только вырываться изо всех сил, но скелет держал крепко.

- Костяк, - невозмутимо проговорил Уйма, неведомо как оказавшийся рядом со мной.

- А, - пробормотал Гарольд. - Это сторож. Уйма, скажи ему, пусть отдаст.

Почти коснувшись меня, людоед подошел к шкафу, просунул внутрь волосатый кулак и заехал скелету в зубы. Послышался хруст, костяные пальцы разжались, я отлетела, споткнулась и грохнулась на пол.

В шкафу что-то гремело и перекачивалось. Ни на что не обращая внимания, Уйма аккуратно закрыл дверцу и протянул мне мой посох.

Я поторопилась встать, хотя колени тряслись и поджилки дрожали. Уйма преспокойно ждал; я выдернула посох из его огромной руки. Сжала его в мокрых ладонях и только тогда - немножко - успокоилась.

- Гарольд! Почему ты не предупредил... Почему не сказал мне, что в шкафу скелет!

- А где же ему быть? - Гарольд устал, это чувствовалось по голосу. - Конечно, в шкафу! Я не подумал, что ты не знаешь, извини...

Я обошла комнату и заглянула Гарольду в лицо. Он работал; пот на его лбу блестел обильнее. Нет, по счастью, это не шутка и не издевательство: мой друг в самом деле считал вполне нормальным, чтобы в шкафу у мага сидел сторож-скелет.

Пошатываясь, я подошла к окну. Глубоко вздохнула. Прижалась лбом к навершию посоха.

- Как же ты пойдешь за Ведьмину Печать? - спросили у меня за спиной.

Я резко обернулась. Волосатый дикарь Уйма глядел желтыми гляделками, бесстрастно и пристально, как кот.

- Ногами, - ответила я сквозь зубы. - А что?

- Ты испугалась обыкновенного дохлого костяка...

- Я не испугалась.

- И ты боишься меня...

- Не боюсь!

Уйма мигнул:

- А они дают тебе посох. Я бы не дал.

- А тебя никто и не спрашивает.

Уйма не ответил. Задумчиво покачивая головой, пересек комнату и уселся на скамейку.

Ну вы видали! Какой-то дикарь станет меня учить. Какой-то людоед будет упрекать меня в трусости. И все из-за Гарольда: возьми, мол, в шкафу...

Я крепче сжала посох. Пусть я не держала его в руках четыре месяца - его дал мне Оберон, и я таких тварей, бывало, побеждала, перед которыми самый волосатый Уйма безобиден, как мышка. Вот так.

Я прицелилась посохом за окно и выпустила в небо изумрудный светящийся луч.

И сразу стало легче. Я ничего не забыла, не разучилась. Я по-прежнему маг, и мой посох при

мне, и что мне какие-то людоеды?

Не глядя на Уйму, я распахнула шкаф. Скелет на этот раз затаился. Я мигнула, посмотрела ночным зрением, разглядела очертания гладкой желтой черепушки. Несильно размахнувшись, ткнула наверху посоха. Захрустело, посыпались кости, череп, отвалившись, выкатился из шкафа и юлой завертелся посреди комнаты.

- Что ты делаешь? - простонал Гарольд. - Ты мне мешаешь!

- Был сторож - и нету сторожа, - заметил Уйма. - Приходи, вор. Бери.

Ну на редкость противный дикарь!

- Это ты его развалил, - я попыталась закрыть шкаф. Берцовая кость застряла в двери, мешая ей затвориться. Носком сапога я затолкнула кость поглубже.

Уйма хмыкнул. Гарольд снова остановился, не отнимая мелка от доски:

- Я вас обоих прошу - помолчите. Мне уже немного осталось. Если я сейчас ошибусь - все насмарку, и заново уже не успею.

Не выпуская из рук посоха, я уселась на подоконник. Уйма замер на скамейке - нога на ногу. Круглые желтые глаза разглядывали меня без всякого стеснения.

Я отвернулась.

Что скажет Оберон, когда узнает, что мы с Гарольдом его не послушались?

Это зависит от того, приведу ли я из-за Печати принцев. Победителей не судят... А если не сумею? Оберон, скорее всего, отправит меня домой без права снова увидеть Королевство...

Звезды уже не казались такими яркими. И я снова почувствовала усталость.

Приближался рассвет.

- Все, - сказал Гарольд.

Он стоял перед доской, когда-то черной, а теперь почти полностью белой, разрисованной. Его правая рука висела плетью, пальцы сжимали крохотный огрызок мела, и, казалось, мой друг сейчас грохнется в обморок. Я встала на цыпочки, дотянулась до его головы:

- Оживи!

Пробежали мурашки вдоль позвоночника. Гарольд выпрямился, расправил плечи, и я поняла: получается. Я умею. Я могу. Я еще не то могу. Видел ли Уйма?

В следующую секунду у меня подкосились ноги. Я передала Гарольду большую часть собственных сил, а ведь их и без того осталось не так много.

Людоед наблюдал за мной. Пытаясь скрыть слабость, я присела на край кресла. Посмотрела на доску и впервые поняла, что нарисованные Гарольдом узоры - не что иное, как отпечаток человеческого пальца, увеличенный во много раз.

«Ведьмина Печать». Теперь понятно, каким образом эта самая ведьма запечатала вход в

бывшее царство мертвых.

Сейчас бы поспать...

- Лена, - сказал Гарольд. - Твоя задача - привести принцев *сюда*. Где будут жить новобрачные - в Королевстве или за Ведьминой Печатью - решится потом. Главное, запомни, пять принцев. Совершеннолетних. Желательно, как ты понимаешь, благородных, красивых, отважных...

- Ага, сейчас, - пробормотала я, вспомнив ухмылочку Филумены.

- ...Но на самом деле - все равно каких. Лишь бы принцы.

- А как я узнаю, что принц настоящий?

- Узнаешь. Ты маг или не маг? Обещай им красавиц-невест. Обещай какие хочешь призы и награды, - мы не поскупимся на приданое. Лишь бы они согласились.

- Рассвет, - сказал Уйма.

За окном серело. Гарольд нервничал.

- Мне надо идти. И вам надо идти. А я не успел объяснить, рассказать, дать советы...

- И жрать нечего, - сказал Уйма. Меня передернуло. Я крепче сжала посох.

- Там есть леса, - сказал Гарольд. - Там есть овощи, рыба, дичь. Уйма, ты отвечаешь за то, чтобы Лена была накормлена.

- Угу, - сказал людоед.

- На, - Гарольд вытащил из стола и протянул мне круглый кожаный кошелек. - Не знаю, какие там деньги сейчас в ходу, но золото - в любом случае хорошо.

Кошелек был тяжеленный.

- Кто-то идет по лестнице, - сказал Уйма, потирая ухо. - Далеко.

Гарольд перевел дыхание:

- Сейчас я открою Печать, а потом запечатаю своим пальцем. Лена, для того чтобы вернуться обратно...

- Король, - сказал Уйма. - Это шаги короля.

Мы переглянулись.

- Что я делаю, - прошептал Гарольд. - Батюшки-светы, что я творю...

Он вытащил свечку из подсвечника и плеснул на стол расплавленного воска. Получилась маленькая лужица.

- Для того чтобы снова оказаться здесь, - сдавленным голосом продолжал Гарольд, - надо вернуться к тому месту, где вход... на той стороне увидите... И распечатать. Раскрыть Печать вот этим вот ключом.

Морщась, он прижал к горячему воску большой палец.

- Это ключ. Ради всего святого, не потеряйте! Иначе никогда не сможете вернуться, и мы никогда не сможем вам помочь!

- Он идет сюда, - сказал Уйма.

Гарольд отодрал от столешницы лепешечку теплого воска со своим отпечатком. Протянул мне:

- Не потеряй. Пожалуйста.

У меня руки уже были заняты, пришлось сунуть кошелек под мышку, а восковой отпечаток - в карман.

- Что ты скажешь королю? - спросила я с беспокойством.

- Я успею удрать. В шкафу потайной ход. Ну сейчас - или никогда.

И он вдруг сгрел Уйму за кудрявую шерсть на груди, будто за ворот рубашки:

- Ты за нее отвечаешь. Если с ней что-то случится...

- Ничего не случится, - флегматично отозвался людоед.

Гарольд выпустил его. Схватил мою руку с посохом, судорожно сжал:

- Не поздно передумать. Ты девчонка...

- Я воин! - выкрикнула я, хоть мужества моего осталось совсем чуть-чуть. - Я маг дороги!

- Он сейчас будет здесь, - сказал Уйма.

Гарольд вдруг обнял меня. Выпустил. Схватил свой посох, направил на доску с нарисованным отпечатком. Из наверхия ударил синий луч, меловые линии задрожали и стали таять. В доске открылась дыра размером с колесо самосвала.

- Я вперед, - сказал Уйма.

Он ловко вскарабкался на край доски (я думала, она рухнет) и полностью скрылся в черной дыре - осталась только волосатая рука, вцепившаяся в подставку для мела.

- Хорошо, - голос Уймы гулко доносился из небытия. - Можно.

- Лена, давай, - Гарольд подал мне руку.

Я тряслась, как отбойный молоток. Мне не хотелось опираться на руку Гарольда - он бы эту дрожь почувствовал. Отвергнув помощь, я сама кое-как взобралась на край доски и оказалась лицом к лицу с совершенной черной пустотой, где даже ночное зрение ничем не могло помочь. Гарольд подал мне мой посох.

- Прыгай, - сказал свистящий голос Уймы. - Я поймаю.

В дверь комнаты постучали. Вежливо, но твердо. Я сидела на краю доски, наполовину на этом свете - а наполовину уже на том.

- Так, Ленка, вылезай, - решительно сказал вдруг Гарольд. - Никуда ты не пойдешь. Прости меня, дурака. Давай руку!

Дверь за его спиной открылась, и появился Оберон. Гарольд не видел короля, зато я встретила с ним взглядом...

И, потеряв равновесие, полетела в черную яму - вслепую, вниз, в объятия к людоеду.

Глава 8

Некромантов есть позорно

Уйма поймал меня, как и было обещано. Руки у людоеда оказались твердыми, будто трамвайные рельсы. Я поспешила высвободиться, встала на трясущиеся ноги и сделала вид, что нисколько не волнуюсь.

Там, откуда я только что свалилась, быстро затягивалась дыра в стене. Словно испарялась радужная клякса.

- Тут они и падали, - просвистел Уйма, втягивая в себя плотный сырой воздух. - Помер - плюх - и здесь.

Я оперлась на посох – для уверенности – и огляделась.

Загробное царство и выглядело соответственно – черная пещера с нависающими сводами. Теперь, когда «вход» закрылся, мы с Уймой оказались в тупике: вверх и вверх тянулась неровная, черная, будто облитая мазутом стена.

– А вот так они поднимались, – Уйма коснулся железной скобы, вбитой в стену. Чуть выше была еще одна скоба. И еще одна.

– Некроманты, – Уйма шевельнул ноздрями, глядевшими из бороды, как бледные ласточкины гнезда. – Вишь, лесенку себе прибили, трупоеды, жритраву, – в его голосе было неодобрение.

– Что?

Уйма обратил ко мне желтые глазищи:

– Ключ потеряла?

Я испуганно схватила себя за карман. Отпечаток пальца Гарольда был на месте.

– А деньги?

Кошелек с золотом остался лежать на подставке для мела, и я только теперь об этом вспомнила.

Людоед глядел на меня сверху вниз. Мне не нравилось, как он глядел. Неприятно было, что он сразу же поймал меня на оплошности. Подумаешь, золото забыли!

– Ну пошли, – предложил людоед снисходительно.

Еще и командует! Я взвесила посох в руке:

– Ты что, здесь раньше бывал?

– Нет.

– Так куда мы пойдем?

– Туда, – Уйма показал пальцем. – Что, еще есть куда?

Я повертела головой. Проклятый людоед был прав: из тупика вел только один путь.

Не дожидаясь моего согласия, Уйма повернулся и пошел вперед, по обыкновению легко и бесшумно. Мне пришлось почти бежать, чтобы успеть за его неторопливым шагом; мельком глядя по сторонам, я впервые обрадовалась, что Гарольд навязал мне в спутники людоеда. Окажись я в этом месте одна... Нет, я не струсила бы ни за что... Но.

Повеяло ветерком. Уйма остановился. Я догнала его, встала рядом, стараясь дышать поспокойнее и потише.

– Тут они шли, – сказал Уйма.

Перед нами был глубокий ров шириной с небольшую улицу. Через ров была перекинута медная труба – во всяком случае, мне подумалось, что это должна быть медь. Никогда в жизни не

видела такого музыкального инструмента – он был похож на распрямленный и вытянутый в струнку саксофон колоссальных размеров.

Слева от трубы ров был неглубокий, можно было разглядеть кучи хлама на каменистом дне. Справа зияла черная пустота. Уйма столкнул туда камушек носком сапога – звука падения мы так и не дождались.

- Тут они шли, – повторил Уйма. – Кто, к примеру, дурак – валится налево. А кто, скажем, трус – направо...

- Трус?

- К примеру, жритраву. А кто хороший – переходит на ту сторону.

- По-твоему, если не дурак и не трус, то уже хороший?

Уйма уставился на меня с непонятым выражением. Я смутилась.

- Ну а мы куда свалимся? – спросила грубым, как после простуды, голосом.

- Мы хорошие, – возразил Уйма. – К тому же мы живые. Зачем нам идти через эту трубу? Там перелаз есть...

Я проследила за его взглядом. Слева, чуть в стороне, ров был завален каменными глыбами, и по их гребням можно было перебраться на ту сторону.

Уйме было просто – он перешагивал с камня на камень. Мне мешал посох, и, если честно, ноги оказались коротковаты. В одном месте я не удержалась и сползла по скользкому камню почти на самое дно.

Людоед, к моему ужасу, не стал тут же вытаскивать меня. Он, наоборот, прыгнул, перелетел через мою голову и приземлился на дне – беззвучно.

Присел. Потрогал черный камень.

- Тут был огонь, – в голосе его звучало удовлетворение. Звук отражался от низкого потолка, от скал и от стенок рва, казалось, сама пещера говорит многими свистящими голосами. – Для дураков, значит.

- По-твоему, дураки хуже всех? – спросила я угрюмо.

- Нет, – Уйма почесал бородищу. – Там, с другой стороны, вообще непонятно что. Дырка. Пустота. Трусу, стало быть, долго лететь.

- Значит, трусы хуже всех?

Уйма посмотрел на меня с подозрением. Хотел ответить, но что-то привлекло его внимание. Он наклонился и вытащил из каменного крошева тусклый волнистый меч с остатками вцепившейся в него руки.

Стряхнул кости вместе с ветхим рукавом. С удовольствием примерился к мечу, взмахнул и так и сяк – засвистел воздух.

- Это что, тоже осталось от мертвых? – у меня заняло под ложечкой.

- Это уже потом, когда живые тут ходили, - сказал Уйма с удовольствием. - К Печати шли. Хотели, значит, обратно выбраться, некроманты, жритраву.

Я попыталась влезть на обломок скалы. Ничего не получалось.

- Уйма, мы что, так и будем в яме сидеть?

- Не будем.

Он подал мне волосатую пятерню, и я уцепилась за нее почти с облегчением.

- Трудно быть мертвым, - бормотал Уйма, помогая мне выбраться на противоположный край рва. - И без того трудно, а тут еще некроманты. Попадись мне хоть один...

- Откуда ты знаешь, кто такие некроманты?

- Откуда? А у нас на островах они тысячу лет гнездились, и вот что за беда - их жрать несподручно.

- Ядовитые?

- Не то чтобы. Неприлично их жрать. Однажды некроманта съешь - потом всю жизнь тыкать пальцем будут.

Я заглянула Уйме в волосатое лицо. В бороде не понять было, говорит он правду или издевается.

* * *

Еще примерно через полчаса мы выбрались на узкий каменный карниз. Пещера осталась позади - над нами было небо, черное, без луны и без звезд. Ветер пахнул дымом. Впереди расстилалась, кажется, равнина - я увидела много огней, стекающих к одному большому пожарищу.

Я посмотрела ночным зрением. Так и есть - посреди равнины горели развалины, их со всех сторон атаквали не то люди, не то призраки, издали не разберешь.

- Жизнь идет, - задумчиво сказал Уйма, и я снова не поняла, не смеется ли он надо мной.

Неподалеку от нас стоял еще один замок - почти целый, с виду неприступный, закутанный в стены и бастионы, как младенец в пеленки. В окне башни мелькнул огонек; я присмотрелась. Нет, не показалось, вот снова мелькнул.

Я поводила посохом, как антенной, пытаюсь уловить, откуда исходит опасность. От горящих развалин опасностью несло за версту. Но и темный замок вовсе не внушал доверия.

Под нами была отвесная круча. Чтобы спуститься здесь, надо было быть дипломированным скалолазом с полным набором снаряжения.

- Это путь для хороших, - Уйма читал мои мысли. - Должна найтись лесенка.

Я хмыкнула.

- Там, - Уйма указал вдоль карниза. - Поищи. И стоило мне завернуть за угол - как «лесенка»

нашлась. Она была сложена из мрамора, она была укрыта остатками ковра! Я подумала: а может, я несправедливо обидела Гарольда? Может, Уйма в самом деле стоит десятерых?

- Спускаемся, - сказала я начальственным голосом. Пусть людоед не забывает, кто здесь главный.

* * *

Если бы вам пришлось добывать принцев в совершенно незнакомой стране - куда бы вы для начала направились?

Думаю, в замок. Где замок - там, возможно, принцы. Или хотя бы кто-то, кто знает, где этих принцев искать.

К тому времени, как мы с Уймой постучались в ворота, я уже едва держалась на ногах. Я умирала от усталости, мне хотелось пить, есть, а больше всего - проснуться в своей постели и вздохнуть с облегчением.

И ведь кого винить? Некого винить. Сама пошла, сама напросилась. Не послушала Оберона (а ведь могла бы припомнить, чем такое непослушание обычно кончается). Может, еще не поздно вернуться в пещеру, дойти до Печати и сбежать из этого неуютного мира?

- Ключ потеряла? - спросил Уйма. Волнистый меч он взял с собой и держал теперь под мышкой, как огромный градусник.

Я так устала, что даже не вздрогнула в очередной раз. Восковой отпечаток Гарольдова пальца лежал в глубине кармана, я и без Уймы проверяла его каждую секунду.

- Ты не нагрей его. А то размажется, и все.

Почти меня, подумала я сумрачно.

Мешал плащ. Мешали сапоги. Даже посох казался слишком большим и тяжелым. Я опиралась на него, как старец на клюку. И повелитель людоедов из меня, если честно, не вышел. Всего несколько часов мы провели за Ведьминой Печатью, но Уйма уже полностью утвердил свое главенство - по праву сильного. Более того: захоти он сожрать меня прямо здесь и немедленно, я бы даже не удивилась, наверное.

- Сейчас, - сказал Уйма, чуть различимо усмехаясь в бороду, - нас встретят, как дорогих гостей. Накормят мясом. Напоят. И уложат спать.

Он издевался. Он издевался надо мной почти всегда, когда говорил.

- Это же ты захотел идти в замок, - сказала я, хоть это было неправдой. Мы оба захотели идти в замок. Куда еще?

Уйма со свистом втянул в себя воздух - засмеялся. В этот момент в воротах открылось окошечко.

- Кто там? - в голосе не было ни радости, ни гостеприимства.

- Друзья, - отозвался Уйма, прежде чем я успела открыть рот.

- Ждите... Окошечко закрылось.

- Почему «друзья»? - спросила я шепотом.

- Потому что или друзья, или враги. Он бы тебя кипящим маслом со стены - и жритраву.

Я попятилась от ворот. Запрокинула голову. Прямо над нами в самом деле нависал глиняный раструб.

- Давай отойдем.

- Если друзья, - резонно возразил людоед, - то стой и жди.

- А если здесь нет принцев?

- Значит, нет.

- А если...

- А если глаз отвалится и в кишки провалится? Ты вот что, маг дороги. Никому не говори, откуда мы. И про ключ молчи.

В этот момент заскрипели ворота.

* * *

В длинной полутемной комнате сидели кружком люди. Живые, насколько я могла судить. Воины в доспехах, среди них, к моему удивлению, две плечистых женщины. Старичок, лысый и бородатый. Еще кто-то - я не успела рассмотреть.

Они сидели, не сводя глаз с трупа, который валялся на мозаичном каменном полу. Я испугалась.

Мертвый мужчина лежал, глядя в потолок стеклянными голубыми глазами. Его кружевная рубаха была наполовину белая, наполовину темно-красная. Из окровавленной груди торчал не то кинжал, не то стилет - я увидела рукоятку и быстро отвела глаза. Ну надо же, попали как раз на похороны.

- Садитесь, - сказал пожилой стражник, который нас привел.

Уйма, ни о чем не спрашивая, опустился на пол. Я присела рядом на корточки. Это что, у них такой обряд похоронный? Сидеть и пялиться на павшего воина? Но этот, кажется, погиб не в бою - скорее, его в постели предательски подрезали.

Может, это был принц? Единственный принц здешних мест?

От жажды у меня растрескались губы. Перед глазами темнело. И вот, когда я уже готова была сдаться и грохнуться в обморок рядом с бездыханным телом, труп вдруг мигнул.

Никто не удивился. Никто не испугался. По комнате прошел радостный шепоток, и многие вздохнули с облегчением.

Труп мигнул еще раз. Приподнялся на локте. Протер глаза. Оглядел собравшихся. Взгляд его остановился на Уйме.

- Кто такой? - спросил он голосом большого начальника.

- Друг, - Уйма даже не мигнул.

- Будешь биться?

- Буду, - отозвался Уйма после едва ощутимой заминки. Бывший труп осклабился:

- Поглядим, как ты бьешься...

Он сел и с натугой выдернул из груди стилет - я рассмотрела черное от крови треугольное лезвие. Его взгляд равнодушно скользнул по мне (посох, к счастью, лежал на полу за спиной широкого Уймы).

- А это кто?

- Слуга, - отозвался Уйма без зазрения совести. - Мальчишка.

Я поперхнулась и закашлялась. Рассудок мой жалобно кричал, что Уйма прав и нечего здесь размахивать посохом, но все равно обида была ужасная. Вот так - из магов дороги к людоеду в мальчишки!

Бывший труп совершенно удовлетворился этим ответом и больше на меня не смотрел.

- Братя, - сказал он без всякого выражения, будто читая заученный текст. - Я с вами. А значит, мы победим... Если у вас есть хоть пара десятков солдат, - добавил он, внезапно засомневавшись.

- У нас почти сотня, Мастер-Генерал! - радостно сообщила одна из бронированных дам.

- На стены, - все так же без выражения сказал Мастер-Генерал. - Все на стены! Это наш

последний бой. Пусть атакуют.

* * *

В наступившей суете Уйма куда-то подевался. Я нашла себе уголок, села, пристроив посох в темном местечке, и задумалась: умирать сейчас или погодить?

Уйма появился минут через десять. Сперва я услышала чавканье, потом запах жареного мяса, наконец, в коридоре появился людоед. В правой руке у него был меч, в левой – огромная кость с остатками мяса. Не иначе, убил кого-то и доедает.

- Идем.

- Куда?

- Здесь кухня.

В проеме между двумя окнами Уйма остановился. Рванул со стены ветхую портьеру. Затрещали нитки.

- Ты чего?

- Посох замотай. Кто спросит, скажи – лыжи.

- Что?

Уйма, не слушая меня, удалялся по коридору. Волоча в одной руке посох, а в другой обрывок портьеры, я поспешила за ним. Ну откуда, скажите пожалуйста, волосатому людоеду с островов знать, что такое лыжи?

И кто с собой потащит лыжи в осажденный замок?

- Ты издеваешься, – сказала я жалобно. – Ты опять смеешься надо мной.

- Нет.

И он втолкнул меня в просторное, пропахшее дымом и жиром помещение. Здесь никого не было, если не считать крысы, которая при нашем появлении даже не соизволила убежать – просто ушла в нору, неторопливо и вразвалочку.

Я со стоном повалилась на деревянный стул.

- Заматывай посох, – Уйма заглянул в котел, висевший на треноге рядом с погасшим очагом. – Кашу будешь?

- Пить хочу.

- Вино будешь?

- Нет.

Уйма фыркнул:

- Тогда водичка.

Я вспомнила морс, которым меня угощал Оберон.

- Зачем мы сюда пришли, если тут нет принцев?

- На, - Уйма поставил передо мной тарелку каши и кружку с водой. - Скажешь Гарольду - Уйма заботился.

Глава 9

Максимилиан

Не знаю, сколько я спала. Просто упала на деревянную лавку и так, не снимая сапог, выключилась, словно электрическая игрушка. Мог приходить кто угодно, отбирать посох, красть восковой ключ, резать меня или есть живьем - я бы и бровью не повела.

А когда проснулась - за узенькими окошками уже был день, в отдалении что-то грохотало и стены замка сотрясались.

Сражение!

Я нащупала посох, завернутый в остатки портьеры. Надо было, по крайней мере, увидеть, что там происходит, кто побеждает и жив ли еще Уйма. А еще неплохо бы появиться на поле боя, ударить в небо зеленой молнией, и пусть они признают во мне могучего боевого мага, а не мальчишку на побегушках...

Я подошла к очагу посмотреть, не осталось ли в котле еще каши, и в этот момент в трубе зашуршало. Шлеп! - в остывший очаг вывалился человек; я вскинула посох наизготовку.

Он был небольшой. С меня ростом. Мальчик, одетый в черное, с наполовину черным от сажи лицом, с очень белыми, но перепачканными волосами. А глаза у него были чернющие, так что даже зрачков почти не разглядеть.

Он уставился на меня вот этими черными глазами, и у меня вдруг от страха поджилки затряслись. Хотя он вовсе не выглядел сильным – тощий, будто его год не кормили. Узкие плечи. Острый нос.

- Привет, – сказал он как ни в чем не бывало. – А я что-то про тебя знаю.

- Привет, – отозвалась я, стараясь выглядеть насмешливо. – Я тоже про тебя что-то знаю. Ты трубочист.

- Я такой же трубочист, как ты – слуга этого волосатого, – он ухмыльнулся.

- А кто я? – мне очень хотелось, чтобы голос звучал подтвержде.

- Ты маг, – он перестал скалиться.

Это было так неожиданно, что я опустила посох.

- С чего ты взял?

- Но и это не главное. – Он выбрался из очага, заглянул в котел, поморщился, рассеянно оглядел кухню, словно решая, чем тут можно поживиться. – Главное – ты оттуда. Из-за Печати.

- Нет, – сказала я поспешно.

- Да, – он зажмурился, как кот на солнцепеке. – Здесь где-то были яблоки в сахаре. Ты не знаешь?

- Не знаю, – я едва удержалась, чтобы не проверить в кармане восковой ключ.

- Жаль, – он потянул носом воздух. – По-моему, первая атака отбита. Ты как считаешь?

- Я не знаю, – повторила я хмуро. – Ты сам кто такой?

Он остановился передо мной. Ему было лет двенадцать, и богатырским сложением он, как и я, не отличался.

- Я? – он улыбнулся, на запачканном сажей белом лице проступили милые ямочки. – Я тебе расскажу. Но сперва давай посмотрим, как там дела на поле боя?

* * *

Ну кто там обычно лазает по трубе, кроме трубочистов? Санта-Клаус с большим мешком? То-то я ему не завидую...

Мальчишка поднимался первым, я видела его башмаки, ловко переступающие с одной железной скобы на другую. Скобы отстояли далеко друг от друга, в расчете на взрослого человека, и оказались они такими грязными, что противно было прикоснуться. Отовсюду летела сажа. Когда мы наконец выбрались из трубы на крышу, я всю чихала, кашляла и была чумазая, как мой спутник.

Из рваных туч проглянуло солнце. Я огляделась, и у меня захватило дух: мы сидели на крыше башенки, возвышающейся над остальными, как бледная поганка над скопищем ложных опят. В отдалении дымились развалины соседнего замка, а наш собственный был виден как на ладони. Прямо под нами суетились люди на зубчатой стене, подносили камни, заряжали катапульты и

выстреливали, не целясь, только воздух вокруг свистел.

Замирая от страха, я подобралась к самому краю крыши (стараясь не забывать о мальчишке, – мало ли что ему в голову взбредет!). Отсюда стали видны враги – большое разноцветное войско, в этот момент как раз отступающее от стен. Врагов по пятам преследовали защитники замка, и когда я их разглядела, то чуть с крыши не свалилась!

С флангов сражались обыкновенные люди, кто в доспехах, кто без, а Уйма (я и его смогла разглядеть) – вообще голый до пояса. Но в центре, в передних рядах, стояли большеголовые, в полтора человеческого роста, страшилища!

- Что это?

- Куклы, – пренебрежительно сказал мой спутник. – Боевые игрушки Мастера. Безнадежное дело, замок не взять. Принц-деспот может прямо сейчас поворачивать и уходить.

- Кто?

- Принц-деспот, – мальчишка стрельнул на меня черными глазами. – Только пришельцы из-за Печати могут быть такими незнайками.

Он помолчал и добавил высокомерно:

- Особенно если они девчонки.

Вот как. А я-то думала, что в мужской одежде похожа на мальчишку.

- Кто тебе сказал, что я из-за Печати? – я сделала вид, что не заметила насмешки.

- Сам догадался. Я тоже маг. И поумнее тебя.

- Хвастался бы меньше, - сказала я, отползая от края крыши и подтягивая к себе посох.

Мальчишка прищурился:

- Хочешь, сыграем в интересную игру?

- Не хочу. Мне сейчас не до игр.

- Это особая игра. Называется «вопрос - ответ». Ты ведь хочешь меня расспросить?

Он попал в точку.

- Вот-вот, - он глянул на горизонт, прикрыв глаза ладонью, потом снова на меня. - Я тоже кое-что хочу знать. Честный ответ в обмен на другой честный ответ. Идет?

Атаковавшие замок враги отступали. Чудища, в самом деле похожие на неумело сшитых кукол, в какой-то момент замерли, как по команде, потом одновременно повернули обратно.

- Как они... они живые или мертвые? Это Мастер-Генерал ими командует?

Он прищурился:

- Как много вопросов... И все бесплатно.

- Жалко тебе ответить?

- Не жалко. Будем играть?

- А если ты соврешь?

- Есть средство, - мальчишка посерьезнел. - Чтобы и мне не врать, и тебе не врать. Ну? Давай?

* * *

Лезть обратно в трубу мне, к счастью, не пришлось. Мальчишка знал тут все входы и выходы - по узенькой лестнице (Уйме бы не протиснуться) новый знакомый привел меня в маленькую круглую комнату, где и пол и стены были увешаны и устланы старыми, ветхими полотнищами. Узкая дверь, едва закрывшись, спряталась под парчовыми и бархатными, цветными и черными тканями.

Сквозь высокое окошко едва проникал солнечный свет. Я присмотрелась: на обгоревших, продырявленных, изорванных тряпках кое-где сохранилась золотая и серебряная вышивка. Летящие орлы, скачущие кони, скрещенные мечи...

- Это знамена?

- Это вопрос?

- Нет, - не дожидаясь приглашения, я уселась на низкую табуретку. - Это я так. Сама с собой разговариваю.

Мальчишка снова ухмыльнулся. При том, что он вел себя просто по-свински, при том, что от

его взгляда у меня мороз пробежал по коже, проскальзывало в нем что-то симпатичное. Может быть, потому, что в этот момент у меня появилась надежда?

- Ну вот, - мальчишка открыл дверцу в стене, вытащил что-то, моментально закрыл, и я так и не поняла, как его тайник работает. - У меня тут осталось немного.

И он высыпал на деревянный темный стол горсть кругляшков. Не то горошины, не то конфеты - желтые, зеленые и серые.

- Это семечки правды. Ты берешь одно, я - другое. Глотаем на счет «три».

Я насторожилась:

- Ты даже не сказал, что это такое!

- Я сказал - это семечки правды. Я глотаю - ну и ты глотаешь. Все честно.

В нем было что-то завораживающее. У меня никогда, даже в младенчестве, не было охоты тянуть в рот что ни попадя. А тут я, как загипнотизированная, поднесла к губам желтый кругляшок.

Он тоже взял желтый:

- На счет «три».

Я вдруг подумала: что если я проглочу, а он не проглотит? Если это отравка, и он задумал обмануть меня?

- Давай поменяемся, - сказала я решительно. - Давай свой.

- Осторожная, - он сверкнул белыми зубами. - Они одинаковые. Но - как хочешь.

Мы поменялись горошинами.

- Раз, - очень серьезно сказал мальчишка, - два... Три!

Я все-таки дождалась, пока он проглотит, и тогда только - так уж и быть! - проглотила и свою горошину. Хотя безопаснее, наверное, было бы спрятать ее за щекой.

- Ты хотела жульничать, - сказал мальчишка.

- Нет. Просто...

- Хватит. Теперь решаем, кто первый спрашивает. «Камень-ножницы-бумага».

В эту игру я играла с мальчишками еще в детском садике, но никогда бы не подумала, что она в ходу здесь, в бывшем загробном царстве.

- Раз-два-три, - снова сказал мальчишка.

Надо отдать ему должное - он не жульничал ни капельки. Мы одновременно выбросили руки - у него был кулак, то есть «камень». У меня открытая ладонь, то есть «бумага». Бумага накрывает камень, а значит, первой выпало спрашивать мне.

- Давай, - мальчишка сдвинул брови. - Быстрее.

Его бледное лицо еще больше побледнело под сажей.

- Как тебя зовут? - выпалила я.

Он вздохнул с облегчением. Прямо-таки обмяк:

- Максимилиан. Ничего глупее ты спросить не могла?

- Ты правда маг?

- Это второй вопрос. А теперь моя очередь... Смотри только, не соври. А то знаешь что будет...

- Не знаю, - мне вдруг стало неудобно.

Он поднял белесые брови:

- Плохо, если не знаешь. Соврать с семечком правды в животе... М-да. Слушай мой вопрос. Ты можешь уйти назад, за Печать?

Я облизнула губы. Все это было как-то... будто понарошку. Будто не со мной. Эта комната, увешанная флагами поверженных армий. Этот мальчишка с нехорошими глазами. Это «семечко правды» у меня в животе...

Живот вдруг как заболит! Я охнула и скрючилась на табуретке.

- Отвечай скорее. Оно не будет долго ждать.

- Да, - выдохнула я. - Да.

Боль исчезла так же мгновенно, как и появилась. Мальчишка торжествующе ухмылялся:

- Еще по вопросику?

- погоди, - я тяжело дышала, мне было страшно. - Что делает семечко правды, если съесть его и соврать?

- Я бы тебе показал, - мальчишка покосился на свои кругляшки. - Но у меня их мало. Жаль просто так тратить... Ну короче, кто соврал - умирает. Так что не ври.

Я уставилась на рассыпанные по столу горошины. Вот это игра. Вот это развлечение. И надо же мне было так по-глупому проворонить вопрос!

«Максимилиан»... Что мне его имя? Надо было спрашивать про принцев!

- Еще? - он видел, что я трушу.

- Ладно, - я подавила дрожь. - Еще по одному.

Мы одновременно взяли горошины. Я чуть не поперхнулась - «семечко правды» встало у меня поперек горла.

- Раз-два-три!

На этот раз у меня были «ножницы», а у него – по-прежнему «камень». Камень тупит ножницы. Первый ход достался Максимилиану.

- У тебя есть ключ, чтобы открыть Ведьмину Печать? – отчеканил он, глядя мне в глаза.

Я закусила губу. Вот попалась, так попалась; в животе заныло, как будто я проглотила кнопку. Боль нарастала со скоростью несущегося поезда.

- Да, – выплюнула я сквозь зубы. В глазах Максимилиана появился нехороший блеск.

- Теперь ты.

Я набрала побольше воздуха:

- Какие тут есть принцы?

Он удивился. Захлопал глазами. Поморщился, приложил ладонь к животу, заговорил быстро-быстро:

- Принц-деспот. Он сейчас атакует наш замок. Принц-пленник. Это его брат, он сидит в темнице неизвестно где. Принц-саламандра, он живет в стране вулканов. Был еще Принц-рыба, но он утонул... Принц-чума, будь он проклят. Все, больше ничего не знаю!

Он вздохнул с облегчением и помассировал живот:

- Ну у тебя и вопросыки.

- У тебя не лучше.

Максимилиан прищурился:

- Еще по одному?

Я знала, что он спросит. Он спросит, где ключ, и я ему покажу – или помру с этим проклятым «семечком» в животе.

- Нет, – сказала я. – Хватит.

- Ты ведь ничего про меня не узнала. Кроме имени.

- Значит, обойдусь, – я встала. – Спасибо за угощение, спасибо за развлечение. Я уйду.

Максимилиан остался сидеть:

- Прежде чем выйти, теперь придется спросить, где дверь. И как найти дорогу назад.

Я раздвинула тряпье на стене в том месте, откуда мы вошли. Каменная кладка, и никаких признаков двери. Я сорвала висящий рядом флаг – то же самое. Максимилиан за моей спиной громко хихикнул.

Змееныш.

Я медленно обернулась. Одним красивым движением сдернула тряпку с посоха. Поднесла изумрудно-рубиновое навершие к лицу мальчишки, по-прежнему сидящего за столом:

- Понюхай, чем пахнет.

Он хохотнул еще громче:

- Ты мне ничего не сделаешь, малявка.

Я ударила молнией в стол – несильно, только чтобы напугать. Максимилиан подался вперед, поймал огонь ладошкой и отправил мне в лицо. Еще мгновение – и я бы сама себя ослепила.

Раскатились по всему полу кругляшки – семечки правды. А Максимилиан вскочил, вскинул руки, как дирижер, и по-паучьи зашевелил пальцами. В комнатушке запахло сыростью, плесенью, еще какой-то дрянью, с пальцев негодяя полетели искры. Я широко взмахнула посохом: искры погасли, запах разом исчез.

- Тоже мне маг, – Максимилиан встряхнул кистями, как фокусник. – Недоучка. Отдавай ключ.

Я разозлилась, но, к счастью, рассудка не потеряла. Собрала свою злость в животе, перекатила тугой комок в грудь, потом в левую руку – и вытолкнула из посоха, как из шланга, струю настоящего злого огня.

Максимилиан увернулся – быстрый и черный, как летучая мышь. За его спиной задымились флаги на стене. Язычки огня поползли по фигуркам всадников, уцелевших когда-то в сражении. Максимилиан снова вскинул руки, но тут я изо всех сил треснула его посохом по голове – без всякого волшебства, просто, как палкой.

Он взвыл, сорвал со стены флаг и пошел на меня, размахивая тлеющей тряпкой. Вокруг вертящейся ткани собирался плотный воздух, казалось, из рук мальчишки вырывается серый удушливый смерч.

- Сожгу! – мой посох плюнул бледным лучиком. Я струсила, я готова была отступить: в Максимилиане было что-то, заставляющее цепенеть. А смерч нарастал, развевались ткани на стенах, холодный ветер нес запахи гнили и дохлятины.

- Отдай ключ, – мой враг ухмылялся. – И тогда я тебя выпущу живой.

- Не надейся!

Посох наконец-то разразился боевым зеленым сполохом. Максимилиан опять уклонился, но его гадкий смерч исчез, а флаги на стене вспыхнули, будто на них плеснули бензином. Мы с мальчишкой кружили по комнате, не сводя друг с друга глаз, выбирая время для атаки и не позволяя ударить другому. Огонь расползлся все шире. Дым лез в горло и выедал глаза. Пора было уносить ноги, но я не знала, где выход.

- Сдаешься? – спросил Максимилиан.

- Давай по-хорошему? – предложила я, сжимая посох мокрыми ладонями.

- По-хорошему я не умею, – он с сожалением оглядел горящие знамена. – Сколько ты тут напортила... Огонь, умри.

Он поднял руку. По комнате прошел ветер, я пошатнулась и чуть не упала. Огонь исчез отовсюду и сразу, и даже обгорелые края знамен больше не дымились.

- Ну ты кое-что умеешь, – сказала я после паузы, стараясь, чтобы голос звучал снисходительно.

- Зато ты не умеешь ничего, - сказал мальчишка.

- Послушай, - теперь я боялась, если честно, с ним ссориться. - Почему ты сразу начинаешь драться? Если тебе надо пройти за Печать, то так и скажи. Мы ведь можем договориться, правда? Ты мне поможешь здесь, я тебе помогу там...

- Да-да, - сказал он, скаля зубы. - Ты со мной по-доброму, я с тобой по-доброму...

- Вот-вот, - я понимала, что он насмехается, но старалась соблюдать спокойствие.

- Не выйдет, - Максимилиан смотрел мне в глаза своими черными гляделками, от этого взгляда я чувствовала себя мокрым канатом, который наматывают на палку. - Я некромант, девочка. И папаша мой был некромант. И дед. И прадед. И еще сто поколений некромантов.

Среди полутемной, задымленной комнаты я разглядывала его, будто в первый раз увидела.

И тут под стенами замка победно взвыла труба.

Глава 10

Новые новости

Молча, не глядя друг на друга, мы собрали с пола семечки правды. Во всяком случае, те из них, на которые еще никто не наступил.

- Пока мне от тебя один убыток, - сказал мальчишка.

- Будет и прибыль, - пообещала я без особой охоты. - Если ты нам поможешь.

- Я никому не помогаю просто так. Хочешь меня спрашивать - сама глотай семечко.

- Ты меня уже обо всем расспросил.

- Не обо всем. У меня полно вопросов. Будешь еще играть?

- Там сражение кончилось, - напомнила я.

- Известно, чем кончилось. Принц-деспот положил здесь половину своих и ушел.

- Меня ищут.

- Пусть ищут. Здесь никогда не найдут.

- Послушай, - я глубоко вздохнула. - Мне нужно сделать одно важное, трудное дело. От этого зависит... очень многое.

- Например?

- Например, жизнь одного хорошего человека.

Максимилиан присвистнул:

- По-твоему, это называется «многое»?

- Да, - я старалась не терять терпения. - Для меня это очень важно. И потом, знаешь, по ту сторону Печати люди привыкли дорожить жизнью.

Максимилиан моргнул.

- Твои предки-некроманты, - осторожно начала я, - из тех, кто ходил туда-сюда? Из того мира в этот? Когда Печати еще не было, когда здесь было царство мертвых?

- Хочешь бесплатный ответ?

- Хочу.

- Не получишь, - Максимилиан облизнул тонкие высохшие губы. - Или ты играешь, или нет.

- Почему ты не хочешь помочь мне? Просто советом? Подсказать?

- Потому что не хочу, - он улыбнулся, и на его щеках опять проявились ямочки. - Между прочим, мои предки так допрашивали пленников - они им семечки правды засовывали в рот насильно. И спрашивали. А те отвечали. А я с тобой честно играю. Хотя мог бы просто прикончить.

- Ну попробуй, - я снова разозлилась.

- Потом, - загадочно пообещал Максимилиан. Протянул руку, взял со стола зеленое семечко. Я, вздохнув, сделала то же самое.

- Раз... два... три!

Первой спрашивать выпало мне.

- Как мне встретиться с Принцем-деспотом?

- Его замок на севере, туда ведет большой тракт. Вдоль дороги стоят виселицы. Принц-деспот встречается с чужими только для того, чтобы решить - казнить их или оставить в рабстве.

Этот жених - для Филумены, подумала я отрешенно.

- Скажи, - глаза Максимилиана блеснули, - что такое из себя представляет твой ключ?

Ну конечно. Мог ли он спросить что-то еще?

- Это отпечаток на воске, - сказала я, не дожидаясь, пока прихватит живот. - Отпечаток пальца человека, который запер Печать с той стороны.

- Ух ты, - Максимилиан, кажется, удивился. - А в старину пальцы просто отрубали и давали тем, кто ушел. У моего прапрадеда к концу жизни один палец остался... На правой руке указательный.

Пора спрашивать, как отсюда выйти, подумала я.

- Играем? - спросил Максимилиан. - Еще?

- Еще.

В молчании мы заглотнули еще по горошине. Спрашивать первым выпало некроманту.

- Где ты хранишь ключ-отпечаток?

- В кармане, - простонала я.

- В правом или в левом?

- Это уже другой вопрос... Как найти Принца-пленника?

- Не знаю, - он довольно улыбался. - И это сущая правда. Просто не знаю, и все.

Я чуть не завывала в голос. Теперь он спросит, в каком кармане у меня ключ, а я... я спрошу, как отсюда выйти. И получится, что он меня ободрал как липку, узнал все до ниточки, а я знаю только, что Принц-деспот убивает гостей. Если не обращает их в рабство, конечно. Ценнейшая информация.

Правда, есть еще и Принц-саламандра, и Принц-чума. И очень жаль, что Принц-рыба утонул...

Но мне нужно пять принцев. Пять. Значит, придется привлекать не только деспота и чуму, но и Принца-утопленника, если получится. А не получится - значит, все зря, все прахом, напрасно я не послушала Оберона, напрасно все эти ужасы, напрасно Уйма, напрасно Максимилиан...

А может, мальчишка просто всего не знает? Мир здесь большой, неужели не найдется других принцев, поприличнее?

Максимилиан наблюдал за мной. Катал на ладони серую горошину. Я вдруг ощутила кураж приговоренного к смерти: он ведь все у меня выпытал! Велика ли разница - в правом кармане или в левом? Да как только выйду отсюда, ключ в другое место переложу!

И я храбро взяла новую кругляшку со стола.

- Раз-два-три!

- Как найти Принца-саламандру?

- Лететь до земли вулканов на огненном шаре. Перевозчики дерут страшные деньги, а по земле туда не добраться - гмурры.

- Кто?!

- Лишний вопрос. И моя очередь. Вот что...

Он открыл рот, чтобы спросить про карман, - и вдруг осекся. Наверное, в этот момент ему подумалось, что я никуда не денусь - ведь вопрос про то, как отсюда выйти, остался незадаанным. А может быть, он, как и я, решил, что переложить восковой отпечаток из кармана в карман - дело одной секунды. Так или иначе, Максимилиан задумался. На мгновение. Не больше.

- Зачем тебе принцы?

- Чтобы женить на принцессах, - выпалила я.

- Что?!

Наблюдая сейчас за Максимилианом, я получила вознаграждение за все неприятности, какие скверный мальчишка успел мне доставить. Кажется, это называется реванш: юный некромант выпучил глаза, разинул рот и вдруг покраснел. Алый цвет пробился сквозь слой сажи на его щеках.

- Ты врешь, - сказал он с ужасом. - Но ты не можешь врать... А ну-ка!

И он схватил со стола целую пригоршню семечек правды.

Дальше мы играли в бешеном темпе, как шахматисты, затеявшие блиц-турнир. Я перечислила Максимилиану имена принцесс. Он поведал, что замок, в котором мы сейчас находимся, принадлежит его мачехе. Я рассказала об Обероне и его Обещании. Некромант выложил все, что знал о Принце-чуме:

- Он появляется неизвестно откуда и так же исчезает. Его можно узнать по запаху: трупная вонь тянется за ним, словно шлейф. Кого он коснется - умрет самое позднее через три дня, в страшных мучениях. И тот, кто коснется его жертвы, тоже умрет. И кто коснется того, кто коснулся, и так до бесконечности... Он вечный принц - его отец уже тысячу лет как обращен в камень вместе с тронном, сидит там ни живой и ни мертвый. Ничего нет страшнее Принца-чумы. Ну разве что гмурры.

Нет, это все-таки не жених, подумала я с опасливым разочарованием. Даже для Филумены. Такого вообще нельзя пускать по нашу сторону Печати - мало ли, кого ему захочется коснуться!

Мы глотали и глотали горошины, я узнала, что Максимилиан давно решил уйти за Печать, он там будет промышлять магическим ремеслом и когда-нибудь найдет способ открыть проход для всех, как это было в старину. Я рассказала о Гарольде и с удовольствием призналась, что Печать с той стороны надежно охраняется. Максимилиан пересказал мне последние новости (такой-то осадил такого-то, победил и пошел на такого-то, но тот собрал войско...), а также рассказал, как умел, об окружающих землях (там развалины, там выжженное поле, там полуразрушенный город, а там оживленный базар). Мы так увлеклись, что не заметили, как со стола исчезла последняя целая горошина. На полу валялись раздавленные; Максимилиан полез под стол, и я слышала, как он там шарит ладонями и еле слышно ругается.

Я так и не спросила у него, как выйти. Все откладывала на потом. Дооткладывалась.

Некромант выбрался из-под стола с пустыми руками. Я молчала; за всю нашу длинную беседу я успела усвоить одно правило: у этого мальчишка ничего нельзя просить. Откажет просто так, из вредности.

- Ну что? - Максимилиан уселся напротив.

- Скромненькие у тебя запасы, - на самом деле у меня уже живот пучило от этих «семечек».

- Это ты их сапожищами растоптала. Да еще флаги мне спалила. Недотепа.

Я сдержалась.

- Ладно, - Максимилиан вздохнул. - Пошли.

* * *

В замке справляли победу.

На кухне, где утром было пустынно и холодно, теперь дым стоял коромыслом. Вертелись над огнем огромные куски мяса, шкворчал жир на сковородах, гремели котлы и стучали ножи. Я поняла, что голодна до умопомрачения.

Максимилиан на секунду исчез, потом вернулся с жестяной коробкой под мышкой. Там были не колбасы, как мне хотелось бы, не лепешки и не овощи - там были мелкие красные яблочки, засахаренные до крахмального хруста.

- Угощайся, - Максимилиан протянул мне коробку царственным жестом. Я не стала даже задумываться, отравлены эти яблоки или нет: взяла первое попавшееся и сунула за щеку, как леденец.

Мне нужно было найти Уйму. О том, что людоед мог запросто погибнуть в бою, страшно было и думать.

- Макс, где они все? Где воины?

- Как ты меня назвала? - удивился некромант.

Я вспомнила Макса Овчинина. Какой он все-таки хороший, спокойный, совершенно безопасный парень.

- Извини, - сказала я Максимилиану. - У меня один знакомый есть... А тебя нельзя так называть - Макс?

Он пожал плечами:

- Ну называй, если хочешь. А пируют внизу, в чертоге.

- Я пошла, - сказала я решительно. - Спасибо, Макс, ты меня развлек...

Он улыбнулся невинно и сладенько:

- Тебя в чертог не пустят. Без меня - ни на порог.

- А вот проверим.

- Проверь, - он взял из коробки еще одно яблоко. - Удачи.

Мы стояли, прижавшись к стене широкого коридора, и мимо нас - туда-сюда - бегали слуги. В спертом воздухе носились запахи пота и чеснока. На нас никто не обращал внимания; я оперлась о посох:

- Прощай.

- Прощай, - он раскусил яблоко с таким звуком, будто сплющился под молотом чей-то

высохший череп.

- Я пошла.

- Иди.

Я повернулась к нему спиной и пошла по коридору налево. Дошла до развилки. Остановилась и оглянулась. Максимилиан не двигался с места - стоял, глядел мне вслед и ел засахаренные яблоки.

Рука моя потянулась к карману. Восковой оттиск был на месте. Я завернула за угол - и быстро переложила ключ из одного кармана в другой.

Да, великая тайна. Большой секрет. Надо скорее разыскивать Уйму и удирать отсюда куда глаза глядят, хоть бы и в лапы к Принцу-деспоту.

Мимо протрусил, одышливо посапывая, слуга с кастрюлей на голове. Не раздумывая, я пристроилась за ним в затылок. Слуга топтал, я бежала за ним. Поначалу пыталась вести счет поворотам и лестницам - но потом сбилась.

Чем ниже, тем захламленнее становились переходы. Валялись деревянные обломки с остатками резьбы, обгорелые тряпки, хрустели под ногами глиняные и фарфоровые черепки. На покосившемся трехногом столе кто-то лежал. Я мельком на него взглянула - и остановилась, словно налетела на стенку.

Это был Мастер-Генерал! Он лежал на спине, раскинув руки, голубые глаза стеклянно глядели в потолок. Все та же кружевная рубаша взялась коркой от крови, а из груди торчал все тот же стилет - мне показалось даже, что я узнаю рукоятку.

Какой кошмар. Он помог им выиграть битву, отстоять замок, выжил в бою... А они в благодарность зарезали его и бросили валяться здесь, среди хлама и мусора. А сами пируют в чертоге.

Мне стал противен и весь этот замок, и его защитники. Захотелось уйти поскорее, а главное - со страшной силой захотелось домой. Я повернулась...

Незнакомый воин стоял в дверном проеме, почти упираясь макушкой в низкий потолок. Отправляясь на победный пир, он даже не снял доспехи - на груди его поблескивали, затейливо переплетаясь, стальные пластины. Широкие плечи, прикрытые массивными наплечниками, полностью загораживали проход. В опущенной руке воин держал шлем с помятыми перьями, а под мышкой у него торчал тусклый волнистый меч.

Он молчал и глядел на меня, будто ждал ответа.

Я отступила. Подняла посох. Железный человек не удивился и, конечно, не испугался. Его желтые глаза, круглые, как у совы, мигнули - и снова неподвижно уставились мне в лицо.

- Что вам надо? - почти выкрикнула я.

- Мармелада, - сообщил воин. У него была странная манера говорить не на выдохе, а на вдохе, и от этого голос получался жуткий, свистящий.

В этот момент я его узнала - и от удивления чуть не выпустила посох.

- Уйма?!

Звякнув кольчугой, он подошел ближе. Я глазела на него, забыв, где нахожусь.

Он побрился. Борода, в которой раньше тонуло его лицо, валялась теперь на полу какой-нибудь цирюльни... Хотя что я говорю? Острый ножик и обломок зеркала – вот вам и вся парикмахерская. Под бородой обнаружился незнакомый человек – белое, даже синеватое лицо с толстым шрамом на скуле, со впалыми щеками и круглыми розовыми губами. Из ноздрей крючковатого носа по-прежнему выглядывали короткие волоски, и два пышных куста росли из ушей жалкими воспоминаниями о былой людоедской красоте.

- Ого, – пробормотала я. – Где ты взял доспехи?

- Добыл в бою, – бывший людоед небрежно тряхнул шлемом. – Надо уходить. Я здесь все уже узнал.

- Это я здесь все уже узнала!

- Мы здесь все узнали, – примирительно сказал Уйма. – Пошли.

Он отодвинулся, освобождая проход, из-за спины у него выскочил слуга с блюдом, полным раскаленных углей. Я отшатнулась, забыв о трехногом столе. Крак! – еще одна ножка подломилась, столешница накренилась кузовом самосвала, и мертвое тело со стилетом в груди сползло на пол, оставляя за собой красную дорожку.

Слуга даже не повернул головы – умчался по делам. Я подошла поближе к Уйме. Превозмогла желание схватиться за толстую руку в кольчужном рукаве:

- Кто его убил, ты не знаешь?

- Никто его не убивал, – Уйма разглядывал мертвеца, лежащего теперь на боку. – Он у них всегда так – полежит-полежит и встанет. Если враг у ворот. Если в нем большая нужда, вроде как вчера.

- Пойдем отсюда, – сказала я, помолчав.

- Ты ужинала?

Полчаса назад я готова была проглотить слона. Сейчас у меня начисто пропал аппетит.

- Пойдем, Уйма, пожалуйста...

Он пожал плечами.

* * *

Мы вышли за ворота без лишнего шума, но ни от кого особенно не прячась. Поле перед замком было вытоптано, у ворот лежало опрокинутое стенобитное орудие. Чуть дальше – обломки катапульты. Поодаль высилась куча мешков, набросанных один на другой; я присмотрелась. Мешки смутно напоминали человеческие фигуры с руками-ногами, а кое-где на мешковине были даже нарисованы лица! Огромные куклы были изрублены, распороты, песок из них почти высыпался, осталась куча тряпья.

- Что это?!

- Сам удивляюсь, – пробормотал людоед. – Понаделали кукол, набили песком, пришел Мастер-Генерал – куклы встали и пошли. Страшное дело. Стрелы в них увязают, мечи тупятся... Его в ключья надо изрубить, чтобы он рассыпался, а разве он даст себя рубить?

Я вспомнила Максимилиана: «Куклы. Боевые игрушки Мастера». Солнце склонялось к горизонту; куча тряпичных бойцов отбрасывала длинную тень.

- Этот Мастер-Генерал... Он как-то их оживил, да?

- Мастер-кукловод, – проворчал Уйма. – И ведь не только кукол водит.

- А кого еще?

- Людей, разумеется. Я видел. Как он скомандовал: «В атаку». Все вперед как бешеные ломанулись. Слабые, сильные, трусливые, хромые... все.

- А ты?

Людоед долго молчал.

- И меня пробрало, – признался наконец. – Сперва ничего, ничего... А потом ка-ак... барабаны в ушах, в животе боевая песня. Вспомнил юность, понимаешь.

Уйма улыбался незнакомой улыбкой. Может, все дело в том, что лицо у него бритое? Я попыталась справиться с нарастающим беспокойством. Дальше мы шли в молчании шагов примерно сто.

- Потом просыпаюсь, – проговорил вдруг Уйма, – посреди мясорубки. Те и рады уже отступить, так наши фланги сомкнули и месят направо и налево. А я вообще уже не различал – кто наши, кто ихние...

- Ты знаешь, что такое мясорубка?

- А как же!

И снова его ответ мне очень не понравился. Зачем им на островах мясорубка, людоедам? Уйма снова замолчал, и я не стала его расспрашивать.

Отойдя на приличное расстояние, мы оглянулись.

Мрачное серое строение с высокими стенами, с двумя башнями по бокам и массивным выступом в центре, замок был похож на боевого носорога, всю жизнь прошедшего в схватках. Ни тебе балов, ни турниров, ни прочих радостей жизни – только бойня, атака за атакой, короткий перерыв на ужин и снова война.

- Кто это там? – спросил Уйма.

- Где?

Я присмотрелась. С такого расстояния мои глаза ничего не могли разобрать.

- Мальчишка? – спросила я с нехорошим предчувствием.

Уйма кивнул, не сводя с замка глаз.

- Он далеко, – сказала я. – Он нас не достанет.

- Кто это?

- Да так, – я отвела глаза. – Просто один знакомый.

Глава 11

По дороге, уставленной виселицами

Мы шли на север. Наступал уже вечер, когда у дороги нам повстречалась первая виселица.

- На верном пути, – сказал Уйма.

К моему большому счастью, виселица была пуста. Черная петля покачивалась, притворяясь безвредной веревкой.

- Сядем и перекусим, – предложил Уйма.

Я согласилась. Запасливый людоед утащил с праздничного стола целый мешок мяса, сыра, лепешек и кислых бледно-синих слив. От странных фруктов сводило скулы, зато они утоляли жажду.

Я ела и поглядывала на Уйму. Невозможно было привыкнуть к его новому обличку. Только я успела притерпеться к тому, что у меня в спутниках людоед, как вдруг знакомый дикарь без всякого волшебства превратился в незнакомого рыцаря. И это меня скорее пугало, чем радовало: дикаря, как известно, можно обмануть, провести, ну как-то «превзойти мозгами». А от этого нового Уймы я не знала, чего и ждать.

Так примерно я размышляла, но по мере того, как мой желудок становился все полнее,

настроение делалось все лучше, и скоро мне уже не хотелось задумываться о неприятных вещах.

- Дело не так-то уж плохо, - взялась я рассуждать, когда ужин был съеден. - Принц-деспот - это раз. Принц-пленник - это два...

- Никто не знает, где Принц-пленник, - заметил Уйма.

- Ну его братец-то должен знать? Я так поняла, что Принц-деспот его и запленил... Заточил... Посадил, короче.

- Он запленил его не за тем, чтобы женить, - возразил Уйма.

- Тогда мы должны уговорить - пусть выпустит, - сказала я не очень уверенно. - Все-таки брат... Ты не знаешь случайно, из-за чего они поругались?

- Жритраву, - задумчиво сказал Уйма, поглядывая на пустую петлю. - Из-за чего ругаются принцы? Из-за трона. Я так думаю.

Я уныло смотрела на обглоданную кость в его руках. Ну почему, почему все так сложно? Почему за Ведьминой Печатью нам не встретилась мирная, процветающая страна, где прекрасные, благородные принцы рвут ромашки, мечтая о невестах?

- Может быть, нам начать с Принца-саламандры?

- Гмурры, - коротко ответил Уйма.

- Кто это?

- Не знаю. Но все говорят, что до Принца-саламандры только на огненном шаре. Из-за гмурров.

- А где тут остановка огненных шаров?

- Остановка?

- Ну станция. Пристань. Гнездо.

- На запад за лесом, на высоком холме. Но сперва нам надо награть денег.

- Мы не грабители.

Уйма не удостоил меня ответом. Он лег на спину, вытянувшись во весь рост, и закинул руки за голову. Железные пластинки панциря чуть разошлись, как чешуйки, на его груди. Наверное, это был очень хороший доспех.

- Мы напрасно идем к Принцу-деспоту, - изрек Уйма лежа. - Он убьет тебя, а меня приспособит крутить какое-нибудь колесо. На мельнице. Или на руднике.

- Он же разбит, - напомнила я. - Он потерпел поражение. У него не осталось войска.

- Мой папа, Охра Костегрыз, никогда не уходил в поход, не оставив дома, в деревне, запасной отряд. Почему ты думаешь, что Принц-деспот должен быть глупее моего папы?

Я молчала. Мне нечего было ответить. Уйма валялся, отдыхая, расстелив по траве широкие

кольчужные рукава.

- Зачем таскать на себе эту тяжесть? - спросила я, ни к кому не обращаясь.

- А мне нравится. У нас на островах такого нет.

Вечерело. Я страшно устала. Ныли ноги. Клонило в сон. Мы только сутки за Печатью, а кажется - целый год. И ничего еще не сделано. Надо вставать и идти, а сил нет.

- Уйма, давай здесь заночуем.

- С дороги бы убраться, - людоед смотрел в темнеющее небо. - Мало ли кто тут ездит...

Будто в ответ на его слова в отдалении, там, откуда мы пришли, послышался негромкий топот.

- Уходим! - я вскочила, откуда только силы взялись. Уйма остался лежать:

- Три лошади. Одна повозка. Пеших с десятков, не больше. Ничего они нам не сделают, а вот спросить - спросить у них можно.

Я снова села и положила посох на колени.

Путники показались через полчаса. Лошадей в самом деле было три: одна запряжена в телегу, две с поклажей, их вели под уздцы тощие женщины в рваных плащах. Впереди выступал старик, борода у него была седая и клочковатая, а на голове поблескивала странная шапка. Только когда он подошел поближе, я поняла, что это корона! За коронованным шли, понуриив головы, мужчины и женщины разных лет, одна несла на руках младенца.

Король? Принц?!

- Здравствуйте, люди добрые, - сказал Уйма с добродушием истинного людоеда. - Куда путь держите? И что везете?

Он вытянул шею. Я посмотрела на повозку и обмерла: на дне ее, устланном плащами, лежал, глядя в вечернее небо, Мастер-Генерал! Я захлопала глазами; даже в сумерках ошибиться было невозможно, я ведь видела его и вчера живым, и сегодня мертвым. Это был точно Мастер, только рубашка на нем была не белая, а синяя, и из груди торчал не стилет, а сразу две стрелы. Я быстро отвела глаза.

- Идем по своим делам, - глухо ответил старик в короне. - Ищем справедливости.

- Уж не у принца ли деспота? - удивился Уйма.

Люди мрачно переглянулись.

- Настанет время, - с угрозой проговорила женщина, когда-то красивая, а теперь очень костлявая и бледная, - и Мастер откроет глаза. Тогда мы посчитаемся с деспотом и отвоюем свой замок. Тогда ты не станешь насмехаться над нами, чужак.

И все они с надеждой посмотрели на труп, а труп глядел в небо, никак не отвечая на их молчаливую мольбу. Я тряхнула головой; когда они успели выкрасть труп из замка? Переодеть? Заменить стилет двумя стрелами? Когда они все это успели, но главное - зачем?

Уйма был озадачен не меньше меня.

- Вчера он уже открывал глаза, - сказал он нерешительно. - Еще сегодня утром я бился под его рукой.

Люди на дороге разом загомонили, обращаясь друг к другу. В их голосах была горечь и злость.

- Справедливость есть, - сквозь зубы сообщила Уйме бывшая красавица. - И мы встанем. Это будет скоро!

- Погодите, - вмешалась я неприлично тонким голосом. - Мы не знаем, кто вы.... Нет ли среди вас принцев? Настоящих?

Все замолчали и так на меня уставились, что мне захотелось спрятаться за Уйму.

- наших принцев, - глухо сказала женщина, - убили враги много лет назад. Но мы еще поквитаемся!

И, не тратя больше слов, потащила за повод лошадь с поклажей. За ними двинулась телега; выпучив глаза, я смотрела, как проплывает мимо пронзенный стрелами Мастер-Генерал.

Хромая, спотыкаясь, усталые люди уходили все дальше, пока наконец не скрылись из виду. Мы с Уймой еще долго молчали.

- Может, это его брат-близнец? - спросила я наконец.

Людоед пожал бронированными плечами.

* * *

Уйма заснул первым. Дышал он, как всегда, бесшумно, так что я долго не могла понять: спит? Или притворяется?

Он спал.

Из-за облака вылезла луна и уставилась на меня гипнотизирующим взглядом. Я повернулась на бок, закрыла глаза.

Что сейчас делает Оберон? Считает ли он, хоть в глубине души, что я не упрямая маленькая дура, а верный Королевству маг, рискующий жизнью ради своего государя?

Что сейчас делает Гарольд? Не сидит ли в тюрьме по обвинению в государственной измене?

Отбита ли атака кочевников, и спасен ли город?

Уйма сладко облизнулся во сне. Потянулся - и снова успокоился. А еще дикарь, называется. Нет чтобы караулить ночью. А то ведь напрыгнут враги и возьмут нас, тепленьких...

Над землей стелилась ночная сырость. Я обхватила себя за плечи и перевернулась снова на спину. Зажмурилась, чтобы не видеть луну.

Кто такой Мастер-Генерал? И почему он то оживает, то умирает снова?

Зачем те люди, которых мы встретили, возят мертвое тело в повозке?

Какая странная страна...

* * *

Я всю ночь спала урывками и проснулась первой. Уйма дрыхнул. На пластинах его панциря (а он спал, не снимая доспехов) выступила роса.

У меня затекли руки, ноги, шея, даже, кажется, язык. Морщась и потирая бока, я взобралась на небольшой кряж, нависающий над дорогой.

Пусто. На севере, в тумане, виднеется следующая виселица – путеводный знак, ведущий к принцу-деспоту. Я вздохнула; хотелось принять душ. Или хотя бы умыться, желательно не росой.

В стороне от дороги я разглядела заросли камыша. Озеро? Болотце? Подойти и глянуть поближе?

Уйма спал. Я попыталась вытащить мешок с продуктами из-под его локтя, но людоед был не прост – разлегся так, чтобы даже во сне защищать свое добро. Рука у него и так была тяжеленная, а кольчужный рукав сделал ее просто неподъемной. Я сдалась.

Над крохотным озерцом кружились мошки. Раздвигая посохом камыш, я пробиралась вперед; уже показалась вода, чистая, прозрачная до самого дна. Я сделала еще шаг...

Над моей головой свистнула веревка. Петля захлестнулась на посохе. Рывок – гладкое дерево, обжигая ладони, рванулось из рук, и сколько я ни пыталась удержать его – упустила.

Из камышей поднялись трое. Двое взрослых (я мельком видела их в замке) и Максимилиан.

- Далеко собрались, пришельцы из-за Печати? – мальчишка ухмылялся во весь рот. Один из стражников, тот, что кидал лассо, перебросил ему мой посох. Максимилиан поймал.

- Ого, – взвесил посох в руке. – Стоящая штука. Можно крышу подпереть, если вдруг просядет.

За моей спиной была вода в болотистых берегах. Справа – один взрослый враг. Слева – другой. А прямо передо мной – мальчишка Максимилиан; раздумывать было некогда.

До него было пять шагов, или два прыжка. Он вскинул мне навстречу руки, согнул пальцы наподобие когтей. Я почувствовала, как сгущается вокруг него гнилой и тусклый кокон заклинания, но не захотела остановиться. Или не смогла.

Поняв, что не успевает с колдовством, он попытался увернуться, и это ему почти удалось. Почти, потому что я все-таки успела ухватиться за навершие своего посоха. Долю секунды мы тянули его в разные стороны, как щенята большую кость, потом я поняла, что тут мне все равно не победить, и разжала пальцы. Максимилиан не удержался на ногах и шлепнулся, ломая камыши, а я бросилась туда, где бессовестно дрыхнул мой защитник.

Далеко мне уйти не удалось. Петля захлестнулась и дернула назад, как на резинке, я упала и покатила по земле. Вербка впилась в локти, я завертелась, как червяк на крючке, пытаюсь высвободить руки.

- Убей волосатого, – услышала я голос Максимилиана. – Скорее, пока он спит!

Я извивалась на траве. Максимилиан подошел и направил на меня мой же посох:

- Тихо. Если будешь себя хорошо вести, мы не убьем тебя, когда уйдем за Печать. Останешься

здесь.

Его глаза смеялись. Я горько пожалела о том, что так и не научилась у Оберона убивать врагов взглядом.

Было тихо. Очень тихо и на земле, и на небе. Не слышно ни шагов, ни борьбы, ни предсмертного хрипа. Только где-то проснулась и робко пискнула ранняя птичка.

- Где вы там? - начальственно крикнул Максимилиан.

Из-за кустов вышел Уйма. Шагал неторопливо, покачивая в руке волнистый меч, как дирижерскую палочку.

Максимилиан отбросил мой посох. Вскинул руки, растопырил согнутые пальцы с длинными ногтями, между его ладоней запрыгали искры. В следующую секунду в руках некроманта сгустилась чернота, темный клубок соскочил на траву и вдруг вырос почти до неба (так мне, во всяком случае, с перепугу показалось). Из черноты слепилось существо вроде огромной обезьяны с руками-дубинами, ручищи протянулись к Уйме, и дальше я уже не стала смотреть.

Выбраться из петли! Веревка казалась липкой, будто толстенная паутина. Веревка казалась живым существом с собственной злобной волей. Кряхтя, рыча и постанывая, я сумела все-таки сбросить ее. Мой посох лежал неподалеку, а некромант был поглощен сражением Уймы с неведомой тварью из дымного клубка.

Людоед кружил, уходя из-под ударов черного чудища. Его меч проходил сквозь морок, не нанося противнику вреда. А гадкая Максимилианова тварь только казалась неповоротливой: рука-дубина врезалась Уйме в плечо, и людоед отлетел, как пушинка.

Я дотянулась до посоха, приподнялась на колене и запустила молнию в Максимилиана. Некромант успел отразить мой удар, да так метко, что я сама чуть не поджарилась. Тем временем проклятая тварь снова дотянулась до Уймы и так стукнула его, что людоед упал и остался лежать.

У меня не было времени подниматься с колен. Страх за Уйму и злость на Максимилиана свились в один горячий клубок, поднялись из живота в грудь и хлынули через левую руку - через посох - в сотворенное колдовством чудовище. Тварь замерла с занесенным кулаком, издала странный звук, словно присвистнула сквозь зубы, и распалась черными кляксами дыма.

Пот заливал глаза. Я почувствовала себя легендарным героем, победителем страшилищ. Мне захотелось смеяться и танцевать. Захотелось подойти к Уйме и, снисходительно улыбаясь, протянуть лежащему руку...

В этот момент триумфа меня схватили за горло, сзади. Я снова упала на колени:

- Пусти! Гад!

Максимилиан хихикнул за моей спиной. У него были твердые, как проволока, и очень холодные пальцы. Я попробовала сбросить его – проще было бы избавиться от клеща. Уйма лежал, как мертвый, широко раскинув ноги в кожаных штанах.

- Ты упустила свое счастье, девочка.

В следующую секунду некромант навалился мне на плечи, я врезалась лицом в навершие посоха и чуть не ослепла от боли. Пальцы на горле ослабили хватку, зато чужая рука была теперь в моем кармане.

- Вот и все, – как сквозь туман, я увидела восковой ключ на грязной и узкой ладонке некроманта. – Что передать твоим друзьям за Печатью?

Я потянулась к посоху, но Максимилиан наступил на него сапогом:

- Вот видишь, как опасно играть в «честные ответы» с незнакомцами. Не бойся, я оставлю тебя в живых. Тут так интересно кругом, так много удивительного, ты познакомишься с Принцем-деспотом и его надсмотрщиками, со странствующими палачами, с гмуррами... Когда ты в следующий раз откроешь глаза, я буду уже...

Максимилиан не договорил. Все еще улыбаясь, он вдруг свалился на меня, легкий, как нетопырь, и безвольный, как огородное пугало.

За спиной у него стоял Уйма с окровавленным лицом. Я впервые услышала, как людоед дышит.

* * *

- Ты все ему выболтала?

- Мы играли в «честные ответы», - я отвернулась. После того как мы сражались вместе, спасали друг другу жизнь и чуть не погибли, Уйма мог бы вести себя потактичнее.

На широченной ладони людоеда лежал восковой оттиск - отпечаток пальца Гарольда.

- Отдай, - я протянула руку.

Уйма посмотрел с сомнением.

- Это было дано мне, - я сдвинула брови. - Гарольд дал мне. Я королевский маг, ясно?

- Потеряешь, - с сожалением сказал Уйма. - Или отымут. Или расплавится. На.

Я поймала восковой отпечаток и снова положила в карман. Настроение было ужасное, болела шишка на лбу, ныло ушибленное колено. Впереди была дорога вдоль виселиц и встреча с принцем-деспотом, чьим именем окрестные матери пугают непослушных детей.

- Деньги, - с удовлетворением сказал Уйма. Стоя на коленях перед бесчувственным Максимилианом, он перебирал мешочки, привешенные к мальчишкиному черному поясу.

- Оставь, - сказала я брезгливо. Уйма и ухом не повел - выворачивал мешочки один за другим.

Максимилиан лежал, поверженный и жалкий, под носом у него запеклась струйка крови. Белое лицо казалось бумажным, белые кисти, выглядывающие из черных рукавов, - фарфоровыми. Даже длинные, хищные ногти не казались теперь зловещными - просто мальчишка с нестриженными ногтями. Тощий, хрупкий пацан. А здоровенный дядька огрел его кулаком по затылку...

- Фу ты, - Уйма высыпал из очередного мешочка пригоршню мелких костей. - Гадость какая.

- Что это?

- Нетопырьки кости, для колдовства. Слушай, Лена, а дружок твой, часом, не некромант?

- А что?

У людоеда зашевелились волосы в ноздрях.

- Некромант?

- Откуда я знаю, - соврала я неизвестно зачем.

Уйма покачал головой:

- Хорошие у тебя друзья...

- Уйма, ты понимаешь, что говоришь?! Какой он мне друг? Он меня чуть...

Я осеклась. Уйма раскрыл следующий мешочек, тот был полон серых, желтых и зеленых

горошин.

- Семена правды!

- Чего?

Захлебываясь, я рассказала Уйме все, что знала. Чем дальше я говорила, тем светлее становилось лицо людоеда.

- Жритраву, - проговорил он с явным удовольствием. - Не было матросов, так акула помогла.

В следующем мешке были мелкие засахаренные фрукты. Максимилиан тем временем вздохнул, его веки опустились ниже, в щелке между белесыми ресницами дрогнули глазные яблоки.

- Уйма, он очнулся.

Странно улыбаясь, людоед наклонился над Максимилианом и двумя волосатыми пальцами зажал ему нос. Мальчишка от неожиданности широко раскрыл рот, и Уйма уронил туда желтое семечко правды - так ловко, что парень невольно сглотнул его.

- А что тебе, дружок, связать надо, чтобы ты не колдовал?

Максимилиан широко раскрыл глаза. Прошла секунда. С ненавистью глядя на Уйму, мальчишка завозился на траве, потянулся руками к животу, скрючился, охнул, выкрикнул людоеду в лицо:

- Руки! Пальцы! Чтобы ты сдох!

Глава 12

Путешествие с некромантом

Дальше мы пошли втроем. Впереди шагал Уйма, и Максимилиану, которого людоед тащил на веревке, приходилось почти бежать за ним.

Я замыкала процессию. Я тоже почти бежала, хорошо, что Максимилиан этого не видел.

На пути - то справа, то слева - то и дело возникали виселицы. Иногда пустые. Иногда на них кто-то висел, и я тогда низко опускала голову и смотрела только себе под ноги.

Скоро я заметила, что и Максимилиан не смотрит на повешенных. Только покажется из-за холма нагруженная телом виселица - мальчишка опускает глаза, высматривает что-то на дороге, будто ищет в пыли иголку.

В полдень, когда солнце поднялось высоко, мы сделали привал на верхушке кряжистой скалы - чтобы видеть дорогу в обе стороны. Уйма разделил со мной поровну остатки вчерашнего

ужина. Максимилиану не дал ничего. Мальчишка сидел на камне, смотрел вдаль, словно его ничто вокруг не интересовало и ничто не касалось.

- На, - я раскрыла мешочек с засахаренными фруктами.

- Как я буду есть? - раздраженно спросил Максимилиан. Его руки были крепко связаны за спиной, и даже пальцы Уйма заботливо опутал каждый своей веревочкой.

Я поколебалась.

- Открой рот. Я тебе в рот буду класть.

Максимилиан ухмыльнулся так отвратительно, что я пожалела о своей доброте.

- Не бери в голову, - Уйма с хрустом раскусил кость. - Мы его семечками кормить будем. Семечками правды.

Улыбка на лице некроманта померкла. Уйма вытащил мешок с горошинками, взвесил в руке:

- Изрядно. Нам хватит.

* * *

- Ты некромант?

- Да! - Максимилиан чуть не поперхнулся очередным зернышком.

- Я знал, - проурчал Уйма. - Я знал... Чего боится Принц-деспот?

- Ничего он не боится!

- А что он любит?

- Захватывать чужие замки, города, рудники и рабов, - в глазах Максимилиана промелькнуло злорадство. - Воевать и сражаться! Вот что он любит!

- А еще?

Максимилиан молчал. Одно проглоченное зернышко требовало ответа только на один вопрос, и мальчишка внимательно следил за тем, чтобы не сболтнуть лишнего.

Уйма невозмутимо сунул Максимилиану в рот очередное «семечко»:

- Как сделать, чтобы Принц-деспот нас выслушал?

- Покажите ему силу, - Максимилиан поморщился. - Он уважает только силу.

Уйма подбросил на ладони новую серую горошинку.

- Дайте пожрать, - вдруг возмутился Максимилиан. - У меня живот пучит!

- Нету жратвы, - бесстрастно отозвался Уйма. - Не заработал еще.

Мальчишка стиснул губы. Уйма снова зажал ему нос; я отвернулась. Что-то мне подсказывало, что Оберон не стал бы допрашивать связанного пленника с помощью зернышек правды. Но

ведь он великий волшебник и великий король...

И жизнь Оберона в моих руках. Да еще в Уйминых волосатых лапищах; я вздохнула.

- Как пройти в замок принца, чтобы нас не было видно? - вкрадчиво спросил Уйма.

- Через Соленую Бездну, - простонал мальчишка. - Эй, дайте мне хоть чем-нибудь эту дрянь закусить!

Я положила засахаренное яблоко ему в рот. Максимилиан зажмурился от удовольствия. Я дала ему еще одно.

На пятом яблоке я потеряла бдительность, и он цапнул меня зубами за палец. До крови.

От неожиданности я вскрикнула.

Максимилиан улыбался, довольный. На щеках у него играли ямочки.

* * *

Конец дня мы встретили в стороне от дороги, в чахленькой роще на вершине холма, откуда отлично просматривались и дорога, и замок Принца-деспота.

Замок не был построен людьми. Это ясно было с первого же взгляда. А скорее всего, это вообще был не замок, а что-то другое.

Ни стен, ни башен, ни окошек, ни бойниц. Ни флагов, ни балконов, ни подъемного моста. Сплошная серая глыба морщинистого камня, а на месте ворот - две колонны, массивные и толстые, как ноги раскормленного слона. Между колоннами - черная дыра, подсвеченная красными сполохами. К воротам вела дорога; на ее обочинах, между виселицами, теснились кособокие домишки и будочки. Не то деревня, не то базар.

- Взять *это* приступом невозможно, - сказал Максимилиан. Он впервые заговорил без семечка правды в животе. Мы с Уймой удивленно уставились на некроманта.

- Мой прадед рассказывал, - Максимилиан мечтательно закатил глаза, - что раньше здесь было страшное место. Просто ужасное место. Сюда люди за много верст подходить боялись, и живые, и прочие. По доброй-то воле. А потом, когда Печать поставили, здесь долго было пусто. Пока прапрадедушка Принца-деспота, король Вырвиглаз, не пришел и не поселился. А вы идите, идите туда, внутрь. Идите, - он сладко улыбнулся.

- Что-то ты разговорился, - недобро заметил Уйма. - Давно своих катышков не жрал?

- А ты погрози мне, погрози, чучело. На рудниках поставят тебя насос качать, вот тогда вспомнишь свои угрозы. Когда плеточка по плечам - вжик-вжик...

Мне захотелось в полную силу огреть Максимилиана по белобрысой башке. Я еле удержалась. А Уйма, хладнокровный людоед, и ухом не повел:

- Насчет «вжик-вжик» поглядим, поглядим. А к Принцу-деспоту ты ведь с нами пойдешь. Мы у тебя дорогу спрашивать будем.

- Я не знаю дороги! - ошетинился мальчишка. Уйма потянулся за мешочком с семечками правды.

- Я знаю только, где вход, - быстро сказал Максимилиан. - Там старое кладбище. Очень старое. Прямо из склепа короля Вырвиглаза тоннель ведет в Соляную Бездну. Оттуда точно есть выход в замок. Но как идти - я не знаю.

- Не знаешь? - фальшиво удивился Уйма. - Ты ведь некромант...

Максимилиан замотал головой:

- Ты не понимаешь, дикарь. Это Соляная Бездна, самая страшная часть загробного царства! То есть почти самая страшная. Я туда не пойду.

- Но ведь кто-то там бывал? - спросила я. - Кто-то тебе рассказал про этот ход?

- Мой дед, - прошептал Максимилиан. - Он бывал... А я не пойду.

- Пойдешь, - усмехнулся Уйма. - Как миленький.

* * *

На закате нам наконец-то повезло - мы нашли озеро, полное рыбы. Я ловила посохом, Уйма - голыми руками, между нами шло молчаливое соревнование, и когда стемнело, на траве перед связанным Максимилианом валялась целая груда свежей, крупной, восхитительно пахнущей рыбы.

- Приспособить бы тебя чешую обдирать, - сказал Уйма, глядя на мальчишку сверху вниз.

- Давай, - с ухмылкой согласился некромант.

- Размечтался, - в тон ему ответил Уйма.

Котелка не было. Варить уху в шлеме Уйма отказался. Сам он ел рыбу сырым, но для меня, сжалившись, испек на углях.

Что это была за вкуснотища! Максимилиан наблюдал за нами голодными глазами.

- Будешь кусаться? - спросила я его.

- Буду, - ответил он злобно. - Палец откушу.

- Ну и голодай, - Уйма сверкнул желтыми глазищами.

Я, подумав, насадила кусок рыбы на ивовый прутик. Протянула Максимилиану. Тот жадно схватил ртом угощение и, сопя и обжигаясь, сразу же проглотил.

- Смотри, - сказал Уйма. - Он тебя не пожалеет.

Я промолчала.

* * *

Когда стемнело, мы спустились с холма. На этот раз впереди шел Максимилиан. Уйма мягко ступал за ним: меч за плечами, на волосатый кулак намотана веревка-поводок. Я догнала людоеда и кое-как приноровилась к его шагам.

- Уйма? А что мы ему скажем?

- Кому? - на белом лице Уймы уже заметно подросла щетина.

- Принцу-деспоту.

- Что *ты* ему скажешь, вот как. Ты посланец, ты королевский маг, тебя отправили за принцами. А я - так себе, глупый дикарь, мое дело - врагам шеи свертывать.

Мы прошли насквозь небольшое селение, тихое, пустое и темное. Если бы не запахи - дыма, навоза, вареной кукурузы - можно было б подумать, что тут давно никто не живет.

- Где они все?

- Затаились, - подумав, сообщил Уйма. - И правильно. Нечего тут.

Чем ближе мы подходили к серому замку, тем хуже становилось у меня на душе. Уже очень давно я не чувствовала себя такой одинокой. Уйма мне не друг, Максимилиан - и вовсе лютей враг. О чем мне говорить с Принцем-деспотом? А если...

Мысль была такой ужасной, что я остановилась. Уйма, как ни в чем не бывало, ушел вперед.

- Уйма! погоди! А если он женат?!

Людоед расхохотался, широко разевая огромный рот. И, что самое оскорбительное, вторил ему зловредный голос Максимилиана.

Я насупилась.

* * *

Во мраке мы подобралась к замку совсем близко. Максимилиан, оказывается, видел в темноте не хуже меня, не хуже Уймы, и это открытие мне не понравилось.

- Вон кладбище, - мальчишка, у которого были связаны руки, указал вперед подбородком, но я и без него уже разглядела впереди царство безлистных деревьев и покосившихся каменных склепов.

«Уважаемый Принц-деспот! Я, посланец короля Оберона, предлагаю вам взять в жены Филумену, прекрасную принцессу и милую девушку. Она будет танцевать на балах, улыбаться, вязать вам носки...»

Я вспомнила Филумену и чуть не заплакала. Она сейчас довольна, спокойна, сыта и красива, и главное, ничегошеньки не боится. Сидит себе, в лото играет с Алисией и Ортензией... Ей не надо пробираться среди старых могил, разыскивать проходной склеп, готовить речь, обращенную к Принцу-деспоту, и знать заранее, что кроме «Ай!», скорее всего, ничего не успеешь сказать...

- Ну, гаденыш, где же склеп? - беззлобно поинтересовался Уйма.

- Здесь. На главной аллее.

Максимилиан шел все медленнее. Наконец остановился и прижался к ногам Уймы:

- Погодите.

- Что такое?

- Надо подождать, - голос Максимилиана дрожал.

Так, в молчании, мы стояли несколько минут. Я подошла и прижалась к Уйме с другой стороны. Доспехи людоеда были теплыми.

- Идем, - хрипло сказал Максимилиан. - Тут близко.

Кладбище в самом деле было старое, очень старое. Надгробья поросли мхом, будто слоем серого снега. Мы пробирались по аллее, как по лесу, то и дело отводя ветки, с треском разрывая паутину и вздрагивая от прикосновений мокрых листьев.

- У меня руки затекли, - сказал Максимилиан.

- Потерпишь.

- А если я поклянусь вам не вредить, вы меня развяжете?

- Это кто же когда верил клятвам некроманта? - усмехнулся Уйма.

Я поводила посохом, как антенной, выискивая опасность. Выходило, что опасно повсюду, но угроза была слабая, затаившаяся.

- Вот, - слабо сказал Максимилиан. - Вот склеп Вырвиглаза.

Прямо перед нами возвышалось черное каменное сооружение высотой этажа в три. Дверь была

железная, очень низкая. Плющ (я думаю, что это был плющ) почти полностью закрывал ее густой темно-зеленой сеткой.

- Открывай, маг, - предложил Уйма.

Я подошла поближе. За моим плечом цокал зубами Максимилиан; я нерешительно взялась за гибкие вьющиеся стебли. Рванула. Зашуршали листья, посыпалась пыль. В ладонь мне впилась заноза. Под плющом обнаружилось металлическое кольцо, ржавое и облепленное паутиной. Я брезгливо обмотала руку полкой, взялась за кольцо, подергала...

Никакого результата. Даже не скрипит.

- Пропусти, - сказал Уйма.

Он разбежался и ударил в камень ногой. Дверь вздрогнула. По кладбищу пронесся гул экспресса, летящего в пропасть. Ни на что не обращая внимания, Уйма ударил еще раз, и дверь вдруг легко провалилась внутрь, в темноту, как крышка консервной банки.

Из темноты повеяло застоявшимся воздухом.

- Я туда не пойду, - сказал Максимилиан.

- Пойдешь, - людоед наматывал на кулак веревку.

- Да послушайте вы! - в голосе Максимилиана послышались слезы. - Я... мертвых боюсь.

- Чего?! - разинул рот Уйма. - Ты же некромант!

- Боюсь, - Максимилиан дрожал, я точно видела, что он не притворяется. - Я... вообще не могу. Я боюсь.

- А как же поднимать на врага армии скелетов? - издеваясь, спросил Уйма. - У нас на островах один старикашечка, помнится, поднимал... А как же прислуга из ходячих трупов? А как же...

- Не могу! - Максимилиан трясся. - Если бы вы знали... Что у нас бывает... Вы бы не смеялись!

- Не смейся над ним, - сказала я Уйме.

Людоед взял Максимилиана за воротник черной курточки:

- Ты, гаденыш, как хочешь, а я тебя не выпущу. Нам в склеп - и тебе в склеп. Нам через Соляную Бездну - и ты пойдешь. Вперед!

И он толкнул Максимилиана в проем, туда, где виднелись пыльные ступеньки.

* * *

Это была очень богатая, очень пышная гробница. И совсем не страшная. Честно говоря, ее можно было бы принять за королевские покои со многими комнатами, коврами и мебелью, золотой и серебряной посудой, картинами, гобеленами, оружием и статуями - если бы она, эта замечательная королевская квартира, не находилась под землей на старом кладбище.

- А где же сам?.. - спросила я, когда мы прошли через четвертую комнату, длинную и почти пустую, если не считать мраморного столика для шахмат.

- Где король? - спросил Уйма у Максимилиана. Тот вертел головой и тяжело дышал.

Я на секунду остановилась посмотреть на шахматы. Фигурки были тонкой работы, одни из кости, другие из незнакомого полупрозрачного материала. Я ломала голову, что же это такое, пока не догадалась пощипать фигурку пальцем и осторожно лизнуть. Соль!

Уйма тем временем протащил Максимилиана через комнату к полуистлевшей занавеске, загораживающей выход. Обернулся ко мне:

- Эй! Не отставай!

И отдернул занавеску.

Невозмутимое лицо его застыло.

- Это они! - закричал Максимилиан. - Я знал. Они его достали!

* * *

Следующая комната оказалась королевской опочивальней. На ложе, целиком сделанном из мрамора, должен был покоиться прах покойного Вырвиглаза - век за веком и до скончания веков. Однако судьба распорядилась по-другому.

Королевское ложе пустовало.

В углу комнаты висел вниз головой истлевший труп - полы мантии свешивались на голову. Костяные щиколотки были намертво перехвачены стальными кандалами, цепь уходила вверх, в темноту. На полу валялась корона. Прижавшись к Уйме с двух сторон, мы с Максимилианом одновременно отвели глаза.

- Давай уйдем, - трясущимся голосом сказал некромант.

- Давай, - поддержала я.

Глава 13

Соляная бездна

Склеп незадачливого Вырвиглаза в самом деле оказался проходным. Прямо под мраморным королевским ложем обнаружилось отверстие, прикрытое тусклым щитом, но, когда я увидела этот «вентиляционный ход», меня охватило отчаяние.

- Уйма, ты же не пролезешь!

- Главное, чтобы пролезла голова, - повторил Уйма фразу, однажды сказанную Гарольду. И, привязав веревку, которой был связан Максимилиан, к закопченному кольцу в стене, неторопливо принялся снимать доспехи.

* * *

- Кто его подвесил?

Мы пробирались по подземному ходу, ведущему, по словам Максимилиана, из склепа в Соляную Бездну. Ход был прямой, как шоссе, и почти такой же широкий. Уйма, поразивший нас с Максимилианом умением просачиваться в узкие дыры, шагал теперь в полный рост, выпятив широченную грудь и развернув бронированные плечи.

- Кто его подвесил? - снова спросила я у Максимилиана.

- Мертвые-бессмертные, - отозвался он, глядя под ноги. - Слушай, у меня руки отнялись прямо. Вообще отсохнут. Жалко тебе развязать?

- Уйма, - нерешительно начала я.

- И не думай, - людоед взмахнул мечом, будто примериваясь снести кому-то голову. Острие задело каменный потолок, полетели искры. Уйма ударил еще раз - искры посыпались, как фейерверк.

- Кто такие эти... если мертвые, то какие же они бессмертные?

- Воевали два клана, - Максимилиан вздохнул. - Две армии. Одни были из старых...

- Как это?

- Воины, павшие в битве, по праву явившиеся в страну мертвых и вкушающие заслуженные почести, - Максимилиан, кажется, повторял заученный текст, в голосе его звучало отвращение. - На самом деле просто старые вороны, которых кто-то когда-то убил в бою. Второй раз же не умирать, вот они и бессмертные.

- А другие?

- Другие... новые. Те, кто пришли сюда не по правилам, после смерти, а живьем, через лазейку, по волшебству. Мои предки-некроманты, еще Вырвиглаз со своей ордой, еще кое-кто. Они хотели вкушать эти самые почести, но не умирать, и уж тем более не умирать в бою.

- И косточку разгрызть, и зубами не щелкнуть, - подсказал Уйма.

- А что за почести? - я забыла, где нахожусь и куда иду, казалось, я вот-вот узнаю что-то очень важное.

- Ты что, не знаешь, что погибших воинов после смерти ждут почести?

- Знаю. А на что это было похоже?

- Шагающие дворцы, - сказал мальчишка с тоской. - Были такие. Где каждый счастлив безмерно, и горд, и вдохновлен, - он снова повторял строки из неведомой книжки. - Их завалили. Наполовину наши, живые постарались, наполовину мертвые-бессмертные, чтобы нашим не досталось.

- Жалко, - сказал Уйма.

- Жалко, - Максимилиан опустил глаза. - Там такое было... Такое... Мой дед, когда

рассказывал, плакал вот такими слезищами, – мальчишка хотел, видно, показать, но забыл, что у него связаны руки.

Стало тихо. Мы шли по коридору, время от времени наших лиц касался ветер – приносил запахи влаги и земли. Напоминал, что впереди есть выход.

– И кто победил? – спросила я. – Живые?

– Вообще-то да, – Максимилиан вздохнул. – Вообще-то... мой прадед сумел заколдовать почти всех старых: закатать их в каменную соль, засолить, как селедку. Но они же бессмертные. Говорят, – Максимилиан запнулся, – вот моя мачеха говорит... Что уже совсем скоро они выберутся из соляной глыбы, придут и заберут свой мир обратно. А живых, которые их обидели...

Он вдруг остановился. Я повернула голову. По бледному лицу Максимилиана потоками лились слезы.

– Вы не понимаете! Они могут в любую секунду вернуться. А я же прямой потомок Аррдаха, некроманта, который их победил. Они первым делом меня будут искать. Вырвиглаза вон уже нашли.

– Ты же говоришь, что они все в соли, – невозмутимо заметил Уйма. – Кто же его подвесил?

– Не все, – пробормотал Максимилиан. – Некоторые, которые поближе к краю соляной глыбы, смогли языком пролизать себе выход и освободиться. Теперь они... ходят. Ждут, когда освободятся остальные.

Холодный ветер снова прошелся по тоннелю. Я задрожала.

– Мне надо уйти отсюда, – жалобно сказал Максимилиан. – Я так ждал... Я ждал: придут люди из-за Печати, рано или поздно. Значит, у них ключ. Значит, я уйду. Уйду – значит, спасусь. А мертвые-бессмертные, если меня поймают, знаешь что сделают? – его лицо блестело от слез. Кончик носа покраснел.

– Ну и дурак. Объяснил бы по-хорошему, – я отвела глаза.

Уйма фыркнул:

– Ты, маг дороги, уши-то не развешивай. У него руки связаны, так он языком плетет. Смотрите-ка, вроде выход?

Шагах в тридцати перед нами тоннель заканчивался широкой железной дверью.

* * *

– Да уж. Представь себе. Вот ты пал в бою, пришел в царство мертвых, тут тебе мягкие подушки, еда и питье от пуза, красавицы, курильницы, все как надо. И вдруг являются паршивые некроманты, выгоняют тебя, честного мертвого воина, из твоего чертога, хотят сами есть-пить и целовать красавиц. Я бы обиделся.

Свистящий голос Уймы отражался от стен и куполов, от зеленоватых каменных статуй, от маслянистой поверхности непрозрачного подземного озера. Звук уползал в тоннели и еще долго отдавался там, как будто тысячи змей на все лады повторяли слова людоеда, и мне

хотелось, чтобы Уйма замолчал.

Соляная Бездна оказалась совсем не такой, как я ожидала. Мы попали, словно в огромный кусок сыра с большими дырками. Это было похоже на давно покинутый парк аттракционов: пещеры, коридоры, лесенки, мосты и переходы, странные конструкции; спиральные желоба, как водные горки в аквапарке, пронизывали гулкие пустые пространства, уходили вниз на страшную глубину и там терялись из виду. Из стен выступали статуи, похожие на шахматные фигуры в склепе Вырвиглаза. Уйма поплевал на руку, помусолил ближайшую статую, лизнул палец, поморщился:

- Соль.

На дне сухих желобов ершились иголочками неблестящие кристаллы.

- Здесь, - голос Максимилиана звучал еле-еле, но, начав говорить, мальчишка уже не мог остановиться, - было место для мертвых-бессмертных, которые сбежали с поля боя.

- Для трупов, - невозмутимо уточнил Уйма. - И что же?

- Они гоняли соль по желобам. Языками.

- Тоже мне наказание, - мне было страшно, поэтому я пыталась уверить себя, что все происходящее - смешно.

Максимилиан странно покосился на меня:

- По-твоему, ничего особенного? А ты представь...

Я посмотрела на ближайший к нам желоб. Он был хитро изогнут - то резкая прямая горка, то широкая спираль, вроде как тело удава. Я вообразила: вот по желобу идут один за другим малодушные воины. Языки у них отвисли до земли, и они гонят и гонят перед собой волну соляного раствора...

- А они вверх... шли или вниз? - спросила я, давась нервным хохотом.

Максимилиан не отозвался. Кажется, мой смех его оскорбил.

- Вверх, конечно, - ответил за него Уйма. - Потом вниз скатывались - и опять... И где они

теперь?

Максимилиан вздохнул:

- Их освободил мой дед. Он думал поставить их на войну против других мертвых-бессмертных.
- Против храбрецов, - уточнил Уйма. - А они? Которых он освободил?
- Разбежались кто куда. Затаились.
- Понятно, они же трусы.
- Не все! Ты, что ли, никогда с поля битвы не бегал?

Уйма холодно усмехнулся:

- Никогда.

Максимилиан хотел что-то сказать, но в этот момент сверху послышался нарастающий шум. Я вскочила, вскинув посох. Уйма ощерился. Максимилиан присел на корточки.

Шум превратился в грохот. Отовсюду посыпались соляные кристаллы, закружились в воздухе, как снег. Я прищурила слезящиеся глаза; по одному из желобов катился череп, описывал виток за витком, подпрыгивал, грозя вывалиться за борт, но не вывалился и продолжал катиться. Все ниже... ниже...

Шум долго не смолкал. Череп скрылся в переплетении желобов, по маслянистой воде озера все ходили судорожные мелкие волны, и летели кристаллы соли, и подрагивал воздух.

- Откуда это? - спросил Уйма. - Что там, над нами, замок?

Максимилиан помотал головой:

- Раньше это был не замок. И наверх здесь нельзя. Идти надо вдоль берега... Вдоль озера... и там будет мост.

* * *

Мы шли по слою соли, хрусткой, как снег. Уйма так хряпал сапожищами, что только крошки летели, и след за ним оставался почти как за танком. По этому следу, перепрыгивая из одного отпечатка в другой, тянулся Максимилиан. А замыкала шествие я - с посохом наперевес.

- Стой!

Людоед не сразу, но послушался. Недовольно обернулся:

- Что такое?
- Опасность, - я указала вперед дрожащим пальцем.
- Известное дело, - согласился людоед. - Так что?

Я оглянулась назад. Возвращаться? Искать обходной путь?

Не дожидаясь команды, Уйма повернулся и снова захрустел сапожищами. Я подняла посох

повыше. Впереди, в коричневом плоском полумраке, уже был виден веревочный мост над густой зеленоватой водой.

На мосту кто-то стоял. Темная фигура, похожая на оплывшую черную свечку.

Уйма остановился. Максимилиан врезался ему в спину. Я замерла с поднятой ногой.

Кап, упала в воду тяжелая капля. Кап-п.

- Кто здесь?!

- Долго, - тихо сказала фигура, и от звука ее голоса вода взялась морщинками. - Долго ждать.

- Нам надо на ту сторону, - невозмутимо сообщил Уйма.

- Когда-то здесь был перевоз, - задумчиво сказала фигура.

- Теперь нет, - возразил Уйма после короткой паузы. - Теперь мост. Ты дашь нам пройти?

- Проходите, - неожиданно легко согласилась фигура. - Я возьму только *его*.

Максимилиан осел на соляную россыпь.

- Кого? - спросила я, надеясь затянуть время.

- Некроманта, - уточнила тень. - Кровь Аррдаха, я чувю.

- Бери, - согласился Уйма.

- Да ты что! - от возмущения у меня волосы встали дыбом.

Людоед обернулся. Я встретилась с ним глазами.

- Бери-бери, - повторил Уйма добродушно. - Только с моста сойди.

Фигура заскользила, как на коньках. Мост колыхнулся, освобождаясь от немалой, видимо, тяжести. Когда соль скрипнула под спустившейся на берег фигурой, Уйма будто невзначай вытащил свой волнистый меч.

Фигура чуть замедлила движение.

- Кто такой, чтобы ставить условия? - небрежно спросил Уйма.

- С дороги, - прошелестела тень. - Или возьму всех троих.

Уйма поднял меч, принимая боевую стойку. Я кинулась к Максимилиану. Некромант был не просто белый - зеленовато-синий, как вода в баночке у школьника, рисовавшего весну.

Я попыталась поднять его. Максимилиан был легкий, будто нетопырь: кожа да кости.

- Развяжи мне руки... - простонал он, не разжимая зубов.

Тем временем Уйма и темная фигура сошлись, и полетели во все стороны кристаллики соли.

Навершием посоха я провела по веревке, затянутой Уймой. Людоед умел связывать - каждый

узел пришлось резать отдельно. Наконец разлохмаченная веревка упала, и одновременно упали руки Максимилиана – безвольно повисли вдоль туловища.

– Я же говорил, – грустно заметил Максимилиан.

Я оглянулась. Уйма пытался высвободить меч, завязший в противнике. Противник пытался дотянуться до его горла черной, будто резиновой, рукой. Единственной.

– Держись! – крикнула я неизвестно кому. Подхватила Максимилиана под мышки, набрала полную грудь воздуха и взлетела. Поднялась метра на полтора, тут же просела под грузом некроманта и задержалась в полете над самой землей, над белой россыпью соли. Надувшись, как лягушка, поднялась еще чуть-чуть и полетела – потянулась – над самой водой по направлению к мосту.

Ноги некроманта коснулись воды. Я замедлила движение, словно меня дернули назад.

– Колени согни! Подтяни ноги!

Он попытался выполнить мой приказ и подтянул колени к животу. Я опустилась еще ниже. С мокрых сапог Максимилиана срывались тяжелые капли и падали в воду, не оставляя кругов.

Когда же я научусь летать, как нормальный человек?!

Мост был уже совсем близко.

– Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»!

Я навалилась на веревку, служившую перилами. Поднимись я чуть выше – и мы с Максимилианом благополучно перевалились бы через препятствие и оказались на мосту. Но я недотянула.

Веревка напряглась, как ограждение ринга, и отбросила меня назад. Я потеряла равновесие и, выронив Максимилиана, полетела в воду!

Но не погрузилась даже по грудь.

Вода без брызг вытолкнула меня обратно. Я висела, как поплавок, по пояс в воде и с пустотой под ногами. Рядом барахтался некромант – руки ему по-прежнему не служили, но опрокинуло его, к счастью, не на живот, а на спину.

Уйма еще сражался. Его шлем откатился к самой воде, его меч переломился пополам, черная рука сомкнулась на его горле. Наверное, подумала я, после смерти людоед по праву мог бы рассчитывать на место в Шагающих Дворцах. И тут же спохватилась: два мага болтаются, как селедки в рассоле, в то время как простой дикарь не на жизнь, а на смерть бьется с порождением Соляной Бездны!

Я попыталась снова взлететь, но липкая вода не пускала. Я стала раскачиваться, подпрыгивая вверх и вниз, то погружаясь по грудь, то выпрыгивая почти по колено. Почти выбралась, почти смогла, потянулась за Максимилианом – и снова потеряла равновесие, упала обратно и чуть не хлебнула густой едкой жижи.

Она была, как зеленоватое молоко. Она была, как топленый жир. Она была...

Я наклонила голову. Мне показалось, что в молочной мути подо мной появляются просветы.

Вот они стали шире... Еще шире... Как будто, опускаясь на самолете, я прорывала слой облаков, они становились все реже, сейчас я увижу, что под ними...

И я увидела.

Дно было страшно далеко. Я висела над ним на высоте шестнадцатизэтажного дома. И там, на дне, были люди. Они стояли толпой, плотно прижавшись друг к другу, и покачивались, словно пришли на уличный концерт.

Их головы были, как шары, белые и голые. Сперва я видела только макушки, но вот начали появляться лица с черными дырами глаз. Они задирали подбородки, они смотрели на меня, они меня видели!

Я вырвалась из воды, как ракета с прицепом, волоча за собой Максимилиана. Снова навалилась на перила моста и снова не дотянула. Веревка напряглась - и лопнула под моей тяжестью, мы упали на мост, и он заходил ходуном, как огромный гамак.

- Уйма!

Хрипя и задыхаясь, Уйма обломком меча отсек черную руку, вцепившуюся ему в горло. Кинулся за нами по мосту. Черная фигура взвыла дурным голосом и бросилась следом, на бегу опрыскивая людоеда струйками мутной жидкости. Жидкость густела с каждой секундой. Уйма увяз и свалился. Фигура нависла над ним, и тут мой посох разразился струей зеленого огня.

Черная фигура замешкалась только на несколько секунд - но этого времени хватило и Уйме, и нам, чтобы проскочить мост и добежать до лестницы.

* * *

Воды! Воды! Ничего мне так не хотелось, как прыгнуть в речку и смыть с себя хрустящую корку соли. Кожу стянуло, все царапины, ссадины и ранки горели огнем, одежда превратилась в серый цапаучий панцирь. Максимилиан казался ожившей цементной статуей и хныкал в голос. Только Уйма сохранял присутствие духа, хотя лицо у него было рассечено от виска до подбородка и панцирь потемнел, залитый кровью.

Мы остановились в темном коридоре. Посох подрагивал, обещая опасность тут и там. Пахло дымом, пылью и невымытыми людьми.

- Бассейн, - сказала я. - Ну хоть бочку с водой. Ну хоть ведро. Где взять?

Уйма покосился и ничего не ответил.

- Если вас поймают ночная стража, - сказал Максимилиан, - к утру виселицы перед замком будут заняты.

- Почему это «вас»? - удивился Уйма. - Нас, так точнее.

Я покрепче зажмурила глаза. Представила себе воду. Много воды. Наш класс выстроился вдоль кромки бассейна, у Ритки новый купальник...

Нет, не так. Надо вспомнить Оберона, Что сделал бы в такой ситуации Оберон?

Посох нагрелся под моими руками. Я представила, как вхожу в ванную, поворачиваю кран... Посох дернулся. Из наверхия сперва тонкой струйкой, потом все сильнее и сильнее забила вода.

Очень долго мы ничего не делали - просто стояли и смотрели на это чудо. С еле слышным шипением вода поднималась к потолку, рассыпалась грибом-фонтаном и мелким дождем стучала по плитам. Текла по каменному полу, проваливалась вниз сквозь решетку водостока и исчезала из глаз.

Она была теплая.

* * *

Вряд ли в этом коридоре кто-то когда-то брызгался водой. Вряд ли кто-то гонял туда и сюда по мокрому полу, чтобы обдать противника теплым фонтаном. Полуголые, в мокрых рубашках, мы с Максимилианом вели себя, как два малолетних дурачка. Уйма исподлобья наблюдал за нами, но резвиться не мешал: почему бы не побаловаться, вырвавшись из лап лютой смерти?

Это, конечно, глупо, но игра с водой в подвалах Принца-деспота подарила мне замечательные, счастливые минуты. Доживу до старости – буду вспоминать, честное слово. Мы справились, мы вырвались, я показала себя настоящим магом и заново поверила в себя. Чего мне бояться? Я все могу! Я могу летать. Я могу вызывать огонь и воду. Я могу лечить раны...

Вспомнив о ране Уймы, я перестала брызгаться и скакать. Перехватив посох левой рукой, подошла к людоеду и сухим «врачебным» голосом приказала сесть на пол. Вспомнила уроки Оберона – и заодно школьные схемы, показывающие устройство кожи. Уйма удивленно следил за моими руками.

Края его раны сошлись, оставив багровый шрам. Со шрамом я, как ни билась, ничего не могла поделать. Людоеду, впрочем, на косметические тонкости наплевать: шрамом больше, шрамом меньше...

– Хорошо, – с удивлением сказал мой пациент, ощупывая рубец. – Спасибо.

Сзади подошел Максимилиан. Он был мокрый и тяжело дышал. Смотрел на меня каким-то новым, уважительным взглядом. Мы с Уймой спасли его от ужасной участи, напомнила я себе. И улыбнулась некроманту во весь рот.

Тот ответил осторожной улыбкой.

Глава 14

Принц-деспот

Теперь главой экспедиции была я. Мы пробирались вперед, полагаясь только на мой посох. Опасность справа! – обойдем. Опасность слева! – обойдем. Опасность прямо! – отступим.

Замок деспота не походил на другие замки ни снаружи, ни изнутри. Все здесь пришло в упадок, все было замусорено и заброшено, но истинный вид этих коридоров и комнат проявлялся то там, то здесь. Похоже, сумасшедший архитектор строил одновременно жилище и могилу и никак не мог решить, что же ему все-таки нужно – дворец или камера пыток.

Любое помещение делилось на две части – в одной высокий потолок, в другой очень низкий. В одной сохранились мозаики, роспись, барельефы и каменные цветы. В другой на покрытых копотью стенах имелись вмурованные кольца, а на полу – высеченные в камне канавки. Все это было завалено кучами хлама, горами ржавого железа, пыльными пустыми котлами и гнилыми бочками (мы пробирались, похоже, по свалке-кладовой), но странность этого места все равно бросалась в глаза.

– Проще простого, – вполголоса рассуждал Уйма. – Я, допустим, великий воитель, поймал врага, и что мне с ним делать? В подземелье? Нет, пусть живет рядышком и мучается. И при этом пусть смотрит, как мне хорошо. А я буду смотреть, как ему плохо. Вот это я понимаю – мудрость.

- А если ты - тот самый враг, которого поймал великий воитель?

Уйма снисходительно усмехнулся:

- Такие враги, как я, не попадаются, девочка... Эй, а где некромант?

Я огляделась. Максимилиан только что был здесь, шел за мной, не отставая ни на шаг, ныл, разминая опухшие руки, сопел, спотыкался и стучал зубами от страха. А теперь его след простыл. Мы с Уймой стояли у подножия винтовой лестницы, на перекрестке нескольких коридоров. Пустые коричневые тоннели вели в темноту.

- Упустили, - сказал Уйма. - Жди теперь беды.

Я поводила посохом, как антенной. В одном из коридоров таяла, растворяясь, слабая опасность.

Секунда - и нет ее.

- Может, к лучшему? - спросила я с надеждой.

Уйма вперил в меня желтые круглые гляделки. Почесал щетину на подбородке:

- И как ты жива до сих пор, такая доверчивая?

Я насупилась. В голосе людоеда слышалась искренняя печаль.

* * *

Предутренний час - самое время для разбойного нападения.

Военный совет, который мы с Уймой держали неподалеку от покоев Принца-деспота (из норы, где мы затаились, видно было, как сменяется у входа стража), прошел очень быстро и закончился моим полным поражением.

- Значит, постучать? - вопрошал людоед своим страшным свистящим шепотом. - Здравсьте, извините, мы послы из-за Печати?

- Но мы в самом деле...

- Силу он уважает! Силу, и только. Если бы у нас было войско, чтобы штурмовать этот замок, взять его, разграбить и спалить...

- Но у нас ведь нету войска.

- Пошли, - Уйма расправил плечи. - Иди за мной, королевский маг. Если нам погибнуть - мое обещание Гарольду сломается. Придется целую вечность гонять языком соль по желобам.

- Там уже нет никакой соли!

- Это шутка, - Уйма печально вздохнул. - Готовь свой посох, королевский маг. Пойдем к принцу свататься.

* * *

- Доброе утро, Принц-деспот!

Опочивальня принца была обставлена по-солдатски просто – койка, умывальник, табуретка, низкий стол. Стражники лежали за дверями, оглушенные. В руках Уймы пыхтел начальник стражи: людоед приставил к горлу начальника его же собственный длинный нож.

На кровати, в ворохе серых простыней, кто-то шевельнулся. Сел. Посох задрожал в моих руках: я впервые лицом к лицу встретилась с Принцем-деспотом.

Он был еще совсем не старый. Черноволосый. Чисто выбритый. Скуластый. На лице его лежал фигурный загар – кожа вокруг глаз, вокруг губ и на подбородке темнела бронзой. Лоб и щеки оставались незагорелыми, бело-розовыми со сна. Что это с ним?

И только минуту спустя я поняла: это же тень от шлема! Принц-деспот загорал в походах и боях...

Начальник стражи захрипел в объятиях Уймы.

- Ваше высочество, – людоед и не думал отпускать пленника. – Примите посольство.

- Посольство? – хоть в спальню принца и вломились ни свет ни заря вооруженные враги, голос деспота не выдавал ни страха, ни удивления. – В такой час?

Я выступила вперед:

- Приношу извинения вашему высочеству за причиненные неудобства...

Уйма раздраженно зыркнул в мою сторону. Он велел мне не говорить «извините» ни при каких обстоятельствах. Я поперхнулась:

- То есть дело вот в чем. Мы послы могучего короля Оберона из-за Печати. Король Оберон просит... то есть требует... то есть он выдает замуж прекрасных принцесс. Пять штук. Вам предлагается стать мужем одной из них по вашему выбору.

Пленный начальник стражи так удивился, что сделал слабую попытку высвободиться из рук людоеда. Уйма сильнее сжал его. Начальник стражи затих.

- Как вы вошли сюда? – спросил Принц-деспот после длинной паузы.

- Силой, - коротко ответил Уйма.

- Еще никто не пробирался в мои покои ни силой, ни хитростью. Вы маги?

- Я маг, - я задрала подбородок, чтобы казаться выше. - Лена Лапина, маг дороги, к вашим услугам.

Уйма глухо зарычал. К каким таким «услугам»?! Я прикусила язык.

- Маг из-за Печати, - Принц-деспот прищурился. - Редкая удача.

И тут в меня как полетит нож!

Уж не знаю, где он хранил свой арсенал. Может, у него там были ножны под ночной рубашкой. Или тайные карманы в перине. Во всяком случае, он выдернул руку из-под одеяла и в меня здоровенным ножищем - как метнет!

Я успела выставить перед собой руку. Пронеслось в памяти: кабинет Оберона... Песок на полу... И король бросает в меня ножом, вот точно так же, и нож раскалывается на две половинки...

Крак-звук. Нож завис перед моим лицом, помедлил и упал, расколотый вдоль лезвия. Две половинки упали к моим ногам: одна воткнулась в щель, другая грохнулась на гладкие камни.

Несколько секунд никто ничего не говорил. Даже Уйма. Даже пленный начальник стражи. Принц-деспот внимательно на меня смотрел: на его двуцветном лице по-прежнему не было ни удивления, ни беспокойства.

Я подняла посох. Направила на принца, сидевшего в кровати. Клянусь, у меня в мыслях не было на него нападать, но руки решили за меня. Страх перед летящим ножом искал себе выход - и нашел. Маленький горячий комок скользнул из живота в грудь прежде, чем я успела остановить его. Через левую руку - огнем; хорошо еще, что я догадалась опустить наверх.

Ударило зеленое пламя. Вспыхнул край простыни, свисавшей до пола. Завоняло дымом. Да почему же я все всегда поджигаю?!

Мы с Принцем-деспотом смотрели друг на друга. Огонь взобрался на кровать непринужденно, будто кошка.

- Я надеюсь, эти принцессы красивы? - медленно спросил Принц-деспот.

- Они прекрасны. Они получили образование, умеют петь... и танцевать! Они великолепно танцуют!

Волоча за собой начальника стражи, Уйма подскочил к умывальнику и с грохотом обрушил его на постель. Чугунный бак опрокинулся, освободившаяся вода на мгновение замерла в воздухе дырчатой хрустальной кляксой. Огонь зашипел, захлебываясь паром.

- Заманчивое предложение, - сказал мне Принц-деспот и повернул лицо к Уйме: - Отпустите этого дурака. Неужели вы думаете, что его жизнь для меня что-нибудь значит?

* * *

В честь замечательных послов короля Оберона был дан обед. Меня усадили напротив Принца-

деспота, а Уйма оказался на другом конце стола. Время от времени мы с ним переглядывались.

Перед началом трапезы мне вежливо предложили поставить посох куда-нибудь в угол, чтобы он не мешал мне «предаваться радостям застолья». Я в ответ заявила, что у нас, в Королевстве славного Оберона, маги предаются радостям застолья только с посохом в руках.

Никаких радостей за этим столом не наблюдалось. Ни музыки, ни развлечений. Даже ни одной женщины не пригласили на обед. За столом сидели хмурые, покрытые шрамами военачальники и бледный лысоватый человечек, который так резко выделялся в этой компании, что не обратить на него внимание было невозможно. Узкоплечий и щупленький, он вряд ли хоть раз надевал доспехи. Принц-деспот представил его как лекаря, посадил рядом с собой и время от времени о чем-то с ним шептался.

Лекарей они должны ценить, думала я, пытаюсь разжевать кусок мяса. При их-то опасной жизни. Придворный айболит с виду не очень симпатичный, но, может быть, он искусный целитель?

На столе было мясо и больше ничего. Жареное, копченое, вареное, но все жесткое и жилистое, словно и дичь в окрестностях замка была суровой, покрытой шрамами и занималась только войной, войной и войной. Ни овощей, ни творожка, ни даже рыбы. Воины свирепо вгрызались в кости, дочиста обглоданное кидали под стол. У меня скоро заболели челюсти.

И что самое неприятное, нечего было пить. На всем столе – ни кувшинчика. Я с нетерпением ждала, когда обед окончится и можно будет где-нибудь добыть водички.

Посох, стоящий между коленями, очень мешал, но я старалась не выпускать его ни на секунду.

- Итак, - Принц-деспот наконец нарушил полную чавканья тишину, - вы проделали долгий путь, пришельцы из-за Печати. Неужели только ради того, чтобы подарить мне счастье женитьбы на принцессе?

- Да; - сказала я, облизывая неприятно-жирные губы. - То есть... на самом деле нам надо выдать замуж пять принцесс. Мы рассчитываем на вашу помощь.

Уйма странно на меня посмотрел. Опять я что-то не то сказала? Но надо же как-то делать дело, нельзя все время оглядываться на людоеда, я ведь отвечаю за успех экспедиции, а не он!

- Какого рода помощь? - заинтересовался Принц-деспот. Его фигурно-загорелое лицо сбивало меня с толку: мне все время казалось, что он в маске.

- Нам нужно отыскать еще четверых настоящих принцев. Возможно, - я запнулась, - вы знаете, где их искать? Например, кто-нибудь из ваших родственников...

Я замолчала в надежде, что вот сейчас он улыбнется и скажет: «Как же! А Принц-пленник, мой брат, сейчас я его позову!» Но Принц-деспот молчал, чуть сморщив белый лоб. Круги загара вокруг его глаз казались темными очками.

- Я слышала о Принце-саламандре, - сказала я нерешительно.

- Так-так, - Принц-деспот кивнул. - Но саламандра живет далеко отсюда, и вряд ли он согласится идти за Печать. Ведь невесты, как я понимаю, ждут женихов за Печатью?

- Да, - я немного растерялась. - Но... понимаете, нам обязательно нужно найти пятерых.

Только тогда мы сможем вернуться. Все вместе.

- Как интересно, - Принц-деспот откинулся на спинку кресла. - Все вместе, радостной веселой толпой... А скажите, пожалуйста, если я соглашусь жениться сразу на пяти принцессах - король Оберон согласится?

- Нет, - сказала я быстро. - По условиям Обеща... то есть по законам нашего мира каждая принцесса должна получить отдельного мужа.

В прищуренных глазах Принца-деспота появилось сожаление. Я поймала себя на том, что огорчена не меньше: отдать бы сестер-хранительниц деспоту, всех одним махом! И им наука, и нам гора с плеч.

- Что же, - Принц-деспот выпрямился, и все за столом шумно задвигались, заскрипели стульями и зазвенели посудой. - Спасибо, я узнал все, что хотел. Эй! Пить!

Двери распахнулись, как будто слуги, стоявшие снаружи, только и ждали этого сигнала. Внесли кувшины на блюдах: первый поставили перед Принцем-деспотом, и он сейчас же его опрокинул прямо себе в глотку. Второй достался мне.

Я задрожала. Внутри у меня все лопалось и трескалось от жирной и острой еды, во рту царила поросшая кактусами пустыня. Я схватила кувшин - он был прохладный, чуть запотевший. Вино? Я так хочу пить, что напилась бы даже керосина.

Из горлышка слабо тянуло фруктами. Если это и было вино, то совсем слабенькое. Почти компот. Я закрыла глаза, обняла кувшин обеими ладонями, поднесла горлышко ко рту...

И в этот момент посох, который я придерживала коленями и локтем, сильно дернулся.

Я обмерла. Опасность?

Не опуская кувшина, я повела глазами туда-сюда. Все пили. По загорелому подбородку Принца-деспота текли струйки. В глотках у воинов хлюпало, как в водопроводных трубах. Только Уйма не торопился пить - смотрел на меня через весь стол круглыми желтыми глазищами.

Я осторожно поставила кувшин на стол. Коснулась посоха. По ладони побежали мурашки, вверх, к локтю и потом к плечу. Опасность. Питье отравлено.

Бледный лекарь, сидевший рядом с Принцем-деспотом, кинул на меня взгляд - один-единственный, как бы невзначай. И снова опрокинул свой кувшин, захлебал так громко и вкусно, что у меня губы потрескались.

Как же так?

Принц-деспот не поверил мне. Принц-деспот только для виду согласился, а на самом деле задумал свою игру. Теперь, когда я отказалась травиться, что он сделает?

- Что же вы не пьете? - спросил бледный лекарь.

- Не хочется, - ответила я, едва ворочая распухшим сухим языком. - Мне надо выйти.

- Вас проводят в покои, - сказал Принц-деспот. Показалось мне или нет, но в его глазах промелькнул интерес. - Отдыхайте спокойно.

- Пора отсюда выбираться, - сказал Уйма. В комнате, где нас поселили, имелось окно. И это очень кстати - я уже соскучилась по солнечному свету. Окно, правда, скорее походило на щель в стене, и через него невозможно было разглядеть ничего, кроме кусочка голубого неба, но мне и этого на первых порах хватило.

- Уйма. Я хочу пить - умираю.

Несколько секунд людоед внимательно меня разглядывал.

- Ключ не потеряла? - спросил он наконец.

Я отрицательно мотнула головой.

- Ну молодец, - Уйма встал. - Пойду добуду водички. И тебе, и мне.

Он вышел, и я слышала, как он переговаривается со стражником в коридоре.

Я обошла комнату. У одной стены, отделанной белым ракушечником, помещалась низкая кровать с горой тюфяков, почти как у принцессы на горошине. У противоположной стены, серой и сырой, стояло железное кресло. На подлокотниках и передних ножках ржавели тиски с огромными рыжими болтами.

Хорошенькое место.

Я села на угол кровати и почувствовала себя такой беспомощной, будто мне пять лет. Будто я заблудилась в лесу. Прав был Оберон. Он всегда прав. И я всегда дура, когда не слушаюсь его. Выбраться из этого страшного замка, кинуться назад по дороге, уставленной виселицами, подняться по лестнице в пещеру, пройти через Печать, зареветь в три ручья и признаться Оберону, что ничего не вышло и все зря. Мне так плохо, так хочется пить... Повиниться и отдать Оберону посох. И вернуться в свой мир - теперь уже навсегда.

Посох стоял в углу. Я вдруг вспомнила, как мы с Максимилианом мылись, брызгались и хулиганили. Я вскочила, схватила посох, попыталась вспомнить, как это у меня получалось - фонтан чистой теплой воды...

Посох тихо урчал, как пустая водопроводная труба. По навершию сползли две прозрачные капельки. Я слизнула их шершавым языком, но легче от этого не стало - наоборот.

Я поставила посох на место. Стянув сапоги, легла на кровать. Закрывать бы глаза - и проснуться дома. И пусть мама будит в школу...

Без скрипа приоткрылась дверь. Вошел Уйма.

У него было счастливое лицо заговорщика, а в руках – глиняный кувшин:

- На кухне добыл. Пей.

Я кинулась к людоеду, готовая расцеловать его колючие щеки. Схватила кувшин и опрокинула в себя, не задумываясь.

Это была вода. Просто вода, прохладная и вкусная. Я пила, обливаясь, постанывая, у меня даже слезы от счастья выступили. Вот до чего доводит человека жажда!

- Спасибо, Уй...

Ноги вдруг подкосились. Уйма подхватил меня прежде, чем я шлепнулась на пол, но не удержал кувшин. Загрохотала, разлетаясь, посудина, покатались черепки.

Руки мои повисли как плети. Ноги волочились по полу, когда Уйма споро тянул меня к кровати. Уложил на спину и отошел. Я не могла повернуть голову. Скосила глаза и увидела, как людоед приоткрывает дверь, впуская в комнату Принца-деспота и лысоватого айболита-отравителя.

Я зажмурилась. Это было все, что я могла в тот момент сделать.

- Где ключ? – отрывисто спросил Принц-деспот.

Уйма снова подошел ко мне. Я почувствовала его руки в карманах куртки. Ни двинуться, ни закричать.

- Вот он, пропуск за Печать, – сказал Принц-деспот, и его голос дрогнул.

Кто-то приблизился к кровати. Не Уйма. Я слышала тяжелое дыхание.

- Вы обещали мне мага, – голос бледного лекаря раздался прямо над моим лицом, на щеку упала капелька противной чужой слюны. – Она много может и еще больше знает.

- Ничего особенного она не может, – пренебрежительно сказал Уйма.

- Посмотрим, – лекарь усмехнулся.

- Стража! – гаркнул Принц-деспот.

Застучали тяжелые шаги.

- Взять *вот это* и отнести в подземелье господина лекаря. Запереть!

Чужие грубые руки подняли меня за руки, за ноги и потащили, как мешок.

Чуть приоткрыв глаза, я успела увидеть Уйму. Людоед улыбался.

* * *

Все оказалось даже хуже, чем я могла себе представить. Никогда-никогда на свете мне не увидеть больше ни Оберона, ни маму. Ключ от Печати у Принца-деспота. Я сижу в клетке, подвешенной на цепи к потолку, вокруг темнота и замшелые камни, нет ни посоха, ни надежды, только страх: когда придет этот бледный лекарь? Чего он от меня хочет?

Меня втолкнули в клетку, как куклу, прислонили к решетке, чтобы я не падала. И я сидела, как кукла, пока по рукам и ногам не побежали огненные мурашки. Согнулись пальцы, потеплели губы, я смогла сперва подтянуть к себе ноги, а потом встать на колени и оглядеться.

Высокий темный зал без окон и без свечей. Если бы не ночное зрение – я бы даже рук своих не увидела. А ведь ни Принц-деспот, ни его лекарь не знают, что я могу видеть в темноте.

Я присмотрелась. Зал был пуст, только в дальнем углу...

Человек был одет в черное, потому разглядеть его было нелегко. Он сидел на полу, разведя руки в стороны. Руки висели на цепях, огромные, какие-то ненастоящие, будто вылепленные, из глины. Слишком большие руки для такого шуплого человека.

Мне показалось, что он умер, и давно. Голова его и лицо были прикрыты обрывком ткани.

- Эй! – прошептала я, пугаясь собственного голоса. Эхо запрыгало между полом и потолком. Человек медленно поднял голову.

- Максими... – я поперхнулась.

- Тебя тоже поймали, – сказал он без удивления. – Я так и знал. А где волосатый?

- Он предатель.

- Я так и знал, – печально повторил мальчишка. – И меня взяли. Я зазевался. А где ключ?

- У Принца-деспота.

- Я так и... дура ты, дура! – вдруг закричал он с обидой. – Какая же ты... все из-за тебя!

Я не стала ему отвечать. Уселась на пол клетки, спиной к Максимилиану. Мне вдруг сделалось все равно.

- Теперь Принц-деспот пойдет за Печать со своим войском! Знаешь, что сделает он с твоими приятелями? С этим твоим королем? Он их на прутик нанижет!

- Оберон его превратит в жабу, – сообщила я, не оборачиваясь. – Прежде чем он скажет «Ах».

- Да? Он захватит замок, убьет мужчин, женщин и детей возьмет в плен. А кто будет сопротивляться...

- Оберон его намажет на бутерброд и скормит собакам. Или нет: он превратит его в краснозадую обезьяну и подвесит за ноги на рыночной площади, чтобы все люди...

- Да? А Принц-деспот его...

- Фига! Оберон его сильнее в сто тысяч раз!

- Да? А почему твой Оберон сам сюда не пришел, за принцами для своих принцесс? Почему?

От злости и бессилия мне захотелось кататься по полу клетки, грызть стальные прутья и выть, как гиена в пустыне. Я вскочила во весь рост (голова моя уперлась в переплетение прутьев), тряхнула решетку и вдруг поняла, что клетка, подвешенная на цепи, еле заметно качается.

Р-раз!

Держась за прутья, я присела и резко выпрямила ноги. Клетка качнулась сильнее. Р-раз! Раскачать ее было труднее, чем самые тяжелые качели, я весила мало, я болталась от стенки к стенке, как горошина в свинцовом ящичке. Ну еще! Ну еще! Р-раз!

- Что ты делаешь! - испуганно крикнул Максимилиан.

Мне было все равно. Начав раскачиваться, клетка словно вошла во вкус - дуга, которую она описывала в падении, становилась все шире. Я раскачивалась всем телом и всей волей; цепь скрежетала, я ждала, что с минуты на минуту в зал ворвутся стражники, потревоженные ужасным звуком. Максимилиан у стены то приближался, то удалялся. Р-раз! Еще раз!

Клетка ударилась о потолок. Я не удержалась и упала. Клетка завертелась, желая вытряхнуть меня сквозь прутья, сорвалась с цепи и грохнулась об пол. Я закричала.

Эхо долго не могло успокоиться. Грохот, звон, крик и снова грохот повторялись, будто записанные на магнитофон, все тише и тише, пока наконец не смолкли где-то в невидимом колодце.

Прошла минута. Другая. Я приподнялась на руках. На лбу горела и кровоточила шишка, пульсирующей болью дергало колено, но в остальном я легко отделалась. Пол был здесь, подо мной, за прутьями опрокинувшейся клетки.

- Чего ты орала? - тихо спросил Максимилиан.

- От радости, - огрызнулась я. Проверила дверцу (у меня мелькнула шальная надежда - вдруг от удара замок отскочил?). Замок оказался крепче, нежели цепь, - сидел прочно и не думал отваливаться.

- Катись сюда, - сказал Максимилиан.

- Обычно говорят - «катись отсюда»...

- Нет. Ты клетку, как белка, кати сюда. Как в колесе. Ко мне. Понимаешь?

- Зачем? Чтобы тебя придавить?

- Чтобы разбить мне руки, - сказал он серьезно. - Видишь, что они сделали?

Я только сейчас поняла, почему руки у Максимилиана такие огромные и уродливые. Это были не руки! Это были глиняные болванки, «варежки», колодки, не позволявшие некроманту шевелить пальцами!

Согнувшись и переступая по прутьям, как белка в колесе, я качнула клетку по направлению к Максимилиану. Клетка с грохотом перекатилась. Я ударилась коленками и чуть не кувыркнулась через голову.

- Быстрее ногами перебирай.

- Помолчал бы ты, а?

Я попробовала еще раз. Клетка загрохотала по каменному полу. Управлять ею было почти невозможно - в какой-то момент я была уверена, что раздавлю некроманта в лепешку.

- Поворачивай!

Клетка грохнулась о стену. Максимилиан тихо вякнул. Глиняная болванка на его левой руке треснула и осыпалась комьями.

Отступив назад, я заставила клетку откатиться. Максимилиан выдернул тонкое запястье из железного кольца, затряс рукой, шипя и подвывая:

- Ты мне чуть кости не переломала!

- А как я могла иначе?

- Ну погоди...

С видимым усилием он щелкнул пальцами. Глина на его правой руке взорвалась, обломки застучали по прутьям клетки. Секунда - и обе руки Максимилиана были на свободе. Косясь на дверь за моей спиной, он принялся растирать ладони и массировать запястья.

- Ты можешь меня выпустить? - спросила я дрожащим шепотом. Он покосился, но ничего не сказал.

- Скорее, Макс! Мы тут шумели - они могут прийти в любую минуту!

- Пусть приходят, - Максимилиан недобро ухмыльнулся. - Теперь я с ними посчитаюсь за все... Где мои деньги? Где мои семечки правды?

- У людоеда, - я опустила плечи. - Макс, освободи меня.

- Сейчас.

Он склонился над железной скобой, приковывавшей его к стене, и зашевелил пальцами, словно разминая кусочки пластилина. Скоба отскочила.

Максимилиан с трудом поднялся - видно, ноги у него тоже здорово затекли.

- Ты знаешь, как отсюда выйти? - спросила я жадно.

- Сейчас, - невпопад ответил мальчишка. Повел плечами. Плотнее запахнул свою черную куртку. Пошатываясь, в обход клетки двинулся к двери.

- Макс! Выпусти меня скорее!

Он обернулся:

- А надо?

Я задыхнулась от такого коварства. Я его спасала! Я его уже дважды спасла!

- Ты что, скотина? - спросила я беспомощно. - Негодяй последний, да?

- Я некромант. Где ты слышала, чтобы некроманты были хорошие?

Он прижался к двери, будто собираясь слиться с ней, и на моих глазах просочился, как ленточка дыма, в какую-то щель.

Когда тебя предают - ужасно. Но нарваться на предательство два раза подряд - это просто свинство, невыносимое свинство!

Я сидела в опрокинутой клетке посреди темного зала, оковы, в которых прежде томился некромант, живописно валялись под стенкой вперемешку с комьями высохшей глины. Всякому, кто переступит порог, сразу же станет ясно: эта дура помогла мальчишке бежать, а он в награду оставил ее палачам на растерзание.

Наверное, я бы пала духом. Зарыдала, заплакала, потеряла сознание и осталась валяться в клетке до прихода стражи. И я бы погибла, конечно, если бы поступок Максимилиана не разозлил меня до белого каления. Ладно Уйма, в нем я с самого начала сомневалась, но мальчишка-то мне дважды обязан жизнью!

Замок на клетке был огромный, новенький, жирный от смазки. Провозившись с ним минут десять, я ничего не добилась, зато выпачкала руки чуть ли не до локтей. А ведь Максимилиану стоило только щелкнуть пальцем!

Будь у меня посох, я бы знала, что делать. Но посох достался врагу; о ключе от Печати я вообще старалась не думать. Дайте мне только выбраться из клетки - и мир переменится, все образуется, все станет на свои места!

Клетка тяжело качнулась. Ее стальные прутья могли бы, наверное, выдержать падение телеграфного столба. Дверные петли толщиной с мою руку не оставляли надежды. Но как-то ведь надо выбираться! Хоть ужом, хоть ленточкой, как Максимилиан... Жаль, что Оберон не научил меня ни в кого превращаться!

Я снова раскачала клетку и покатила ее на стену. Бабах! Искры от камня, искры из моих глаз. Вместо одной шишки на лбу сделалось сразу три, от боли на глаза навернулись слезы, а клетке хоть бы что!

Я не стала плакать. Я принялась ощупывать отдельно каждый прут. Этот держится намертво, и этот, и этот...

И вдруг железная палка под моими руками подалась!

От удара ли о стену, или от ржавчины, или еще от чего-то, но один прут в клетке был чуть изогнут и вращался вокруг своей оси. Если бы повернуть его еще чуть-чуть, между прутьями появится щель...

Я легла на спину и уперлась в сломанный прут ногами. Железо противно взвизгнуло, но я даже бровью не повела. Если стражники не услышали удара клетки о стенку - значит, либо они

глухие, либо стоят за дверью и хохочут, глядя на мои упражнения. И стоит мне выбраться из клетки – тут-то дверь и распахнется...

В ряду железных прутьев случился легкий разлад. Похоже было, будто один из них чуть отклонился к соседу – пошептаться. И оставил свободной щель, в которую более-менее взрослый человек не сумел бы просунуть и руку. А я, от горшка два вершка, должна протиснуться, иначе мне конец.

Я снова вспомнила Уйму: «Лишь бы пролезла голова». Говорят, крысы умеют просачиваться в дыры размером с дверной глазок. У них как-то там череп сжимается. Жаль, что я не крыса.

Обдирая уши, поворачиваясь то так, то эдак, я сумела протолкнуть между прутьями голову. Клетка опасно качнулась. Сопя и пыхтя, я высвободила руки. Оперлась о пол – не хватало еще, чтобы клетка опять покатила и задавила меня! Выдохнула весь воздух; мясо, которым угощал меня принц-деспот, и вода, которой угощал меня Уйма, неприятно заволновались в животе. Чтобы принцу лопнуть со своим гостеприимством! Еще чуть-чуть...

Некоторое время я лежала на холодном полу, переводя дыхание и стараясь унять дрожь. Потом сообразила, что мне срочно надо в туалет. Вскочила, быстро осмотрела зал, но не нашла ничего лучшего, кроме как пристроиться со своей надобностью в дальнем углу за кучей мусора.

После этого мне стало легче. Я прошлась по залу, унимая дрожь. Вокруг по-прежнему было тихо. Я прокралась к двери, прижалась к ней ухом...

Они шли сюда! Совершенно точно: я услышала далекий топот, голоса, металлический звон, и звуки эти приближались с каждой секундой!

От ужаса мне опять захотелось в туалет. Я выбралась из клетки, что с того? Куда я отсюда денусь, улечу? Шаги приближались, ой, мамочки...

Я подпрыгнула. Зависла на долю секунды, тяжело опустилась на пол. Закусила губу, подпрыгнула еще раз. Взмахнула руками, как птица. Воздух казался комковатым, словно старый ватный матрац. Выше, еще выше, вот и потолок. Одна надежда: они не видят в темноте. Они принесут с собой факелы, но я так извожилась в грязи, что сойду за причудливый известковый натек...

Загремели ключи с той стороны. Завизжал отодвигаемый засов. Я увидела полоску света под дверью. Конечно, они сразу посмотрят вверх – ведь клетка-то висела, и довольно высоко!

Я уже готова была шлепнуться с высоты на головы тюремщикам, как вдруг увидела дыру в потолке. Вроде как открытый канализационный люк, только перевернутый вверх дном. Дернувшись, как утопающий пловец, я подлетела ближе, ухватилась за край, чуть подтянулась – и одновременно со скрипом открывающейся двери влезла внутрь.

Здесь можно было опереться о стенки спиной и ногами. Замереть, как таракан в щели, и перевести дух.

Внизу метался свет факелов, гремело железо и орали три голоса. Один ругался на чем свет стоит, два других вопили в панике какие-то оправдания. «Колдуны! – доносилось до меня. – Ой, матушки-светы, да колдуны же, в воздухе растаяли!» Эхо повторяло их слова, так что шум стоял, как на дискотеке.

Я пошевелилась. Вниз посыпался мусор. Я замерла.

Они ничего не заметили. Обошли зал, осветили все факелами, нашли то место, где я, не удержавшись, устроила туалет. Взорвались такими воплями, что я бы уши заткнула – будь у меня свободными руки.

Наконец они ушли.

Я повисела еще немного, для уверенности. Посмотрела вверх: колодец, все такой же ровный и кругленький, уходил куда-то очень высоко. Что там? Куда меня выведет эта дорога?

И медленно, осторожно, то пытаюсь лететь, то упираясь в стенки, я двинулась вверх по каменной кишке.

А если там, наверху, люк прихлопнут крышкой?

* * *

Крышки не было. Была решетка, такая редкая, что я пробралась через нее почти без труда. Выбравшись, легла на пол и не встала бы, даже если бы сам Принц-деспот решил прогуляться поблизости.

Кто бы протянул надо мной руку, кто бы сказал «Оживи», передавая мне часть своей силы! Нет никого. Вообще никого. Кругом темнота, железо, враги и предатели. И где-то совсем рядом – Соляная Бездна.

«Врагу не сдастся наш гордый „Варяг“...»

Я встала и побрела по коридору, сама не зная, куда иду, и ничуть не заботясь об осторожности.

Вот я выбралась из клетки. Выбралась из темницы. Ну и что? Из замка мне не выйти ни за какие коврижки. А что я буду есть? Что я буду пить? Уж лучше сразу пойти и сдаться.

Вот так примерно раздумывая, я шла в полной темноте, пока коридор вдруг не свернул и я не увидела нишу в стене. В нише стояла не то кровать, не то скамейка, и на ней кто-то лежал.

Я сперва хотела пройти мимо, но потом все-таки не выдержала и посмотрела.

Он лежал на спине, уставившись прямо перед собой голубыми глазами. Руки его были сложены на груди. Между пальцами торчала грубая деревянная рукоятка.

- Мастер-Генерал, - прошептала я.

На этот раз он был не в белой рубахе и не в пурпурной. Золотые парчовые рукава выбивались из-под черного кожаного жилета. Этот Мастер-Генерал выглядел побогаче прежних двух и поухоженнее, у него даже волосы были кое-где заплетены в косички.

Но тоже мертвый. И тоже с дырой в груди. Может быть, он тоже умеет оживать?

- Мастер-Генерал, - сказала я шепотом. - Очнитесь. Мне одной так плохо...

Он не ответил. И какого ответа ждать от остывшего трупа?

* * *

Дальше я шла, как слепая. Вообще не помню, куда шла. Сменяли друг друга лестницы, и переходы, и коридоры. Видно, я забралась в какую-то совсем запретную часть замка – здесь не было ни души, никого: ни стражи, ни пленников. Ветер гулял по коридорам. Здесь даже пыли не было.

Потом я нашла винтовую лестницу и стала по ней взбираться. Подумала: может быть, в конце концов я найду хотя бы окно? Хотя бы бойницу или щель, чтобы можно было броситься вниз? Повезет – взлететь, а не повезет – так и разбиться?

Лестница вывела меня в огромный зал, полный шорохов и еле слышного поскрипывания. Я задержала дыхание: по гладкому каменному полу тысячами сновали черные жуки отвратительного вида. Шелест их лап и надкрыльев отражался от стен и потолка. Я испугалась, что меня стошнит, и быстренько направилась обратно.

– Кто здесь?

Я подпрыгнула.

Высоко под потолком висела, оказывается, еще одна клетка. Побольше моей и не круглая, а квадратная. В клетке сидел, держась за прутья, длинноволосый бородатый человек. Он нащупывал что-то рядом с собой в клетке и одновременно вглядывался в темноту чуть правее меня.

Узник! Мой собрат по несчастью!

– Кто здесь? – повторил он быстрым шепотом. – Ответь! Я знаю, что ты здесь!

Ему наконец-то удалось отыскать огниво. Руки у него тряслись, и он не сразу высек искру. Наконец из-под его пальцев брызнул огонек; щурясь, как от яркого солнца, узник зажег свечу и поднял над головой.

Я стояла неподвижно, давая себя разглядеть.

– Мальчик! – свечка дрогнула в его руке. – Ты как? Откуда здесь?

– Я девочка.

Он долго молчал.

– Я сбежала из клетки. Почти такой же, как ваша.

– Сбе... сбежала?

– Да, – я выпрямила спину. – Я вижу в темноте и умею летать. Я маг дороги из Королевства Оберона.

– Я не слышал о таком.

– Еще бы. Ведь это за Печатью.

Я перевела дыхание. Выложить все тайны за полминуты, да еще когда тебя не спрашивают – это надо уметь. Это подвиг разведчика.

– Удивительно, – пробормотал узник и опустил руку со свечой. – Чудеса... Расскажи мне. Я

столько лет ни с кем не разговаривал...

Мне показалось, что я тоже не разговаривала ни с кем как минимум десять лет. Я готова была подойти поближе, но не идти же прямо по спящим черным жукам!

- Это смужелицы, - сказал узник, как будто эта новость должна была меня успокоить. - Ничего!

Сжав зубы и ступая на носочках, я приблизилась и задрала голову. Человек из клетки смотрел на меня сверху вниз, подсвечивая себе тоненьким язычком пламени. Он сильно щурился.

- Ты не могла бы дотянуться вон до того колеса и опустить клетку пониже?

Я проследила за его рукой. Действительно, в углу имелся механизм с колесом и рычагами, от него вела цепь к кольцу на потолке. На другом конце цепи висела клетка.

- Попробую, - сказала я, совершенно уверенная в том, что с моими весом и силой эту хитрую механику не одолеть.

Я ошиблась. Рычаг поддался, колесо повернулось, и клетка поднялась еще на полметра вверх.

- Не туда! В другую сторону!

Я снова качнула рычаг. Клетка чуть опустилась. Я дернула что есть силы, колесо завертелось, шестерни застучали, клетка рухнула вниз.

- Не так низко! Не до земли!

Я повисла на рычаге. Клетка дернулась и встала, раскачиваясь, в нескольких сантиметрах от пола.

- Спасибо, - сказал человек.

Теперь я могла разглядеть его получше. Он был бледный, тощий и давно не стриженный, но молодой и, наверное, красивый, если его побрить. Борода казалась светлой по сравнению с черными прямыми волосами. А глаза он так щурил, что невозможно было разглядеть их цвет.

- Ниже клетку опускать нельзя, - сказал он, будто извиняясь. - Тогда смужелицы полезут ко мне в постель. Подойди поближе.

Я подошла. Теперь нас разделяли только несколько шагов и решетка.

- Вы сидите здесь в темноте?

- А разве ты сидела при свете?

- Да, но меня только сегодня поймали...

Я запнулась. Время сдвинулось, я уже не знала точно, что произошло сегодня, что вчера, а что - неделю назад.

- Я тут уже очень давно, - спокойно сказал человек. - И никто ко мне не приходит.

- Как же? А ваши тюремщики? А кто вас кормит, поит?

- У меня есть вечная краюшка хлеба, если ее съесть, она всегда вырастает опять. И вечно полный кувшин молока. И луковица. И вечная свечка, но она тоненькая и в последнее время очень плохо восстанавливается. Боюсь, как бы мне не остаться совсем в темноте.

- За что?! - спросила я, потрясенная. - За что с вами так обошлись?!

- Ну как же. Ведь я должен был стать законным королем, в то время как власти желал мой брат.

- Вы Принц-пленник!

От моего крика даже невозмутимые черные смужелицы брызнули во все стороны, и на секунду их шуршание смолкло. Что до узника, то он чуть не выронил свечу:

- Что случилось? Что с тобой?

- Я нашла вас! - пустившись в пляс, я то и дело давила неосторожных насекомых. - Вы Принц-пленник! Я ради вас пришла из-за Печати, чтобы вы женились на принцессе из Королевства Оберона!

- Погоди, - сказал он тихо. - Но я ведь... я не могу жениться. Я заперт тут навечно.

- Как навечно? - я перестала танцевать. - Да я немедленно вас освобожу! Надо поднять клетку повыше, а потом грохнуть ее об пол, тогда она развалится и...

- Она не развалится, - принц смотрел на меня серьезными грустными глазами. - Освободить меня может только тот, кто возьмет замок штурмом. А этот замок невозможно взять.

- Нет-нет, - я не желала отступать. - В крайнем случае... Я добуду пилу. Я что-нибудь придумаю. Вы очень нужны. Не только мне, всему нашему Королевству. Я придумаю, как вас освободить.

- Милая девочка, - он отвел глаза. - Придумай сначала, как освободить себя.

Я замолчала.

Кто я такая? Одна, без друзей, без посоха. Ключа у меня нет, я никогда не смогу вернуться за Печать. Заблудившаяся в страшном замке, голодная, обессиленная...

- Хочешь есть? - спросил принц.

- Не хочу... отбирать у вас последнее.

- Это не последнее. Это вечное. На, - он отломил мне кусок черного хлеба. - К сожалению, это все, чем я могу тебе помочь.

* * *

Мы провели с Принцем-пленником несколько длинных часов. Его хлеб и молоко показались мне страшно вкусными - хотя краюшка, если честно, была черствовата, а молоко я с детства не люблю. Он жаловался, что забывает слова, что беседует сам с собой и боится сойти с ума. А я сидела на корточках, соломинкой отгоняла надоедливых смужелиц и с ужасом думала: что же дальше?

Можно, конечно, остаться. И принцу будет веселее, и мне не так страшно. Вечного хлеба и вечного молока нам хватит на двоих. Можно надергать соломы из тюфяка и соорудить мне постель на каменном полу. Смужелицы противные, конечно, но ведь они не кусаются...

Получится, что я сбежала из одной тюрьмы в другую. Принца, по его словам, уже давно никто не проводит, значит, меня не найдут и не поймают. И я останусь здесь навсегда, вроде бы свободная, но в тюрьме.

- Вы знаете выход отсюда?

- Нет, - принц огорченно покачал головой. - Старые ходы замуровали и пробили новые. И у меня в памяти все путается. Я бы не смог выйти.

«И ты не сможешь», - услышала я в его голосе.

Зажмурила глаза.

Вспомнила солнышко, как оно пробивается сквозь ветки и блестит на бегущей воде. Вспомнила Оберона, как он летит по полю верхом на Фиалке, своим крылатом зубастом коне. Вспомнила, как мама ставит на стол именинный торт, смеется, а Петька и Димка сидят рядом и смотрят на свечи умильными глазами...

- Вы бы согласились жениться на принцессе? На прекрасной, умной, красивой, доброй... - мой голос дрогнул. Я кривила душой.

- Ну, конечно, согласился бы, - прервал меня принц. - Только какая разница? Я обречен навечно...

- Ничего вы не обречены.

- Я состарюсь в этой клетке...

- Ничего вы не состаритесь! - я заговорила громче, мой голос запрыгал от стены к стене. - И почему вы сдаетесь, я не понимаю? Я сейчас уйду...

- Ты уйдешь?!

- Уйду, - я вся подобралась, не давая жалости опутать меня и погасить волю. - И вернусь! Я освобожу вас, мы пойдем за Печать...

Принц смотрел на меня грустными глазами, как зверь в зоопарке:

- Тебе не выбраться из замка.

- Выбраться!

- Ты заблудишься и умрешь от голода и жажды.

- Не умру!

- Или тебя схватят, и тогда будет еще хуже.

- Не схва... - голос у меня осип, и колени задрожали. - Пусть лучше схватят, чем вот просто так сидеть! И еще... я должна исполнить королевское Обещание.

- Разве ты его давала? Разве тебе его исполнять?

Стало тихо-тихо, только шуршали смужелицы.

- Спасибо за угощение, - сказала я наконец. - Теперь мне надо идти. До свидания.

* * *

Сначала по стенам прыгали бледные отсветы огня - горела свеча Принца-пленника. Потом он задул свечу, и стало темно.

Я спустилась до самого низа. Оглянулась, пытаюсь припомнить, откуда пришла. Безуспешно: все коридоры казались одинаковыми.

Куда теперь?

Еще можно было вернуться. Без оружия, без ключа, без друзей - на что мне рассчитывать?

Я всхлипнула и зашагала по коридору - наугад. Я шла, и шла, и шла, и нарочно громко топала - если здесь ходит патруль, пусть он меня услышит. А если под замком затаился Максимилиан - еще лучше, мне давно хочется взглянуть в его черные бессовестные глаза. А если...

Мне зажали рот, подхватили и понесли. Задыхаясь и сопя, я начала последнюю битву за свою жизнь – локтями, когтями, зубами и пятками.

Противник был несоизмеримо сильнее. Вот меня скрутили и куда-то волокут, я видела только каменный пол и быстро ступающие сапоги. Очень знакомые сапоги с голенищами, пришитыми к штанам. Уйма!

Я вступила в бой с новой силой. Бесплезно – он мог одной рукой прихлопнуть десяток Лен. Но я все равно выворачивалась, теряя силы, уже зная приблизительно, что меня ждет впереди. Если бы враг – было бы не так обидно! Но предатель...

Уйма замедлил шаг. Остановился. Я чувствовала, как ходят его бока, но не слышала дыхания.

- Зачем ты удрала?

Я попыталась укунить его за ладонь. Проще цапнуть яблоко, висящее на веревке.

- Теперь я знаю, как выйти из замка. И ключ от Печати у меня.

От неожиданности я перестала вырваться.

- Твой посох в надежном месте. Сейчас сменится вечерняя стража – и заберем.

Я неподвижно, как тряпочка, висела в его руках.

- Принц-пленник в замке. В подземелье. Спрятан. Чтобы его освободить, нужно взять замок приступом. Принц-деспот покорится победителю.

Я перевела дыхание.

- Я знаю, как найти Принца-саламандру, – он наконец-то отнял руку от моего лица. Осторожно поставил на ноги. Я пошатнулась и схватилась за стенку.

Уйма еще больше оброс щетиной. Исхудал. Но желтые глазищи горели как ни в чем не бывало.

- Как я могу тебе доверять? – спросила я, пытаюсь выпрямить спину.

- Как себе, – Уйма посмотрел удивленно. – Ты что, не поняла ничего?

- Не поняла, – я отвернулась. Накатило такое облегчение, что я боялась зареветь или грохнуть в обморок.

- Ну так пошли, – он осторожно выглянул за ближайший угол.

- Тут где-то Максимилиан...

- Я знаю, – беспечно отмахнулся людоед. – Я его встретил.

Глава 17

Достоинства Уймы

Человеку легко сказать: «Это было самое счастливое утро в моей жизни». А потом наступает еще одно счастливое утро, и опять хочется так сказать. Но вот, честное слово, сколько я живу – счастливее утра не припомню. Даже в день рождения.

Я проснулась на подстилке из травы и сразу увидела, как солнце пробивается сквозь ветки. И вокруг было светло, птицы чирикали, зеленые стебли пригибались от росы, и крупные капли блестели на моем белом посохе. А чуть дальше, в ложбинке, сидел спиной ко мне Уйма и жарил что-то на вертеле. Пахло дымком и шашлыками.

При виде Уймы мое счастье немножко вздрогнуло. Как дрожжевое тесто, если его потряхнуть. Людоед где-то потерял кольчугу и панцирь – зато теперь на нем была прекрасная кожаная куртка со множеством карманов, шнурков и заклепок. С кого он только снял такую?

По другую сторону костра сидел Максимилиан, бледный и обиженный. Его руки были связаны крепче прежнего. При виде пленного некроманта на душе у меня снова сделалось спокойно.

- Доброе утро, Лена, – сказал Уйма, не оборачиваясь.

Потягиваясь, я подошла к костру. Максимилиан зыркнул на меня черным взглядом и снова потупился.

- Привет, – я улыбнулась немножко натянуто.

- Завтрак готов, – Уйма в последний раз повернул вертел. – Для всех, кроме некромантов и предателей.

- Сам ты предатель, – сказал Максимилиан.

Я уселась рядом с людоедом. Мне было неловко. Я не могла к нему привыкнуть – к новому Уйме.

Мясо было не чета тем жестким тушкам, которыми нас потчевал Принц-деспот. Все-таки людоеды знают толк в кулинарии.

- Уйма... – мне не хотелось говорить при Максимилиане. – Можно тебя на минутку?

Людоед вытер рот волосатой лапищей и поднялся. Мы отошли шагов на сто – отсюда был виден замок вдалеке и широкая накатанная дорога у подножия холма.

- Как ты его поймал? – спросила я шепотом. – Он ведь по-настоящему большой колдун. Я сама видела.

- Колдун, – Уйма кивнул. – Только он мальчишка. Щенок. А я мужчина.

- Но ты не волшебник...

- Лена, – жесткий рот Уймы чуть изогнулся в улыбке. – Я сын вождя и вождь. Я водил наше

племя на Шакалов и на Угробов. Что мне один сопливый некромант?

Мы помолчали. Уйма поглядывал на дорогу, сыто, расслабленно – и в то же время зорко.

– А как тебе удалось выудить ключ у Принца-деспота?

– Я ему не давал ключ.

– Что?!

– Я ему дал будто-бы-ключ. Мой палец. Жритраву, он долго будет возиться на выходе.

– У меня в кармане был отпечаток твоего пальца?!

Уйма вздохнул:

– Ключ надо беречь. Ты его уберегла?

– Ты меня обманул!

– Мы живые? Живые. С ключом? С ключом. Двух принцев нашли. Ищем третьего. Чего еще?

Я посмотрела на Уйму. Он был спокоен, как слон. Как хладнокровный сытый людоед.

– Ты... – вопрос уже вырвался, я не могла его удержать. – Ты в самом деле ел людей?

Уйма медленно перевел взгляд на меня. Я прикусила язык.

– Врагов, – медленно сказал Уйма. – Людей не ел. Врагов.

– Но враги тоже люди!

– Кто тебе сказал?

– Все знают!

Он хмыкнул:

– Тебя кто-то обманул. Везде, в любом мире. В Королевстве. Здесь. В твоём мире, где люди летают на железных птицах и знают обо всем, что происходит на свете. Везде враги – это враги. Их готовы есть. И танцевать на их могилах.

– Нет, Уйма! – я снова почувствовала себя слабой. – Нет! Ведь и Оберон твой враг. И Гарольд... и... – я не договорила.

Уйма поднял мохнатые брови.

– Оберон, – сказал он задумчиво. – С тех пор, как появилось Королевство, все не знают и спрашивают. Оберон отпускал наших людей из плена. Они топили его корабли. Он снова ловил и снова отпускал. Потом он посадил вождей в тюрьму. Меня. Моего отца. Пригнись.

Он положил мне ручищу на голову, и я рухнула в траву. По дороге пылил обоз – пять телег одна за другой, лошади, погонщики, жеребята.

– Торговый путь, – пробормотал Уйма, лежа рядом со мной. – Нам нужны деньги. Надо кого-то

ограбить.

- Но у нас же есть... - я замялась. - Короче, то, что ты отобрал у Максимилиана.

- Отдал в замке кое-кому. Надо было.

- Взятка, что ли?

- Я не знаю, что такое «взятка»... У Оберона есть то, чего больше ни у кого нет. Если бы он был вождем нашего племени, его давно побили бы и прогнали. Но он - Оберон. Как можно быть с такой слабостью - таким сильным? Многие спрашивают.

- С какой слабостью?

Уйма смотрел вслед обозу.

- У него нет врагов, - сказал он наконец.

- Не может быть. Пираты, кочевники... людоеды, - я понизила голос.

Уйме на нос сел комар. Людоед отмахнулся одним пальцем. Комар, контуженный, упал в траву.

- У него - нет - врагов. Нет никого, кого бы он съел. На чем бы трупке хотел попрыгать.

- Это что, слабость?

Уйма, казалось, меня не слушал.

- Если бы я был Оберон, я бы сперва дал Обещание. Для пользы дела. А потом отправил бы этих принцесс на поле, свеклу пропалывать. И выдал замуж за рыбаков.

- Тогда бы ты не был Оберон, - сказала я тихо.

- Тогда всем было бы хорошо. И принцессам.

- Уйма, - сказала я, помолчав. - Вот никак не могу понять: ты меня спас или предал?

Он обиженно мигнул:

- Ты что, сидишь в тюрьме? Висишь в цепях? Ты валяешься на травке и ешь свиненка. Так предал тебя Уйма или спас?

Я отвела глаза.

- Оберона ты бы так не спросила, - пробормотал Уйма себе под крючковатый нос.

Я не ответила.

* * *

Максимилиан, пока мы разговаривали, успел подобраться к остаткам завтрака и, встав на колени, попытался отхватить кусок мяса от небрежно обглоданной кости. Уйма несильно оттолкнул его сапогом. Максимилиан упал и перекувыркнулся.

- Не бей его!

- Я не бью, - Уйма припрятал остатки мяса. - Я морю его голодом. У некромантов, если долго голодом морить, колдовство пропадает, и они тогда не пакостят.

Максимилиан зашипел, пытаясь подняться.

- Может, его все-таки накормить?

- Ты - не Оберон, - наставительно сказал Уйма. - Тот сильный и может себе позволить. А ты не сильная, - людоед вдруг задумался. - Ну не очень. Не такая, как король.

- Дай ему хотя бы воды.

- Ты его простила - он тебе отплатил. И еще отплатит, ему только дай. Еду на него переводить? Он сам еда. Только и живой до сих пор, потому что знает много. И семечки правды у нас еще остались.

* * *

Когда Уйма вышел на дорогу выслеживать путников, я дала некроманту напиток. Максимилиан хлебал жадно. Губы у него пересохли.

- Почему ты меня не выпустил из клетки? Руки бы у тебя отвалились?

Он молчал и только злобно зыркал.

- Ты думаешь, я тебе из жалости воду даю? Просто чтобы ты не сдох раньше времени.

- Не волнуйся, не сдохну, - голос у некроманта осип и свистел, почти как у Уймы. - Переживу тебя. И твоего волосатого.

- Посмотрим, - я жалела, что дала ему воды и что вообще связалась с ним.

- Посмотрим, - его черные глаза глядели так неприятно, что я не выдержала и отвела взгляд. Спрятала флягу в мешок Уймы так, чтобы некромант не дотянулся. Поднялась к людоеду на пригорок.

- Базарный день сегодня, - сказал Уйма. - Повезло. Когда купцы с базара потянутся - с деньгами, - тогда и потряхивать станем.

- А если из замка пришлют стражу?

- Когда пришлют, мы уже далеко будем.

- Уйма, - я вздохнула. - А без грабежа - никак?

- На огненных шарах перевозчик строгий. Не заплатишь - не полетишь.

- Заработать где-нибудь...

Уйма присвистнул:

- Ты будешь свиней пасти, а я бревна таскать. К осени по миске каши заработаем.

По дороге как раз гнали свиней. Какие-то странные здесь были свиньи. Черные. Шерстистые.

Остромордые.

- С другой стороны, Робин Гуд тоже грабил богатых и отдавал бедным, - сказала я вполголоса.

- Кто?

- Один разбойник. Ты его не знаешь... Слушай, Уйма. Давай спросим у некроманта, кто такие Мастер-Генералы и почему они все мертвые?

Уйма медленно повернул ко мне обросшее щетиной лицо.

- Он один. Один Мастер-Генерал.

- Как один? Ты же сам видел минимум двоих...

- Один.

На дороге оседала поднятая стадом пыль.

- Я три раза видела мертвых Мастер-Генералов, - пробормотала я. - И все три были разные.

- Три раза?

- Да. Я забыла тебе сказать. В подземелье у Принца-деспота тоже один такой валяется.

- В замке?!

- Ну да. Только убили его не стрелой и не стилетом, а...

- Погоди.

По дороге из замка шагал одинокий путник. Ростом он был на полголовы выше Уймы, а шириной плеч и толщиной рук не уступал самому людоеду. Из-за спины торчали две толстые деревянные рукоятки - крест-накрест.

- Вот, - сказал Уйма. - С деньгами идет.

- Откуда ты знаешь?

Уйма мигнул:

- Опыт... Знаешь, сколько я кораблей ограбил?

- Хорош уже хвастаться своими зверствами.

- Какими зверствами? - Уйма округлил и без того круглые глазищи. - Принц-саламандра нам нужен или нет?

- Нужен.

- Ну так сиди здесь. Я пошел, - Уйма поднялся, будто распрямилась ветка. Зашагал вниз, к дороге, небрежно помахивая огромной суковатой дубиной.

Путник при виде разбойника даже не замедлил шаг. Даже не задумался ни на секунду. Как шел прежде, так шагал и теперь. Я подумала: а не слишком ли Уйма самоуверенный? Этот

мужик может оказаться здешним мастером боевых искусств...

Уйма и путник встретились у подножия холма – между ними было два или три шага. Ни один из них не кинулся нападать первым. К моему удивлению, они заговорили – Уйма спросил, путник ответил. Оба стояли расслабленно: Уйма опершись на дубину, путник – упершись в бока, небрежно отставив огромную ногу в черном лоснящемся сапожище. Стояли и беседовали, как добрые друзья!

Потом Уйма подбородком указал на меня. Я подхватила, готовая бежать куда глаза глядят; что же, он продал меня в рабство? Вот этому первому встречному?!

Я отползла назад на несколько шагов. Потом заставила себя остановиться: я могучий маг. У меня есть посох, врученный самим Обероном. Продать меня, как собаку, – это, знаете ли, даром не пройдет никому!

И, трясаясь как листочек, я встала и выпрямилась с посохом наперевес.

Увидев меня, путник остановился. Он был немолодой, лет под сорок пять или даже больше. В коричневой бороде пробивалась седина. Глаза-щелочки тонули во множестве складок и морщинок. Щелочки зыркнули на меня, потом – вопросительно – на Уйму.

– Лена, – сказал людоед строго. – Не выскакивай. Дело серьезное, не время ребячиться и пугать. Вот гость у нас, уважаемый человек. Заплечных дел мастер, всегородской и пригородный, пожаловал к нашему костру. Пошли, большую игру играть будем.

* * *

Игра и вправду была серьезным делом – чуть ли не торжественным ритуалом вроде рыцарского поединка. Оказывается, в этих краях любой встречный имел право вызвать на соревнование странствующего палача – «заплечных дел мастера» – где угодно: на базаре, на улице, посреди дороги. Тот соглашался или отказывался (правда, в случае отказа его могли презирать друзья и знакомые). Но если соглашался, вступали в действие простые и строгие правила.

Игроки садились друг напротив друга и по очереди описывали способ какой-нибудь казни. Условие было – не повторяться. Тот, кто первый не мог придумать ничего новенького, признавал себя побежденным, и победителю доставалось все его имущество, какое только он, победитель, сможет и пожелает взять.

Наш гость, «заплечных дел мастер», разглядывал Уйму, заранее выбирая себе трофеи. Ему понравилась добротная куртка, удобная для путешествий, и еще ему понравились мы с Максимилианом.

– Ребятишки твои? На кон ставишь?

– Отчего не поставить, – беспечно отвечал Уйма. – Ставлю.

Я хотела возразить, но Уйма так посмотрел на меня, что я против воли промолчала. Ничего, пусть только попробует этот старый палач «взять» меня с Максимилианом. Для такого дела я и некроманта освобожу...

Правда, у него опять руки затекли. Может, освободить заранее?

– А ты, уважаемый, с деньгами? – поинтересовался Уйма. – Мне-то тряпок, игрушек не надо.

Золото есть?

Палач щелкнул пальцами по кошельку на поясе. Зазвенело. Палач усмехнулся:

- Ты, дружок мой молодой, не туда нарвался. Тебе бы с подмастерьем моим играть. Хоть голым ушел, да наука была бы. Науку за плечами не таскать - она вся в голове. А я, милый, тридцать лет за плахой оттрубил, я такое знаю, что тебе и не снилось. Да только поздно отказываться-то.

- А я и не отказываюсь, - Уйма расселся на траве, по-турецки скрестив ноги. - Давай играть.

Палач вытащил монету, поплевал на нее, подбросил и поймал. Вышло так, что начинать старейшему.

- Стало быть, так, - начал палач, почесывая неровную бороду. - Подвешиваешь голубчика за ноги...

* * *

Через минуту я сбежала подальше от костра. Максимилиан остался - связанный, он не мог бегать, да и Уйма не собирался его отпускать. Побродив по рощице взад и вперед, я немного успокоилась. Выглянула из-за дерева - рассказывал Уйма, иллюстрировал руками: сложив кольцо большим и указательным пальцами правой руки, тыкал в него мизинцем левой. Старый палач слушал, на лице его недоверие сменялось глубоким вниманием.

Я поскорее отошла подальше. Побродила еще. Нашла поганку, разнесла ее в клочья зеленым лучом из наверхия посоха. Нашла сыроежку и поступила с ней точно так же. Сила и уверенность посоха передались и мне. Подумаешь, палач с людоедом языками треплют. Что мне их языки?

Я попробовала взлететь, но получилось плохо. Я летала, как Гарольд в прежние времена, то есть барахталась над самой землей, будто утопающая курица.

Время шло. Я снова выглянула из-за дерева. Опять рассказывал Уйма - глаза его горели, он складывал ладонями «домик». Противник слушал, лицо его было хмурым. Я хотела крикнуть, что нам пора, что мы теряем время, что Принц-саламандра может куда-нибудь отлучиться, - но, открыв уже рот, так и не решилась прервать этот жуткий поединок.

Тени деревьев укоротились, описали полукруг и выросли снова. Я нашла земляничную поляну, поела и развлеклась. Уйма и старый палач все так же сидели друг против друга, все так же говорили по очереди. Палач нервно дергал себя за бороду. Уйма восседал, как статуя, и, стоило только старику закончить - без малейшей паузы заводил новый рассказ.

Они сбились только один раз.

- Это уже было! - услышала я с того места, где собирала землянику. Кричал палач, в его голосе были визгливые, истерические нотки. - Было-было, ты проиграл!

Я обмерла.

Что ответил Уйма, расслышать нельзя было. Людоед говорил, не повышая голоса.

- Было! Было! - надрывался палач. - Что недоговорил? Начало-то такое же самое!

Уйма снова что-то ответил. Палач заорал - и вдруг осекся. Свистящий голос Уймы полился

дальше. Я осторожно выглянула из рожи; Уйма рассказывал, как ни в чем не бывало, палач сидел, ссутулившись и глядя в землю. Шевелил губами. Вспоминал оригинальный способ казни?

Привалившись спиной к дереву, я сползла на траву и села, подтянув колени к животу. Ну когда уже это кончится? Ну когда?

* * *

Кончилось неожиданно. Я, кажется, задремала и очнулась от того, что голоса в ложбинке больше не бубнили. Я тряхнула головой, выглянула...

Старый палач сидел, закрыв лицо руками. Уйма, шевеля губами, пересчитывал деньги из его кошелька. Я наконец-то осмелилась подойти.

Максимилиан сидел там, где утром я поила его водой. Обычно бледное лицо его было зеленым. Ну точно как ряска в пруду. Я ахнула:

- Макс! Что с тобой?

Он посмотрел на меня мутными глазами, наклонился в сторону, и его вырвало на траву. Я отступила.

- Железяки возьмешь? - не отнимая ладоней от лица, спросил старик. - Клещи? Сверла? Тесак? Топор?

- На что мне твои железяки, - снисходительно бросил Уйма. - Хотя топор, пожалуй, сгодится. Не ржавый хоть?

- Смеешься, сопляк! Из такой стали королевские мечи куют!

- Ну давай.

Максимилиан сидел, скрючившись, сжавшись в комок.

- Лена, - сказал Уйма. - Развяжи его.

Не дожидаясь, пока меня попросят дважды, я подскочила к Максимилиану и чиркнула посохом по веревкам. Руки некроманта повисли - точно как тогда, в Соляной Бездне.

Старик снял с себя перевязь с огромным топором в чехле. Бросил к ногам Уймы:

- На. Подавись. Если придешь в город на мое место наниматься - учти, что платят мало, работы много, пиво кислое, бабы тощие...

- Не приду я наниматься, - Уйма зевнул. - Ступай, уважаемый. Спасибо за науку.

Палач сверкнул глазами, но ничего не сказал. Закинул за плечи похудевший мешок (сыр, хлеб, картошка, еще какие-то продукты горкой лежали на примятой траве) и заковылял прочь.

Глава 18

Огненный шар

- Ну что ты такая прибитая?

Я в самом деле шла, не поднимая головы. Хлеб, сыр, остатки вкусного мяса – все пропало в глотке людоеда, да еще бледный Максимилиан немного подкормился. А у меня аппетит как отрезало. И вот мы шагали по дороге: Максимилиан, свободный и притихший, Уйма с топором за плечами, я с посохом в опущенной руке. И было у меня на душе почти так же гадко, как в подвалах Принца-деспота.

- Что случилось, Лена? На кого ты дуешься, жритраву?

- А тебе какая разница? – огрызнулась я.

И тут же не удержалась:

- Что же ты раньше не признавался, что ты палач?

- Я? – людоед искренне удивился. – Ну ты, это... Врагов я ел, это бывало. А палачей в нашем племени не держат. Нет такой должности.

- Это не должность, – я смотрела под ноги. – Это призвание.

Максимилиан молчал. Я ждала, что он брякнет какую-нибудь гадость, но он молчал и смотрел под ноги. Это был совсем другой Максимилиан: соревнование двух палачей так на него подействовало, что он стал, кажется, ниже ростом сантиметров на пять.

И Уйма долго молчал. Я уже думала, что он не захочет продолжать разговор на эту тему. Но он сказал тихо, с упреком:

- Вот ты, значит, в школу ходишь. Книжки читаешь. Телевизор смотришь, про который мне Оберон рассказывал. А у нас на островах ни книжек, ни телевизора. Только сказки. Ну традиция такая, детям на ночь сказки рассказывать, чтобы спали хорошо! Вся сказка – три слова, жил такой-то, встретил врага и победил его. А потом на полчаса – что он с этим врагом сделал. И всякий раз по-разному. Детишки же не любят, когда одно и то же! Они нового ждут!

Я подняла голову. Уйма глядел возмущенно, будто я оскорбила его в лучших чувствах.

- Так ты ему детские сказки пересказывал?

Максимилиан свернул к обочине, склонился, и его снова вывернуло наизнанку.

- Ну обычай у нас такой, – Уйма развел волосатыми руками. – Что я могу сделать?

* * *

Стемнело. Собрались тучи, начал накрапывать дождик. Уйма шагал беззвучно, плыл над землей – ни топота, ни вздоха. Максимилиан сопел, хлюпал носом, иногда даже поскуливал; ему было тяжело удерживать заданный Уимой темп, он то отставал, то нагонял людоеда жалкой семенящей трусцой.

Я сама с трудом удерживалась, чтобы не перейти на бег. Магу не к лицу трусить вдогонку за людоедом. Я устала, запыхалась, отстала на десять шагов, потом на двадцать, и вот, когда я готова была уже махнуть рукой и сесть отдыхать на обочину – Уйма вдруг остановился.

Он смотрел в небо. Я сперва догнала его – неторопливо, стараясь дышать потише. И только потом проследила за его взглядом.

Казалось, за близким горизонтом бушевал пожар. В тучах, как в мутном зеркале, отражались красные сполохи.

– Это что?

– Это перевозчики, если хочешь знать, – сказал Уйма, не отрывая взгляда от горизонта. – Огненные шары.

Максимилиан стоял, закрыв глаза. Плечи его поднимались и опускались. На бледном лице поблескивали дождевые капли. С неба лило все сильнее.

– Дождь, – сказала я нерешительно.

– И что?

– Ну спрятаться бы. Под какой-нибудь елкой. Ночь на дворе...

Уйма наконец-то посмотрел на меня. Потом – искоса – на некроманта. Мальчишка едва держался на ногах.

– Ладно, – неожиданно согласился людоед. – Все равно до пристани еще... Смотри!

Я разинула рот. Из-за холма поднималось солнце – круглое, пылающее, вот оно вылезло наполовину, вот приподнялось над горизонтом, освещая все вокруг слабым красным светом, вот поднялось выше... И замерло, будто решая, что делать теперь.

Прошла длинная и страшная минута, прежде чем я поняла: это не солнце. Это полный огня воздушный шар.

– Неужто угнали? – пробормотал Уйма. – Опередали, что ли?

– Там их полно, – тоненьким детским голоском сказал Максимилиан. – Два или три... Вон как полыхает...

– Разговорился, – заметил Уйма, и некромант под его взглядом втянул голову в плечи. – Ну что, маг, веди нас под елку. Показывай, где ночлег.

* * *

Забившись, будто новогодние подарки, под нижние ветки большой разлапистой ели, мы кое-как уместились на подушках из буро-зеленого мха. Здесь пока еще было сухо, но первые капли уже просачивались сквозь хвою. Вспомнив, чему учил меня Гарольд, я взяла у людоеда нож, воткнула его в мох острием кверху и, сосредоточившись, попыталась раскалить лезвие.

С третьего раза у меня получилось. Нож засветился оранжевым, воздух вокруг лезвия задрожал, я протянула руки к теплу, довольная и гордая собой. Уйма, крикнув, вытянул из рукавов волосатые лапищи и сделал то же самое. Максимилиан, в последний раз хлопнув

носом, последовал нашему примеру. У него были тонкие бледные пальцы с длинными, как у Бабы-яги, когтями. Неприятно смотреть на такие руки – особенно когда знаешь, что они могут с тобой сотворить.

- Что же, – Уйма завозился, снимая с пояса мешочек с семечками правды. – Спать вроде рано еще, а вот поспрашивать можно. Да.

- Так скажу, – буркнул Максимилиан.

- Так ты соврешь, обязательно соврешь, сопля. А ну-ка разевай пасть!

Максимилиан не сопротивлялся. Что же такое довелось ему услышать сегодня днем, если он не только не пытается освободиться, но покоряется Уйме, как раб?

Сглотнув серую горошину, некромант страдальчески поморщился.

- Говори, – начал Уйма, – кто такой Мастер-Генерал?

- Великий полководец.

Я наставила уши, но Максимилиан молчал. Ответ на вопрос был дан, семечко правды успокоилось, некромант смотрел на Уйму непроницаемыми черными глазами.

Людоед нахмурился.

- Я же сказал, что и так скажу, – пробормотал мальчишка, отводя взгляд. – Мастер-Генерал... Когда он жил, он был великий воин-волшебник. А мать его была ведьма, вот и дала ему не одну жизнь, а девять. И получалось вот как: его убьют в битве, он переносится в чертоги, чтобы, значит, пировать со всеми павшими воинами. Еще раз убьют – опять переносится... Честно говоря, я и сам не понимаю до конца, как это произошло, но только теперь в нашем мире есть ровно восемь мертвых тел и один живой Мастер-Генерал.

- Он что, переселяется из тела в тело?!

- Ну да. Как если бы у него было девять одинаковых домов и он жил бы в них по очереди. Где-то умер – в другом месте ожил. И сразу в бой. Чтобы не тратить время. Он не пирует, не спит и не ест, не любит женщин. Он только сражается, – некромант вздохнул. – Это большое сокровище, тело Мастер-Генерала. Если бы у моей мачехи его не было – давно бы всех перебили и замок сровняли с землей.

- Он великий воин, – сказал Уйма с непонятым выражением.

- Под его рукой, – глаза Максимилиана чуть затуманились, – все становятся воинами. Старые деды и бабы, трусы, калеки – все. И не только люди. Можно хоть кукол нашить из мешков, из дерева вытесать или из глины слепить. Правда, солдаты из глины разваливаются слишком быстро... Зверей можно послать в сражение. Если у тебя есть Мастер-Генерал – все, считай, ты победил. Да что угодно можно сделать!

Максимилиан замолчал. Большая холодная капля просочилась сквозь хвою и упала мне за шиворот.

- Что же, – тихо спросил Уйма, – и замок Принца-деспота можно взять?

- Ну, – некромант поежился под его взглядом. – Вообще-то... нельзя.

- Не пробовали?

- Пробовали... однажды. Нашлись такие. Только Принц-деспот все входы закрыл, войско побилось-побилось о камень, да и разбилось. Короля ихнего прихлопнули, а в Мастер-Генерала засадили стрелу. С тех пор они, говорят, все потеряли: и замок свой, и землю, и людей. Так и ходят, и Мастер-Генерала с собой носят, мертвого, конечно, с двумя стрелами. Думают, он оживет.

- Да мы же их видели! - не выдержала я. Некромант даже не взглянул в мою сторону:

- А только он никак не встанет, с двумя-то стрелами.

- Ну надо же, - пробормотала я саркастически. - Со стилетом вставал, а со стрелами...

- После поражения он не оживает, - Максимилиан по-прежнему обращался к Уйме. - Если разбили - значит, все. Протухло.

Красное лезвие ножа светилось в темноте. Я сидела, скрестив ноги, положив на колени посох. Что же получается? Мы с таким трудом и риском нашли двух принцев, а толку от этого никакого. Принца-деспота не принудить, Принца-пленника не освободить. Столько сил и времени - коту под хвост...

Людоед исподлобья смотрел на красное лезвие, и по глазам его нельзя было сказать, о чем он думает.

- До страны вулканов долго лететь? - спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Некромант хотел ответить, но Уйма вдруг поднял голову:

- А как он вообще выбирает, где ему оживать? Я не сразу сообразила, что он имеет в виду Мастер-Генерала.

Некромант шмыгнул носом. Вытер соплю тыльной стороной ладони:

- Говорят, он приходит на последний бой. Так говорят. Если он кому-то очень-очень нужен. Ну вот как моей мачехе, когда Принц-деспот своей армией на наш замок попер.

- А за Принца-деспота он воевал когда-нибудь?

- Сто раз! Принц с его помощью столько земель заграбастал... Правда, это было давно уже.

Снова стало тихо, только дождь по веткам шуршал.

- Выходит, он то за тех, то за этих, - пробормотала я. - Что ему, совсем все равно, за кого воевать?

- У кого последний бой, за того и воюет.

- И сколько у деспота насчиталось этих «последних боев»?

- Дура, - непочтительно сказал некромант. - Последний - это не по счету. Это по настроению. Когда вот хоть умри - а надо победить.

- Знакомо, - ухмыльнулся Уйма. - Мой папа, Охра Костегрыз, тоже так умеет. Идет к каким-

нибудь недобитым Шакалам за двумя бочками рыбьего жира, а верит, будто последний бой, самый-самый важный. У него бы Мастер-Генерал вообще не умирал никогда.

- Какая нам разница, - промямлила я. - Если замок деспота все равно не взять.

Уйма поглядел на меня, потом на Максимилиана. Поманил некроманта пальцем. Тот подполз поближе.

- Удирать попробуешь? - спросил Уйма, обнажая в улыбке белые зубы.

Максимилиан отпрянул и так замотал головой, что с мокрых волос во все стороны полетели капли. Он был напуган; я покосилась на Уйма, и мне тоже сделалось страшновато.

* * *

Утром мы перевалили за холм, и нашим взглядам открылась пристань огненных шаров.

Не то чтобы я раньше никогда шаров не видела. У нас перед школой на перекрестке, помнится, целый месяц стоял надутый шар с какой-то рекламой, но тот был тряпичный, с вислыми серыми боками, и улететь на нем никуда нельзя было. А от этих, прикованных цепями к якорям, так и пыхало жаром. Всего их было три: два почти черные, тяжелые, цепи вокруг них провисли. А третий - темно-красный - висел над землей, натягивая цепи, и воздух над ним дрожал.

- Троих не поднимет, - тихонько сказал Максимилиан.

- Даже и не думай, - прочитал его мысли Уйма. - Шаг в сторону ступишь - знаешь, что сделаю?

Максимилиан повесил голову.

Чем ближе мы подходили к шарам, тем беспокойнее становилось у меня на душе. Под шарами громоздились на земле хибары и помосты, и еще какие-то странные сооружения, а вокруг не было ни души. Ни голосов, ни шагов, ни лая, ни скрипа колес - в тишине слышались только неясное царапанье, шорох и возня, будто в огромную спичечную коробку затолкали майского жука величиной с дом.

- Перевозчик! - крикнул Уйма, нарушая эту жуткую тишь.

Приоткрылась деревянная дверь, висящая на одной петле. Выглянул старикан лет девяноста, желтый и морщинистый, лысый, зато с длинной белой бородой.

- Ну?
- В страну вулканов свезешь?
- Пятьсот монет, - старик не обрадовался и не удивился.
- Триста.
- Четыреста пятьдесят, - старик опять-таки не выказал никаких эмоций, будто все вопросы и ответы были расписаны наперед.
- Триста.
- Четыреста.

Уйма отцепил от пояса кошелек. Бросил старику. Тот не поймал, разиня. Кошелек ударил его в грудь, заставив покачнуться, и шлепнулся на пол. Звякнули монеты. Старик поморщился, потирая ребра:

- Тут триста пятьдесят.
- Так мы летим или уходим?
- Летите, - старик подцепил кошелек босой ногой, поднял его ловко, как обезьяна, перехватил рукой и сунул за пазуху. - Где вам надо в стране вулканов?

Мы переглянулись.

- Мы ищем Принца-саламандру, - сказала я прежде, чем Уйма успел вмешаться.

Стариковская лысина - от бровей и, наверное, до затылка - взялась мелкой рябью морщин. Кажется, мои слова слегка поколебали его скучное равнодушие.

- Мало с вас взял, - сказал он после длинной паузы.
- Сделанного не воротишь, - сообщил Уйма, искоса зыркнув на меня круглым бешеным глазом.
- Ладно, - старик решил. - Вам, стало быть, в столицу ихнюю надо, ко дворцу. Под такое дело лучший шар запущу. Пошли.

Мы прошли вслед за ним через покосившуюся дверь и оказались в квадратном дворике. Над головами нависал горячий шар. Царапанье, шорох и возня стали громче, они доносились из шара, изнутри. А посреди дворика, опутанная веревками, стояла огромная странная штука, я с первого взгляда даже не поняла, что это такое. А когда поняла, то так и застыла с разинутым ртом.

Это был костяк! Вернее, одна только грудная клетка с ребрами. К позвоночнику крепились цепи, ведущие вверх, к шару, а внутри, где когда-то помещались легкие, сердце и прочие потроха, была устроена кабина для воздухоплателей. Я так и встала - к земле приросла.

- Ловко, - сказал Уйма. - Это где же водятся такие птички?
- Где надо, - вежливо сообщил старик. - Голову-то пригни, а то таких здоровых мы обычно не перевозим.

Уйма пробрался внутрь, через секунду я увидела его сквозь ребра, как сквозь решетку. Теперь, когда он упомянул о «птичках», я и сама догадалась, что скелет, похоже, птичий, а значит, легкий. Вот только зачем? Что им, трудно было обыкновенную корзину смастерить?

Некромант стоял и смотрел на это уродливое чудо, видно, и на него устройство шара произвело впечатление. Тем временем старик-перевозчик влез на шаткую лестницу (мне казалось, что он вот-вот свалится) и длинной палкой заколотил по темно-красному горячему боку.

Шорох сделался громче. Послышалось шипение, а потом и свист. Шар стал разгораться изнутри, с каждой секундой становясь все ярче и горячее. Я отпрянула – таким жаром пахнуло в лицо. Старик тонко закричал и заругался, и в следующую секунду я увидела угловатые тени, которые метались там, в шаре, внутри. С каждой секундой они становились все яснее, потом сквозь полупрозрачную оболочку прямо на меня уставилась зубастая морда – глаза горели, из пасти вырывался белый огонь.

– И-и-и! – завизжал старик. – Вз-и-и! Пошли! Снулые твари, холодцовые кишки, давай, сволочи, в столицу, во дворец, чтобы вам всем повыздыхать! Вз-и-и!

И так, визжа и ругаясь, он что есть сил колотил палкой по шару. Оболочка чуть вздрагивала, а цепи, удерживающие шар на земле, натягивались все сильнее.

– Чего уставились? – крикнул перевозчик нам с Максимилианом. – Сейчас отвалит!

Некромант первый кинулся в костяную кабину, к Уйме. Я испугалась, что останусь одна, подхватила посох и побежала за ним. За секунду до того, как мне впрыгнуть внутрь, старик отпустил одну якорную цепь. Шар дернулся вверх, и костяная кабина вдруг оказалась почти в двух метрах надо мной. Старик кинулся к другому якорю, а я от страха подпрыгнула, взлетела ввысь на два человеческих роста и ухватилась за волосатую руку Уймы.

Цепь упала, я слышала ее глухой звон. Шар рванулся так, что нас чуть не распластало по деревянным перемышкам, соединяющим ребра и образующим пол. На секунду я увидела внизу перевозчика. Похоже, мне во второй раз удалось его удивить – он стоял и смотрел нам вслед, разинув рот.

Наверное, никогда не видел раньше, чтобы люди так прыгали.

Глава 19

Страна вулканов

Итак, мы летели.

Над нашими головами все сильнее разгорался шар, наполненный не горячим воздухом и даже не огнем, как я раньше себе представляла, а непонятными тварями, изрыгавшими пламя и легко тащившими нас как раз туда, откуда дул довольно сильный ветер.

- Это против законов физики, - сказала я, щелкая зубами. Меня бросало то в холод, то в жар, и не только из-за волнений. Воздух в небе был ледяной, зато сверху, от шара, так шпарило, что без ветра можно было превратиться в барбекю.

- Ерунда, - отмахнулся Уйма. - Ты радуйся! Летим...

Некромант молчал. Он боялся высоты: сидел, зажмурившись, вцепившись в желтое птичье ребро. Кажется, если мог бы - даже уши прижал к голове, как испуганный кот.

Огненные обитатели шара визжали, как пар в скороварке, шипели и шелестели, задевая изнутри плотную оболочку. Похоже, старик здорово раздражил их и палкой, и обидными словами. Теперь они распались все больше, и шар поднимался все выше.

- Я думала, перевозчик с нами полетит, - сказала я, поближе придвигаясь к Уйме.

- Я тоже думал, - признался людоед. - Как этими пискунами управлять?

- Ими нельзя управлять, - сказал Максимилиан с закрытыми глазами. - Это огнекусы. Их запикивают в шар, покуда они в яйце. И тогда зашивают на веки вечные. Они там вылупливаются и внутри живут всю жизнь. А жизнь у них длинная. Они откладывают новые яйца, и оттуда вылупляются новые огнекусы. И так всегда.

- И никогда-никогда не вырываются на волю? - спросила я сочувственно.

- А если вырываются, - Максимилиан еще плотнее втянул голову в плечи, - то взрыв получается такой, будто взлетела на воздух пороховая башня.

- Да?!

Мы с Уймой одновременно подняли головы, но не увидели ничего, кроме птичьего позвоночника. Сквозь частокон желтых ребер пробивались жар и красный свет.

- И часто они взрываются?

Максимилиан не ответил. Он был бледнее рыбьего брюха и дышал ртом - ко всем бедам, его еще и качивало.

Мы долго молчали. Свистел ветер, шипели и шуршали взрывоопасные огнекусы, навеки заключенные в шаре. Я смотрела вниз - мы летели под высокими облаками, и земля была видна отлично. Горы делались все моложе и выше, и почти на каждой верхушке сидела крепость, как птичье гнездо. Присмотревшись, можно было разглядеть, что все твердыни полуразрушены и брошены.

- Здесь гмурры, - задумчиво сказал Уйма.

- Кто такие гмурры?

- Молчи, - прошелестел Максимилиан. - Дура. Нельзя их вслух называть, когда они так близко!

Я животом легла на дощатый пол. Наверное, было бы весело вот так лететь над землей, если бы не огнекусы над головой и не зловещие гмурры внизу. И не ощущение, что болтаешься в пустоте без всякой надежной опоры.

- Что мы скажем Принцу-саламандре, Уйма?

Людоед не ответил.

- А если он не согласится с нами идти?
- Ты его уговоришь, - голос Уймы звучал спокойно.
- Почему ты так думаешь?
- Потому что двоих ты уже уговорила.

Уйма бесстрастно глядел на меня круглыми выпуклыми зенками. Мне захотелось треснуть его посохом по башке и скинуть вниз, на землю.

- Уговорю, - сказала я сквозь зубы.

На самом деле в этот момент мне очень захотелось домой. Совсем домой - к маме. И я прокляла Гарольда, явившегося за мной, когда я ничем не могла помочь. Лучше всю жизнь ничего не знать о Королевстве и о судьбе Оберона, лучше сказка без конца, чем с таким ужасным и безнадежным окончанием. Я закрыла глаза...

- Гляди!

Уйма указывал волосатым пальцем куда-то вниз. Я проследила за его рукой, но ничего не заметила. Только тень метнулась от дерева к дереву, вот и все.

Уйма глядел вниз. Никогда раньше мне не доводилось видеть у него такого лица.

- Что там? - спросила я, чувствуя, как у меня сердце проваливается в кишечник.

- Гмурры, - глухо сказал Уйма.

И целый час не говорил ни слова.

* * *

Мы весь день болтались в воздухе. Я думала, некромант умрет прямо тут, между птичьих ребер. Его тошнило, он терял сознание, мне приходилось возиться с ним, держать ладонь над его головой и бормотать «Оживи». Мальчишке это не очень-то помогло, зато я измучилась и обессилела вконец.

Землю под нами затянуло не то низкими тучами, не то дымом, и мы летели теперь между двумя слоями облаков. Близился вечер, мы с утра ничего не ели, но, честно говоря, и не хотелось. Солнце, склонившись к закату, осветило серебристо-серые облака над нами и рыжевато-белые облака под нами, это было страшно красиво, я бы залюбовалась, если бы в этот момент некромант не застонал бы опять и не закатил глаза под лоб. Приводя его в чувство, я впервые подумала: может, проще было бы стряхнуть Макса вниз, раз-два, и дело с концом?

Огнекусы понемногу успокаивались и остывали: то ли забыли трепку, которую им задал перевозчик, то ли так задумано было, ведь мы приближались к цели. Медленно опускаясь, шар пролетел сквозь нижний слой облаков, мы сперва ослепли минуты на три (тучи противно липли к коже, вся одежда моментально вымокла), а потом увидели землю вулканов.

* * *

Дымы стояли, будто колонны, подпирающие небосвод. Если бы меня попросили нарисовать землю вулканов - я сначала бы нарисовала дымы, много толстых и тонких дымов от земли до туч, неподвижных, как огромные деревья. Безветрие стояло такое, что даже тончайший пепел, поднимавшийся в воздух с каждым нашим шагом, не улетал никуда, а оставался висеть над землей. Там, где мы прошли, долго еще таяли облачка мути.

Огнекусы, успокоившись и остыв, сгрузили нас посреди каменного плато с трехногой вышкой в центре, и первым делом мы подумали, что перевозчик обманул. Потому что какая же это «столица», и где вы тут видите «дворец»? Вокруг ни человечка, ни домишки, под ногами растрескавшийся красно-бурый камень, весь присыпанный пеплом, и только дымы тянутся к небу - белые, серые и коричневые. Уйма кое-как закорил шар (надо же нам было как-то возвращаться), и минуты три мы с ним думали: что делать дальше?

Ужасно не хотелось бросать шар без присмотра: вдруг вылезут местные жители и на нем

улетят. С другой стороны, кому поручить охрану? Идти на поиски без Уймы мне тем более не хотелось, а о том, чтобы отправить его одного, не было и речи. Оставался Максимилиан, которому, как известно, совсем нельзя доверять.

- А ты не думаешь, Уйма, что он просто улетит на этом шаре, а мы снизу ручкой помашем?

Людоед смотрел на Максимилиана. Тот сидел на камне, привалившись спиной к желтоватым ребрам нашей «кабины», полузакрыв глаза, время от времени мучительно чихая от пепла.

- Не улетит, - сказал Уйма веско.

- Не улечу, - еле слышно подтвердил Максимилиан. - Вообще. Никуда. Тут останусь. Уж лучше гмурры, лучше Принц-чума...

- Помолчи! - рявкнул Уйма и сразу посуровел.

- Тогда он просто отпустит шар, - сказала я. - А сам сбежит.

- Сбежит? - Уйма хмыкнул. Максимилиан чихнул, подняв такой ветер, что вокруг взметнулась целая туча пепла.

- Не сбегу.

- Не сбежит, - с удовольствием подтвердил Уйма. - Идем, маг. В последнее время нам не очень везло с принцами, может, теперь повезет?

И мы пошли. Облачка пепла, зависшие над землей, отмечали наш путь по плато. Уйма уверенно вел меня туда, где поднимался из-под земли ближайший столб дыма.

Это оказался не дым, а пар. Он вырывался из дырки в земле, как из-под кастрюльной крышки, а рядом лежал круглый камень. Слишком круглый, на мой взгляд. В природе камни такими не бывают.

Уйма раздумывал минуту, не больше. Потом уперся в камень сапогом, примерился и толкнул. Камень скатился в дыру. Поднялась новая туча пепла - мы с Уймой оказались в густом облаке, он по пояс, а я по грудь. Пар из-под земли перестал идти.

- А вдруг из-за этого случится извержение вулкана? - Я огляделась.

Черные конусы огромных гор возвышались вокруг плато, верхушки их скрывались за тучами.

- Уйма...

- Погоди.

Земля под ногами дрогнула. Уйма отступил, оттаскивая и меня. Круглый камень подпрыгнул, словно каучуковый, и откатился в сторону. Все вокруг подернулось пеплом, я закашлялась. Из дыры опять вырвался шипящий разъяренный пар, а потом показалась голова. Я чуть не завопила в голос!

У головы были глаза, как тарелки, черные и на все лицо. Кроме этих глаз, я ничего вокруг не видела.

- Чего надо? - спросило чудовище сварливо. - Кого тут принесло?

Уйма смотрел на меня. Я опустила посох (оказывается, за минуту до того я, сама не сознавая, изготовилась разнести чудовище вдребезги), собралась с духом и раскрыла рот, чтобы тут же закашляться.

- Ну? - рявкнуло чудовище совсем уж по-хамски. - Зачем приперлись?

Я представила, как поступил бы на моем месте Оберон. Правда, на Оберона никто и не стал бы так орать. Не посмел бы.

- Приветствуем, добрый э-э-э... поселянин. Мы послы короля Оберона из-за Печати. С важным делом к Принцу-саламандре, - я старалась говорить вежливо, но как можно холодней.

- Из-за Печати? - существо помолчало. Вокруг нас оседала, подрагивая, черная пыль.

- Мы прилетели на огненном шаре, - веско сказал Уйма.

- Ну заходите, - подумав еще, сказало чудовище. И скрылось внизу, в расщелине.

* * *

В который раз Уйма удивил меня умением просачиваться в узкие щели.

Под землей была лестница, вся укутанная паром. Я никогда не была в парной бане, но не может быть, чтобы там было горячее. Наверное, так чувствует себя крутое яйцо; Уйма покраснел. Не задумываясь, стянул с себя куртку и рубаху, и я снова получила счастье видеть его волосатую грудь и загорелый округлый живот.

А я решила только на то, чтобы расстегнуть ворот пошире. Больше всего на свете мне хотелось выскочить наружу, но наш страшенький провожатый уже торопил нас и звал откуда-то из глубины. Уйма решительно двинулся вниз по окутанной паром лестнице, и мне ничего не оставалось делать, как задержать дыхание, прищуриться и, сопя и задыхаясь, последовать за ним.

На нижней площадке наш провожатый свернул в коридор, потом еще свернул и еще раз свернул. Мы очутились в подземном зале. Здесь было бы почти темно, если бы не красная подсветка откуда-то снизу. Я разглядела овальный мелкий бассейн, прозрачный, по колено примерно, выложенный цветными камушками по бортам и по дну. Что-то метнулось у меня над головой - я вскинула посох. Здоровенная ящерица (или маленький крокодил?) пробежалась по темному потолку, рассыпая искры. Она вся светилась от морды до хвоста, светилась горячим красным светом. Прыг-плюх - поднялся пар из бассейна - странное существо сделалось черным, мокрым, глянцевым, выскочило из воды и пропало в темноте.

- Это самое... - наш провожатый снял очки. Оказалось, его круглые глаза, так напугавшие меня, были всего лишь двумя выпуклыми стекляшками. А то, что пряталось под ними, вполне могло сойти за человеческое лицо - немолодое, не очень симпатичное, но вполне обыкновенное. У нас в школе сторож вот точно такой же.

- Это самое. Королю пойду доложить, так что докладывать?

- Лена Лапина, маг из-за Печати. Уйма, сын Охры Костегрыза, лю... мой телохранитель.

Плюх - бултых - пшшш!

Я вздрогнула. Еще одна красная ящерица упала в бассейн, как раскаленный кусок железа, изошла паром, погасла и смылась.

- Так и доложим, - строго сказал наш провожатый. - Только, это... магию у нас тут в ход не пускать! Мы народ смирный. Если что не по нам - закатаем в лаву и в сере утопим. Нам чужого не надо.

И так, бормоча, он растворился в красноватой полутьме. Мы с Уймой переглянулись.

* * *

Мы с полчаса сидели спина к спине, молчали и смотрели на ящериц. Иногда их долго не было, а то шли прямо потоком, по несколько штук сразу. Бежали по потолку, раскаленные, прозрачные, можно было разглядеть их позвоночник и ребрышки, и даже - смутно - внутренности. С шипением валились в бассейн, поднимали тучи пара, выскользывали на бортик и разбегались кто куда - обыкновенные черные ящерицы, ну разве что очень большие.

- Уйма. Что они делают?

- А я почему знаю?

Молчание. Бульканье, шипение, шелест лап по камню. Снова тишина.

- Как ты думаешь, некромант нас дождется?

- Куда он денется, жритраву? Он боится.

- А ты не боишься?

- Кого? - Уйма пожал плечами, так что я покачнулась. От него пахло свежим потом, как в спортзале. Не очень приятный, но и не совсем противный запах.

Мы снова помолчали.

- А почему у них так жарко?

- Нравится им.

- Я вся мокрая...

- Так разденься.

- Не могу. Неудобно.

Уйма хмыкнул, хотел еще что-то сказать, но в этот момент наш провожатый вернулся. Он появился из темного проема так неожиданно, что очередная ящерица, бежавшая по потолку, оступилась, сорвалась и грохнулась на пол, рассыпая искры. Я отдернула ногу – не хватало еще обжечься!

Ящерица удрала в бассейн. Человечек торжественно поклонился:

- Ведено провести вас в покои. Его величество и его высочество примут вас.

* * *

Это был настоящий королевский дворец, даром что под землей. Красотища стояла такая, что я на время даже забыла о жаре. И мебель, и украшения на стенах, и статуи каких-то королевских предков – все было каменное и горячее.

Повсюду горел огонь – в щелях и нишах, и в огромных каминах. Понятно, откуда наверху столько дыма. Горячие ящерицы сидели на потолке, как комары в летний вечер. Их раскаленная шкурка переливалась всеми оттенками красного и оранжевого, и это было лучше, чем любая новогодняя гирлянда.

Уйма шагал среди всех диковин, бесстрастный, как настоящий дикарь, и голый к тому же. Я не знала, стесняться мне его или гордиться таким телохранителем: уж больно красиво бликовал огонь на его мускулистых, зеркальных от пота руках.

Наконец мы пришли. В высоком зале горели каминов двадцать (я готова была вот-вот задымиться), вдоль стен стояли кресла и статуи, а в центре возвышались два трона, побольше и поменьше. Я посмотрела сначала на принца – и разинула рот:

Принц-саламандра был очень худой, черный и совсем без одежды. Во всяком случае, мне так сперва показалось. Растерявшись, я взглянула на короля – тот был такой же тощий, такой же черный и гладкий, только вокруг головы у него топорщились седые волосы. В следующую секунду я с облегчением поняла, что это не нагота: тело короля было покрыто темной чешуей, чешуйчатый воротник обрамлял тонкую шею, над воротом торчал острый кадык, как у нашего физкультурника, а лицо было нормальное, человеческое и очень величественное, хоть и румяное сверх меры.

Я отвесила что-то среднее между поклоном и реверансом. Уйма, гордый дикарь, чуть наклонил голову.

- Я глядел в огонь, – сказал Король-саламандра, как только с приветствиями было покончено. – Мне было видение. Вы принесли нам либо большое горе, либо удачу и счастье. Отвечайте – что привело вас?

Я подумала, что видения у него уж очень универсальные: «Либо к сердцу прижмет, либо к черту пошлет».

- Разумеется, мы принесли вам счастье, – сказала я как могла громко и уверенно. – Король Оберон выдает замуж...

Тут я в первый раз запнулась. Мне сразу вспомнилось, как я держала речь перед Принцем-деспотом и чем это кончилось. Может, не стоит признаваться, что Оберон устраивает судьбу принцесс оптом, то есть всех сразу?

- Выдает замуж принцессу своего Королевства, это девушка невиданной красоты, доброты и скромности. Король Оберон просит Принца-саламандру...

Тут я запнулась снова. По идее, просить руки невесты должны женихи. А тут все наоборот, да еще я оказываюсь не магом дороги, а свахой какой-то.

- Король Оберон, - я перевела дыхание, - устраивает смотр женихов по ту и эту сторону Печати. На смотр допускаются только принцы, только благородные, только доблестные... короче, достойные. Король просит Принца-саламандру принять участие в смотре.

От этой речи у меня в горле пересохло, а лицо покраснело, наверное, как перезрелый помидор. Король и принц глядели на меня с интересом. Я замерла, ожидая, что они скажут: а вдруг обидятся на такой поворот дела и откажутся участвовать в «смотре»?

Они молчали долго. Статуи вдоль стен замерли, как стража, а стражники у тронов стояли неподвижно, как статуи. Переливались жаром ящерицы на потолке. Вот одна сорвалась с места, бросилась в камин и исчезла в огне.

- И каковы же мои шансы? - негромко спросил Принц-саламандра.

Я посмотрела на него внимательнее. Он был одет, как отец, - в чешую от шеи до пяток. Кожа на лице отливала медью, на этом фоне глаза казались особенно яркими и зелеными. Он смотрел прямо, спокойно и по-доброму; я поняла, что он мне нравится.

- Очень велики, - сказала я, глядя ему в глаза. - То есть... Если вы скажете «да», вы обязательно женитесь на принцессе из-за Печати.

- И смогу привести ее сюда?

Я вспомнила, что говорил мне Гарольд по этому поводу.

- Да. То есть... Ей ведь будет хорошо у вас во дворце?

Король-саламандра ухмыльнулся. Принц никак не показал, что я сморозила глупость.

- Конечно. Но при одном условии.

- При каком? - я напряглась.

Принц долго смотрел на меня.

- Какого цвета у нее волосы?

Уйма за моим плечом переступил с ноги на ногу.

- Черные, - сказала я, вспомнив Филумену. В глазах принца что-то изменилось, там мелькнуло, кажется, разочарование. - Светлые, - продолжала я без паузы, вспомнив Ортензию. - Русые, - это Розина. - Рыжие...

Я запнулась. Принц выпрямился на троне:

- Рыжие?

- Она что, меняет цвет волос в соответствии с сезоном? - поинтересовался король, не скрывая насмешки.

- Рыжие, - принц, кажется, никак не мог успокоиться.

- Огненно-рыжие, - провозгласила я, стараясь вспомнить об Алисии хоть что-то хорошее. Потрясающее зеленое платье... Длинная перчатка... Ожерелье... Красивая девица, что и говорить, только бледная от затворнической жизни, и веснушек совсем не видать. - Ее зовут Алисия.

- Алисия, - повторил принц, пробуя имя на вкус.

- Вы не все нам сказали, - резко заметил король.

- Зато все сказанное - правда, - парировала я. - Принцессу зовут Алисия. Она прекрасна, умна и добра. Она ждет Принца-саламандру.

- Отец, - по-прежнему негромко сказал принц. - Мне нужно с вами поговорить.

Глава 20

Обещания и торги

Пот заливал глаза. Мне отвели комнату для отдыха, довольно большую и удобную, да еще с овальным мелким бассейном, над которым поднимался пар. Вот только дверей здесь не было, а лишь плотные занавески у входа. Поначалу я дергалась, стеснялась и все оглядывалась, не смотрит ли кто, а потом не выдержала. Поскорее сорвала с себя всю одежду и плюхнулась в бассейн, как это делали ящерицы.

Вода была прохладная! И еще она была проточная, я обнаружила в одном конце бассейна дырку для слива, а в другом - холодный источник. Ближе к источнику можно было даже

замерзнуть, зато над стоком было горячо, а в центре бассейна – уютно, как в теплой ванне. Никогда прежде я не испытывала такого удовольствия: плавать (вернее, бродить на руках, потому что было мелко) туда-сюда или просто лежать на воде, чувствуя ее запах, чувствуя, как смывается противный пот, как возвращаются силы и, одновременно, как подступает дрема. Честное слово, здесь можно жить, под этими вулканами. Алисия не будет в обиде.

Ящерицы иногда меня пугали. Потом я привыкла к плюханью и шипению и с интересом стала наблюдать из воды, как это у них получается. Похоже было, что у них тут нечто вроде сауны: раскалился в камине и плюх в воду. Я-то в сауне была один раз. Говорят, это совсем не то, что парная баня, но мне все равно не понравилось. А вот ящерицам нравится. Интересно, они это для удовольствия делают? Или у них работа такая – огонь поддерживать, пар производить, теплый воздух перемешивать?

Размышляя так, я чуть не заснула, положив голову на сухой теплый бортик.

– Лена!

Я вздрогнула. Уйма, ни капельки не заботясь о приличиях, вошел ко мне в комнату и задернул за собой занавеску.

– Да ты что! – я отползла в дальний угол бассейна, пытаюсь поглубже спрятаться под водой. – Уйди! Быстро!

Людоед смотрел на меня круглыми блестящими глазами. Ему, дикарю, плевать было, одета я или нет. Только что случилось событие, оно распирало Уйму изнутри.

– Отвернись! – взвизгнула я.

Он неохотно отвел взгляд:

– Одевайся. Быстро. Пошли, что-то покажу.

Он не купался и не отдыхал. На его спине и плечах белой корочкой засох старый пот.

Я кое-как застегнула штаны. Возбуждение Уймы передалось и мне. Одежда липла к мокрому телу. Я подхватила посох, лежащий на краю бассейна.

– Пошли, – Уйма отдернул занавеску.

Я огляделась. В коридоре было пусто, если не считать красной ящерицы на потолке.

– У них не запираются двери, – сообщил людоед. – Пошли, не бойся, здесь никого нет.

– Но мы же гости! Разве прилично вот так...

– Тихо. Главное, что мы пройдем мимо поста.

Когда Уйма сильно волновался, он начинал говорить, как полуграмотный дикарь.

Я по-прежнему не была уверена, что мы правильно поступаем, но Уйма не оставил мне выбора. Он вел меня уверенно, будто много лет тут жил: направо, налево, по лестницам вниз и вверх. Интересно: у них там, на островах, все без компаса обходятся?

Удушливая жара королевских покоев осталась позади. Мы были, похоже, в хозяйственной

части дворца. Здесь было по-прежнему очень тепло, но не горели камин, не было ящериц на потолке. Откуда-то из щелей просачивался свежий воздух. Я хватала его ртом и носом, желая надышаться впрок.

- Стой. Здесь.

Он отдернул тяжелую штору и, пригнувшись, влез в нишу под нависающей скалой. Я помедлила - но оставаться здесь одной было еще страшнее, поэтому я сжала посох и нырнула за Уймой.

В нише было темно. Моргнув, я посмотрела ночным зрением, но поначалу ничего не увидела, кроме широкой Уйминой спины. Людоед оглянулся, отступил в сторону, пропуская меня, - и тогда я поняла, почему он так заволновался.

На каменной лавке лежал Мастер-Генерал. Голый до пояса, в одних штанах. Смотрел в потолок. В безволосой белой груди торчала игла, похожая на вязальную спицу.

Я быстро отвернулась.

- Вот оно, - шепотом сказал Уйма. - Наш шанс. Шанс Оберона.

- Что?

- Слушай меня, маг дороги, слушай внимательно, - Уйма сдвинул волосатой лапицей мое бедное плечо. - Мы должны его забрать.

- Как...

- Молчи. Принц купился на рыжую принцессу, я видел. Поставь условие: вы нам Мастер-Генерала, мы вам принцессу. Только так.

- Уйма, - я смотрела прямо в его круглые немигающие глазки. - Это единственный принц, который согласился с нами идти. Ну, почти согласился. Мы же рискуем его потерять! Если король узнает...

- Лена, - Уйма приподнял верхнюю губу, обнажая зубы. - Зачем нам *один принц*? Нам надо пять!

Сделалось очень тихо: я задержала дыхание. Уйма дышал неслышно. А Мастер-Генерал не дышал вообще.

Людоед был прав! Один Принц-саламандра не спасет Оберона. Нам надо добыть деспота, пленника, и то будет мало. Но не искать же страшного Принца-чуму?!

- Это большой риск, - сказала я шепотом.

- А что остается делать? - резонно возразил людоед.

* * *

Разбудили меня слуги: сперва они деликатно закашлялись за занавеской (на первое «кхе-кхе» я не ответила, вот они и разразились таким кашлем в два голоса, будто у них коклюш или воспаление легких), а потом, все так же не глядя, предложили мне отужинать в компании его величества и его высочества. Я вскочила, растерянная, заспанная, плохо соображая, где я и

как здесь очутилась.

Зашипела ящерица, свалившись в бассейн. Я тряхнула головой. Это все духота: когда спишь на такой жаре, потом всегда башка трещит.

Кое-как умывшись и пригладив волосы, я отправилась вслед за слугами. По дороге все присматривалась к ним: куда ведут? Что обо мне думают? Может, король уже проведал о нашем с Уймой посещении Мастер-Генерала, и теперь меня ведут в темницу?

Посох в руках придавал уверенности.

Слуги привели меня в обеденную залу. Король и принц были уже здесь, и, присмотревшись к их спокойным довольным лицам, я немного успокоилась.

Все уселись за стол. Я снова вспомнила Принца-деспота: здешняя кухня была куда приятнее, а общество – приличнее. Король любезно предлагал не стесняться – это Уйме-то! Никогда в жизни не видела людоеда, который стесняется.

Все блюда были примерно одинаковые, не то паштет, не то пюре, но фокус состоял в том, что эта штука меняла вкус в зависимости от температуры. Повара изощрялись: то мороженое внутри горячей котлеты, то теплое и холодное слоями, а то вообще какие-то розочки из теста, которые во рту сперва нагревались, так что еле можно было жевать, а потом остывали, меняя вкус и запах, таяли, растекались и сами собой проваливались в живот. Я наелась, как поросенок, да еще все время приходилось следить за собой и не особо восторгаться: я ведь маг дороги, а значит, многое повидала. Честно говоря, за этим столом я и думать забыла о Мастер-Генерале: нельзя же все время вязнуть в проблемах, надо иногда от них отдыхать.

Но ужин закончился. Мы вышли из-за стола, перешли в комнату с особенно большим и горячим камином, уселись в теплые каменные кресла, и пришла пора говорить о деле.

Ручейки пота текли по спине под рубашкой.

- Итак, - начал король, - принцессу зовут Алисия. Кем она приходится королю Оберону?

Уйма искоса глянул на меня.

- Никем, - ответила я честно. - Она принцесса, дочь короля далеких стран. Однажды постучалась в Королевство босая, с узелком на плече, а в узелке грамота, удостоверяющая личность.

Король и Принц-саламандра переглянулись.

- У короля был сын, - объяснила я. - То есть не был, а... Он и сейчас есть, но он женат.

Повисло молчание. Наверное, я что-то не так сказала. Уйма осуждающе сморщил переносицу.

- Принцесс пять, - сказала я с трудом. - Но среди них Алисия - самая прекрасная.

К моему удивлению, Король-саламандра улыбнулся с облегчением:

- Примерно так я и думал. Вы выдаете замуж не одну принцессу, а полдесятка.

- Я никого не выдаю замуж, - запротестовала я. - Я посол короля Оберона, и он...

Я запнулась. Принц пришел мне на помощь.

- Разве есть какая-то разница, сколько принцесс находится на выданье? – проговорил он, будто бы сам себе. – Ведь рыжеволосая среди них – одна?

- Одна, – подтвердила я истово. – У нее огненные волосы. Просто огненные.

Принц улыбнулся. Его зеленые глаза вспыхнули ярче. Он понравится Алисии, подумала я с неожиданной грустью. Он такой симпатичный. Он и мне тоже нравится.

Я опустила глаза. Ну почему так несправедливо все устроено? Почему принцессы сидят у себя во дворце, спят, едят, развлекаются и все чего-то требуют, а выполнять их капризы должна я? Они сидят и ждут, и ставят условия, дожидаются и дождутся в конце концов: им принесут принцев на тарелочке, зеленоглазых милых принцев. А я мечусь, то мерзну, то жарюсь, устаю как собака, вожусь с людоедами и некромантами и почти все время чего-то боюсь. Я что, хуже их? Недостойная? Или просто характер слабый? Отчим любит повторять: «Кто везет, того и погоняют».

- Я согласен, – сказал Принц-саламандра. – Я поеду с вами и возьму Алисию в жены.

Мне бы обрадоваться, а я только хмуро покосилась на него, такого красивого. В этот момент меня взяло зло и на себя, и на Оберона, и на Гарольда, и на Уйму...

Уйма издал предостерегающий звук – не то кашлянул, не то зарычал.

- Одну минуту, – сказала я через силу. – Мы благодарны вам, ваше высочество, за это решение, но...

Язык не поворачивался говорить дальше. Уйма уставил на меня желтые яростные глаза.

- Есть одно условие, – выговорила я, стискивая посох. – Приданое.

- Приданое?

Король и принц снова переглянулись. Король нахмурился:

- Приданое готовят невесты!

- Калым, – сказала я и покраснела. Слово «калым» означало что-то совсем другое, оно было из другой жизни и другой сказки, я попала впросак, а Уйма и не думал помогать мне.

- Не понимаю, – сказал принц.

- Мастер-Генерал! – рявкнул Уйма, и от его голоса даже пламя в камине испуганно взметнулось. – Вы отдаете нам Мастер-Генерала, такое наше условие!

Темные стены зала сдвинулись, кажется, и духота сгустилась. Пот катился по мне градом, я вся была, как оплывающая свечка. Король-саламандра свел брови, его лицо сделалось еще суше и тоньше:

- Откуда вам известно, что в нашем замке покоится Мастер-Генерал?

- Это всем известно, – грохнул Уйма, прежде чем я вставила хоть слово.

- Он принадлежит стране вулканов, - сказал король так холодно, что у меня даже пот на мгновение высох.

- Пусть принц возьмет его с собой, а потом, возвращаясь с молодой женой, вернет на место, - не сдавался Уйма. - Страна вулканов получит его обратно. А если вы не согласитесь, то Алисию мы отдадим кому-нибудь другому, а принцу в жены достанется черноволосая злобная жена!

Принц в ужасе взглянул на отца. Я только теперь поняла, что он в самом деле очень хочет жениться на Алисии. Он не видел ее ни разу, но успел создать ее в своем воображении и влюбиться без памяти. Бедный Принц-саламандра!

- Нет, - сказал король, и слово прозвучало, как удар камнем о камень. - Я смотрел в огонь, и мне было видение... Вы, двое, убирайтесь из страны вулканов немедленно, сию секунду. Вы не получите ничего.

Глава 21

Гмурры

Я даже не расстроилась, честное слово. Даже не разозлилась на Уйму. Внутри меня было пусто-пусто: короткие гудки. Как в телефоне.

Нас опять провели по лестнице, полной пара, и от духоты я едва не грохнулась в обморок. Зато когда очутилась наконец под небом - воздух показался очень холодным, и меня стало трясти.

Была ночь. Я понятия не имела, который час. Небо, подернутое дымкой, ничем не могло мне помочь: глухой черный купол над головой, и все. В отдалении едва-едва краснел наш огненный шар. Хоть одна хорошая новость: Максимилиан не угнал его, значит, мы сможем вернуться, откуда прилетели.

Я представила, как выбираюсь из-за Печати в кабинете Гарольда. И как встречаюсь глазами с Обероном. И что его величество мне говорит... Хотя, скорее всего, ничего не говорит. Он просто посмотрит, и я немедленно уберусь домой, поскуливая как побитая собачонка.

Уйма шел впереди. От его неслышных шагов взлетали в воздух тучи пепла, я закашлялась и постаралась нагнать его. Идти за людоедом по этому плато - все равно что гнаться на велосипеде за чихающим старым автобусом...

Максимилиан сидел, все так же привалившись спиной к летающему костяку.

- Поесть чего-нибудь принесли? - спросил он вместо «Здравствуйте». Я в раздражении хлопнула себя по колену: сами-то мы наелись, а о некроманте забыли.

- Обойдешься, - сообщил Уйма. - Давай ищи палку какую-нибудь, камни там, чтобы этих тварей разозлить и...

И вдруг оборвал себя. Замер, прислушиваясь.

Ничего не было слышно. Даже ветра не было. Молча тянулись в небо серые и белые дымы.

Уйма повернулся и, ни слова не говоря, потрусил обратно. Пепел взлетал все выше, и людоед скоро скрылся в облаке.

- За бутербродом побежал, - пробормотала я устало. На самом деле у меня и догадки не было, за чем побежал Уйма. Не хватало еще и людоеда потерять.

Некромант молчал.

- Как ты тут? Видел чего-нибудь?

Некромант молчал.

- Что же ты даже не спросишь, как с нами обошелся Принц-саламандра?

- А как все обходятся, так и обошелся, - сверкнул глазами Максимилиан. - От Принца-деспота еле ноги унесли. Принц-пленник все равно что тень: то ли он есть, то ли его нет. Принц-саламандра послал вас подальше, даже и спрашивать не надо. Достаточно один раз на тебя взглянуть.

Я подняла посох:

- А если я тебя побью?

- А если я дам сдачи?

- А если я Уйме все скажу?

- А если...

Он замолчал. Я тоже услышала: шаги, голоса, кашель. Вроде бы звуки борьбы. Пепел на плато взметнулся так высоко, что не стало видно отдаленных дымов.

Я глянула на некроманта. Не хотелось, поворачиваясь к этой новой напасти, оставлять мальчишку за спиной. Зачем мы вообще его с собой тащили?!

Из зависшей в воздухе мути вырвались... я сразу и не поняла, кто это такие. Один, черный с головы до ног, тащил на плече другого, белого. И вслед за ними бежали и орали двое - погоня? Потом один из бегущих остановился и как врежет другому в подбородок! Тот зашатался и орать перестал, повернулся и припустил назад, и сразу же пропал за клубами пепла.

Я узнала Уйму, только когда он подбежал вплотную. И вовремя: у меня в животе уже собрался твердый горячий комок, еще секунда - и он хлынул бы вверх, в грудь, через левую руку - в посох и на врага. Уйма был аспидно-черный: это пепел прилип к мокрому голому телу. А тот, кто лежал у него на плече, бессильно болтал руками. А тот, что прибежал вслед за Уймой...

Принц-саламандра!

- Я решил, - сказал мне принц. - Отец не прав. Стране вулканов не нужен Мастер-Генерал, к нам ни один враг не сунется, мы его лавой зальем. А мне нужна жена. Рыжеволосая. Я столько раз смотрел в огонь, и мне было видение...

Я перевела взгляд на того, что болтался у Уймы на плече. Людоед сгрузил его на землю,

вернее на камень. Я увидела стеклянные глаза, чуть запорошенные пеплом, стальную спицу в груди...

- Полетели! - заревел над моим ухом людоед. - Макс, камнями в этих тварей, быстро! Все ругательства, какие знаешь, громко! Пошел!

Некромант послушно подхватил с земли камень и кинул его в шар довольно метко. Я испугалась, что прорвется оболочка, но она только мягко прогнулась, по шару пробежали волны, и тусклый красный свет на секунду сделался ярче.

- Скорее, - прошептал Принц-саламандра. - Сейчас прибежит стража.

Я вскинула посох, но побоялась ударить: что если лучом прорву оболочку? Вдалеке уже слышались топот и лязг металла, а шар был все еще холодный, тяжелый, единственная цепь, привязывавшая его к земле, грузно провисла.

Уйма швырял в огнекусов целые глыбы и ругался на диком островном языке. Максимилиан растопырил два пальца наподобие рогатки и, бормоча заклинания, расстреливал шар тускло светящимися шариками величиной с грецкий орех. Я про себя отметила: скверный мальчишка, он так опасен, а мы терпим его рядом с собой, да еще и со свободными руками... Принц-саламандра стоял, замерев, уставившись зелеными глазами в ночь, откуда приближалась погоня.

Он в самом деле очень хочет жениться на Алисии.

Повернувшись к шару спиной, я вскинула посох. Вспомнила, как однажды мы освобождали караван из песка - я произвела тогда целый вихрь, разметавший барханы...

Я крутанула посох против часовой стрелки. Повеяло сперва чуть-чуть, а потом вдруг как взметнется ветер!

Весь пепел и вся пыль, слежавшиеся на плато за невесть сколько времени, в один миг взлетели в воздух. Я закашлялась; пропало плато. Пропал из виду шар, хоть я стояла в двух шагах от него. Пропали Уйма, принц и Максимилиан, и не стало видно распростертого на камнях Мастер-Генерала.

Там, откуда приближалась стража, раздались испуганные вопли. А огнекусы проснулись наконец, зашипели и засвистели, и шелест и свист становились все громче...

- Лена! Ты где?!

Я кинулась на голос и налетела на Уйму, ударила в его мягкий живот.

- В корзину! Быстро!

Огнекусы визжали, как армия рассерженных чайников. Я поняла, что не знаю, где «корзина». Не видно было даже протянутой руки. Я метнулась вправо-влево, споткнулась о тело Мастер-Генерала и упала, сдирая ладони.

- Уйма! Помоги!

Он нашел меня по голосу. Подхватил тело (меня мазнуло по лицу холодной рукой мертвеца).

- Сюда!

Наконец-то я нащупала огромное птичье ребро. «Корзина» тряслась - шар рвался с привязи.

- Принц, сюда! Скорее! Где принц?!

Принца не было. Я металась вдоль решетки из ребер и никак не могла найти вход.

- Взлетаем!

Меня схватили за плечи и втянули на деревянный помост. Посох застрял между птичьими ребрами, я чуть руку не вывихнула. «Корзина» накренилась, на меня навалился всей тушей Уйма, впилась в щеку твердая пористая кость...

Рывок! Цепь не стала ждать, пока путешественники «отдадут концы», и порвалась. Нас рвануло кверху, грудная клетка огромной птицы завертелась в воздухе, как игрушка на резинке. Сперло дыхание - я бы точно задохнулась, если бы не свежий воздух, вдруг хлынувший со всех сторон.

Туча пепла, поднятая мной, осталась внизу. Мы поднимались все выше и выше к небу, над головой красным солнцем сиял шар, а прямо у меня перед глазами было плечо Уймы, черно-полосатое, в потеках пота.

- Где принц?!

Он был здесь. Сидел, вцепившись в мертвого Мастер-Генерала, и глядел на нас испуганными глазами.

- А где некромант?

У меня была тайная надежда, что Максимилиана в спешке забыли.

- Я здесь, - прохрипел мальчишка. - Пока еще... А-а-а!

Оказалось, Уйма сидел у него на груди.

* * *

Было далеко за полночь. Шар летел над низкими облаками, и мы первое время даже ни о чем не разговаривали. Отдыхали. Дышали воздухом. Скоро я начала мерзнуть. Притянула поближе посох, стала греть ладони о наверхие.

- С пылью - это ты хорошо придумала, - сказал наконец Уйма.

- Спасибо... Ваше высочество? Вам удобно?

- Холодно, - тихо сказал Принц-саламандра. - Я не подумал.

Тонкий облегающий костюм вроде чешуйчатого трико делал его похожим на акробата. Такая штука хороша в раскаленных подземных чертогах, но вряд ли способна дать хоть капельку тепла. Принц в самом деле «не подумал», да было ли у него время?

Я протянула ему посох. Он положил руки на теплое наверхие, и я увидела, какие у него синие ладони.

- Мы бы предложили вам что-то из одежды, но... - начала я. Беспомощно огляделась. Уйма был в одних штанах. Моя куртка или курточка Максимилиана приходились принцу явно не впору.

- Я сейчас что-то придумаю, - сказала я бодро. - Уйма, у тебя есть нож?

Я воткнула нож рукояткой в щель. Скоро лезвие засветилось красным, но тепла от него было мало. Ветер пробирал до костей. Полуголый и мертвый Мастер-Генерал лежал тут же, у всех под ногами, и никого не радовал.

Я с беспокойством поглядывала на принца. Тот все сильнее стучал зубами.

- Тут недалеко, - сказала я, пытаюсь его успокоить. - А скоро солнце взойдет, согреемся...

Принц склонился над моим ножом, я боялась, что он глаз себе выколет.

Дымка над нашими головами разошлась. Загорелись звезды. Было совсем тихо, если не считать шелеста и шипения огнекусов. Мы плыли в красном ореоле - зловещий кровавый свет подкрашивал облака внизу. Наверное, издали шар выглядел как комета, вестница несчастья.

- Что мы теперь будем делать? - шепотом спросила я Уйму.

- Принц-деспот, - коротко отозвался людоед.

Максимилиан громко вздохнул.

- Замок же нельзя... - начала я неуверенно.

Уйма смотрел на Мастер-Генерала. А тот мертво глядел вверх, туда, где из-за птичьих ребер пробивался красный свет.

- В конце концов, у Принца-деспота тоже есть Мастер-Генерал, - сказала я.

Уйма молчал.

- Не может быть, чтобы здесь не было других принцев, - я покосилась на Принца-саламандру. - Принц-чума...

- Молчи! - простонал Максимилиан. - Ну почему ты такая дура?

- Ну почему ты такой трус?

Шар чуть снизился. Огнекусы над нашими головами по-прежнему шипели и пощелкивали, но спокойнее и тише. И мы молчали, долго молчали.

- Я тебе не рассказывал, как в первый раз встретил Оберона? - спросил Уйма.

- Нет.

Людоед полуприкрыл глаза:

- Он угодил прямо в засаду. Выехал на холм... Солнце вставало у него за спиной. Я поднял копьё. Он смотрел на меня, а я на него. Между нами был десяток шагов... я бы не промахнулся.

Снова стало тихо, только Принц-саламандра стучал зубами от холода.

- И что?

- Он смотрел на меня, - повторил Уйма. - Без ярости. И конечно, без страха.

- И ты отказался бросать копьё?

- Я бросил, - Уйма странно ухмыльнулся. - Я бросил...

- И что?

Круглые гляделки людоеда затуманились: что-то там происходило, в его воспоминаниях, что-то непонятное, но очень важное для Уймы. Он открыл уже рот...

- Смотрите! - взвизгнул Максимилиан. - Мы падаем!

Огнекусы поскрипывали совсем уж неслышно. Шар медленно, неуклонно снижался. Вот нас окружили низкие облака, вот они разорвались клочьями, и внизу, совсем рядом, показалась темная земля. Я мигнула, ночным зрением увидела камни, кусты, низкие деревья, затянутые ряской болота и еще что-то: неясная тень метнулась от дерева к дереву. По ряске побежали волны, но мы летели все дальше, и скоро это место пропало из глаз.

- Гмурры, - прошептал Максимилиан с таким ужасом, что и у меня мурашки продрали по

коже.

Принц-саламандра поднял зеленые глаза. Я заметила: он с самого начала считал меня главной во всей экспедиции, хотя Уйма был старше и сильнее, да и сбежать из страны вулканов принцу помог людоед. Теперь принц ждал, что я приму на себя командование и разберусь с этой новой опасностью, но что я могла сделать?! У меня самой от ужаса живот заболел!

Уйма молчал. И Мастер-Генерал молчал, глядя вверх. Максимилиан сжался в комок, желая забиться между ребрами костяной «кабины». Нас было слишком много на этом шаре: трое взрослых, включая здорового Уйму, да еще мы с некромантом. Всей ярости огнекусов не хватало, чтобы дотянуть до пристани такой тяжелый груз.

- Что надо делать? - спросила я, обращаясь не то к людоеду, не то к некроманту.

- Надо их разозлить, - ответил за всех Принц-саламандра. - Их мало били на взлете. Надо разозлить их.

- Как?!

На земле мелькали огоньки. Не просто мелькали - перемигивались, это явно были сигналы. Дорожка мерцающих пятен бежала оттуда, где мы пролетали, вперед - туда, куда нас нес ветер и огнекусы. Туда, где по законам физики нам суждено было коснуться земли, туда, где нас уже ждали!

- Мы сядем, - сказала я, и каждое слово давалось с трудом, - и быстро разозлим их. И взлетим.

- Нам не дадут, - сказал Уйма. Он тоже смотрел вниз. У него было жуткое лицо - наверное, так выглядит людоед, которого поймали враги и тащат к кипящему котлу, а он готовится с достоинством принять смерть. - Нам не дадут взлететь.

- Мы не должны коснуться земли, - Принц-саламандра глядел на меня, надеясь на чудо. - Госпожа маг... вы... надо... надо разозлить их в воздухе.

- Ты умеешь летать? - отрывисто спросил Уйма.

- Нет, - сказала я быстро. - Я...

И замолчала, потому что все стало ясно. Я попытаюсь взлететь - из кабины несущегося над землей шара. Или взобраться наверх по ребрам и цепям - тоже хитрая затея. Так или иначе, меня сразу же снесет назад, вернее, шар улетит вперед, а я останусь. Побарахтаюсь в воздухе - и рухну в гости к гмуррам, и что они со мной сделают - никто не увидит, придется погибать в одиночестве!

Шар еще снизился. Теперь мы летели на высоте примерно пятиэтажного дома, будь здесь деревья побольше - цеплялись бы за ветки. К счастью, все, что росло на этих болотах, пригибалось к земле, будто боясь поднять голову выше дозволенного уровня.

От земли воняло. Не очень сильно, а так... словно кулек забыли прополоснуть после тухлой рыбы.

Принц-саламандра смотрел на меня. И Уйма смотрел на меня. И Максимилиан, сопя и всхлипывая, смотрел на меня. И только Мастер-Генерал, повидавший в жизни много сражений, смотрел в пространство.

- Ну ладно, - сказала я, прекрасно понимая, что еще секунда - и никакая сила не заставит меня разжать пальцы, вцепившиеся в птичье ребро. - Я... сейчас.

Я подобралась к краю дощатого настила - на четвереньках, одной рукой удерживая посох. Здесь не было никакой преграды между мной и несущейся землей, между мной и гмуррами, о которых я даже не знала, кто они такие, и знать не хотела, если честно. Мама! Как же мне хотелось проснуться в своей кровати, я даже глаза зажмурила! Вот сейчас открою их - а Петька и Димка кидаются подушками, а мама будит меня в школу...

Шар снизился еще на метр. Теперь земля неслась прямо перед глазами, казалось, протяни руку - коснешься. И падать не очень высоко...

Ага - невысоко! Как из окна нашего класса, с четвертого этажа! Директриса всегда страшно орала, если видела, что кто-то открыл окно и высунулся наружу...

Я хотела спрыгнуть, но не смогла. Села на корточки и сползла, как сползают с края бассейна те, кто боится влезть на вышку. Ветер подхватил меня и взмахнул, как флажком, я вцепилась в край доски и чуть не выронила посох. Я летела, но только потому, что все еще держалась за настил!

И не могла бы разжать пальцы никогда и ни за что.

- Давай!

Меня ударили по руке. Больно было так, что глаза на лоб полезли. Пальцы разжались сами собой. Я завизжала; это вовсе не был боевой клич. Это был визг перепуганной малявки, которой наступили на руку.

В следующую секунду я увидела шар со стороны - он все еще светился красным, хотя и очень тускло, и улетал, улетал все дальше, опускался все ниже, до столкновения с землей оставалось, наверное, несколько минут...

Я полетела вниз.

Почти упала. Почти. За секунду до удара о колючий куст мои глаза встретились с другими глазами, глядящими из темноты. Это были немигающие, очень внимательные глаза. Наверное, я буду вспоминать этот взгляд долго-долго. Наверное, он будет мне сниться.

Ужас и омерзение - вот что меня выручило. И остатки мужества. Я взмахнула руками, как птица, и подлетела вверх, не очень высоко. Распласталась в воздухе, вспомнила, как летал когда-то Оберон... Который не пускал меня сюда! Который знал, что может со мной случиться! Который ждет за Печатью, который никогда не простит себе моей смерти!

Я маг. Я умею летать.

Порыв ветра перевернул меня, как пустой полиэтиленовый кулек. Я забилась, пытаюсь балансировать посохом. Огляделась. Шар был далеко в стороне - он уже почти касался земли.

Вот беда - я умела болтаться в воздухе, но летать быстро, как птица, как Оберон, я никогда не пробовала. Плыть? Я взмахнула свободной рукой, но снова потеряла равновесие. Умение плавать тут не поможет... Никто не летает ни кролем, ни брассом!

Я вытянулась в струнку, опираясь руками на посох. Мне надо быть там. Там, где шар. Мне

очень надо туда попасть...

Засвистел в ушах ветер.

Я была словно иголка, проколовшая пространство. Как бы ни было страшно, как бы ни было жутко – этот скоростной полет стал одним из лучших мгновений в моей жизни. Будто петарда взорвалась в животе, будто горящий бензин хлынул по каждой жилке, я заорала – но это уже был настоящий боевой клич. Крик человека, который собирается победить. Шар становился ближе, ближе, я не стала смотреть, что там делается внизу, в «корзине» из птичьего костяка. Я подлетела к шару, где засыпали на ходу огнекусы, и изо всех сил ломанула посохом по оболочке.

- Просыпайтесь! Гады паршивые! Сволочи дебилные!

Почему-то мне вспомнилась биологичка в эту минуту. Это она нас так обзывала на уроках. Вряд ли огнекусы поняли хоть слово – но я лупила и лупила посохом, как палкой, и темный шар понемногу стал разгораться. И «кабина», едва не чиркнув по земле, снова отделилась от нее. А я была, молотила что есть силы, иногда теряя равновесие и отлетая прочь, но потом снова возвращаясь и добираясь до лентяев своим посохом.

Шар разгорался, и скоро на него уже нельзя было смотреть. Нельзя было подлетать слишком близко, от него так и пыхало жаром. Появилась новая опасность: если я, не рассчитав, упаду на шар или коснусь его – обгорелые кости останутся!

Мы влетели в облака и вынырнули с другой стороны. Небо было все в звездах, и только с одной стороны, на востоке, вроде бы наметилась бледная полоса. Рассвет!

Я раскинула руки, как это делал Оберон. Чувство было такое, будто меня несет быстрая река – рядом с шаром, чуть в стороне. Я повернула голову – зашаталась – вернула равновесие. Теперь я летела, глядя на своих спутников в костяной корзине.

А они смотрели на меня.

Честно говоря, я бы всю жизнь согласилась вот так лететь. И пусть бы они смотрели.

Всю жизнь.

Глава 22

Сомнения и находки

Когда мы приземлились, Принц-саламандра не смог сам выбраться из птичьего костяка. Он околел так, что еле говорил. Уйма вытащил его на руках и сразу же взялся раскладывать костер. Некромант помогал ему, хотя его и не просили.

Среди хибар и помостов, из которых состояла пристань, Уйма отыскал особенно ветхую

развалюху и пустил ее на дрова. Никто и слова не сказал – перевозчика поблизости не было. Наверное, спал. Людоед развел костер чуть не до неба; Мастер-Генерал лежал, повернув голову, и пламя отражалось в его мертвых глазах. Вряд ли это была удачная затея – всюду таскать за собой покойника.

Принц-саламандра безучастно сидел, пока разжигали огонь. Я тревожилась все больше: а что если он теперь умрет от переохлаждения или серьезно заболеет?!

Костер разгорелся. Я отползла подальше – и без того лицо горело, обожженное ветром и дыханием огнекусов. А Принц-саламандра, наоборот, придвигался все ближе. Я не успела оглянуться – он сунул в огонь руки по локоть. По локоть! Я хотела закричать, выдернуть его из огня, но он опередил меня. Прыг – и дрова затрещали, расседаясь, выстреливая в небо искрами, а Принц-саламандра уселся в самом центре костра, скрестив ноги, и на лице у него было блаженство.

- Дорвался, – сказал Максимилиан, ни капельки не удивляясь.

Принц-саламандра грелся в огне. Языки пламени плясали вокруг его лица, черное чешуйчатое трико сделалось темно-красным. Принц улыбался мне, до ушей растягивая большой рот, посверкивая добрыми зелеными глазами.

- Вы удивительная, госпожа маг, – и голос его звучал не тихо и сдавленно, как в воздухе, а уверенно и звонко. – Никогда в жизни не видел таких, как вы.

- Я тоже, – сказала я честно.

Уйма посмеивался. Пепел страны вулканов присох к его коже, и людоед был похож на черного дэва, персонажа восточных сказок.

* * *

Почти весь день мы проспали, забившись в рощу у подножия холма. Я бы спала и ночь, и весь следующий день, но Уйма разбудил меня.

Максимилиан, поднявшийся раньше всех, наловил, оказывается, рыбы, развел костер и запек рыбу в золе. Мне показалось подозрительным такое рвение, я на всякий случай проверила посохом, не отравлена ли еда. Оказалось, нет.

- Пойдем за Печать, – сказал Максимилиан Уйме, когда от его улова остались только кости и плавники, перепачканные золой. – Нехорошо гневить судьбу. Пойдем. Пожалуйста.

В отличие от Принца-саламандры, некромант признавал главным только Уйму, и никого больше. Даже после моего ночного полета.

Уйма шевельнул толстыми пальцами:

- Возьмем тебя, не бойся. Только еще не все.

- Не все?! – некромант мельком взглянул на Принца-саламандру, задумчиво пересыпавшего из ладони в ладонь горячие угольки. – Что еще? Чего больше?

- Замок будем брать, – объяснил людоед. – Принца-деспота хватать в плен, замыкать в колодки, вести за Печать.

Максимилиан мотнул головой в полнейшем отчаянии, взметнулись когда-то белые, а теперь грязные и спутанные волосы:

- Ну что за проклятье?! Разобьетесь в лепешку, хоть как колдуй, хоть как сражайся, опять вас схватят, посадят в клетки, отберут ключ!

- Не схватят, - Уйма глядел на мертвого Мастер-Генерала. - Ты, чем хныкать, подумал бы лучше, из чего нам войско сделать.

- Что может ваше войско?! - Максимилиан чуть не плакал. - Говорю же - пробовали уже! Это сплошной камень, его не проломишь, не взорвешь, некуда осадную лестницу забросить, некуда тараном бить... И с чего ты взял, что он, - некромант кивнул на мертвеца, - встанет?!

- Последний бой, - негромко сказал Уйма. - Должен.

- Эй, ты, - Максимилиан обернулся к Принцу-саламандре, - он у вас хоть раз воевал?

Я качнула посохом: искра, довольно крупная, щелкнула некроманта по башке, затрещали светлые космы, запахло паленым.

- Ты! - Максимилиан вскинулся, нехорошо блеснул глазами. - Ты что?

- Почтительнее с нашим гостем, - сказала я холодно. - Обращаться «ваше высочество» и вставать при этом, понял?

Некромант глянул на Уйму. Людоед добродушно оскалился:

- Дело говорит наш маг дороги. Будь повежливее, сынок.

Максимилиан посмотрел на меня с такой ненавистью, что сделалось не по себе.

Принц-саламандра, как ни в чем не бывало, подбросил сосновых веток в костер. От углей занялась сперва хвоя, потом веточки потоньше, и даже толстые сучья затрещали в огне.

- Так из чего мы сделаем войско? - снова спросил Уйма.

Мне в руку впилась будто раскаленная иголка. Я подпрыгнула: муравей! Огромный рыжий муравей, и еще несколько ползут по колену. Не хватало еще, чтобы они забрались под штаны!

- Зачем нам ломиться в замок, если можно пробраться из подземелья? - спросила я, растирая место укуса.

Некромант и людоед одновременно посмотрели на меня.

- Из Соляной Бездны? - с ужасом спросил Максимилиан.

- Чтобы освободить Принца-пленника, замок надо брать приступом, а не хитростью, - меланхолично заметил Уйма. - И потом... В ту дырку разве порядочное войско пролезет?

Я вспомнила узкий подземный ход в склепе повешенного короля Вырвиглаза.

Максимилиан скрестил руки на груди:

- Ваше дело кислое. Замок вам не взять, а если взять, то деспота живым не захватить. А если

захватить - вам же все равно надо пять принцев! Пять, а не три! Какая разница, добудете вы деспота или нет? Вы все равно проиграли, так зачем же зря рисковать?

Уйма оскалится. Молниеносным движением сгреб некроманта за воротник:

- А вот сейчас мы тебя семечками правды покормим и поглядим, что за чем. Не может такого быть, чтобы других принцев в окрестностях не было!

Я покосилась на Принца-саламандру. Мне было неудобно, что все это происходит при нем, но он, казалось, не обращал внимания - забрался в костер, сел, скрестив ноги, и задумался, изредка лоя губами искры. Думал о рыжеволосой невесте?

- Все будет хорошо, - сказала я саламандре. Тот рассеянно улыбнулся.

- Давай, - Максимилиан извивался, пытаясь вырваться из цепких лап людоеда, - корми, спрашивай! Не знаю я ничего, только...

- Только что?

- Только Принц-чума, - Максимилиан обреченно обвис, и Уйма его выпустил. - Идите, ищите чуму на свою голову. Только оставьте мне ключ от Печати, потому что когда вы с ним встретитесь, вам уже ключ не понадобится!

И некромант закашлялся с таким видом, будто вот-вот умрет от разочарования. Принц-саламандра потянулся из костра, взял ветку потолще, подмостила под себя, чтобы веселее горело. Он по-прежнему делал вид, что наш разговор его ни капельки не касается.

Я вспомнила Принца-пленника. Как он сидит в темноте и разговаривает сам с собой, чтобы не забыть человеческие слова. А на полу под его клеткой шелестят смужелицы, огромные черные жуки. «Я обречен... я состарюсь в этой клетке...»

- Все равно нам надо штурмовать замок, - услышала я свой голос. - Хоть бы там что. Я сама возьму посох и...

Максимилиан противно хихикнул. Мне в который раз захотелось огреть его по башке.

- Я тоже пойду, - вдруг сказал Принц-саламандра. Я вздрогнула от неожиданности. Принц сидел в костре, положив руки на колени, в зеленых глазах отражалось пламя. - Правда, я никогда не штурмовал замки. Не приходилось. Но я возьму оружие и пойду вместе с Леной.

- Спасибо, - у меня горло перехватило от благодарности. - Но понимаете, ваше высочество...

- Пойдем вместе! - рявкнул Уйма так, что мы с некромантом одинаково подпрыгнули. - Я так и знал, что его высочество окажется достойным человеком!

- Но, Уйма, мы не можем... - начала я.

- Мы должны! - людоед дико сверкнул глазами. - Победим мы или умрем, но мы пойдем до конца и сделаем все, чтобы Обещание Оберона было выполнено! А если нам понадобится Принц-чума - притащим и чуму!

- Какой хитрый этот Оберон, - пробормотал Максимилиан, отползая на всякий случай подальше от Уймы. - Обещал-то сам, а выполнять его обещание...

Уйма потянулся, чтобы схватить его за ногу, но замер на половине движения. Он смотрел куда-то мне за спину. Не люблю таких взглядов.

Посох был уже у меня в руках. Я вскочила, оборачиваясь...

- Братя!

Мастер-Генерал, голый до пояса, со спицей, все так же торчащей в груди, сидел на опавшей хвое. Взгляд его холодных голубых глаз, еще недавно мертвых и неподвижных, остановился на мне. Бывший мертвец добавил все так же, без выражения:

- И сестры. Я с вами, а значит, мы победим. Если у вас... а кстати, есть ли у вас хоть какое-нибудь войско?

* * *

- А еще можно сколотить такие штуки из дерева, на четырех ногах, на четырех гвоздях. Облить смолой и поджечь. И пусть они бегут в первых рядах, а стражники от страха...

- Вот-вот! Стражники от страха закроют дверь, и привет! К тому же эти твои горючие твари прогорят до головешек, пока добегут. Золой рассыплются перед воротами!

Принц-саламандра опустил голову. Мне не очень нравилось, как Уйма с ним говорит - без должного уважения. Я толкнула людоеда локтем в бок. Уйма покосился. Закатил глаза к небу, будто говоря: ты еще со своими условностями.

Мы лежали на том самом холме, под которым не так давно Уйма одолел в традиционном состязании городского палача. Схоронившись в густой высохшей траве, мы смотрели на замок, и чем дальше смотрели, тем хуже становилось у меня на душе.

Серая глыба морщинистого камня казалась абсолютно неприступной. Две уродливые колонны у входа, узкий провал ворот - стоит закрыть его камнем, и можно хоть головой о стенку биться!

- Да и сколько времени уйдет на все это? - вслух рассуждал Уйма. - Кукол шить, страшил из дерева сколачивать...

- Ждать не стану, - у Мастер-Генерала был хриплый, сорванный в боях голос. - Три дня - и атакуем всеми наличными силами. Ты, я, этот парень из огня да девчонка с мальчишкой. Это будет красивая смерть.

Я не понимала, говорит он всерьез или издевается.

- А если собрать со всего леса волков? - Принц-саламандра был человек с фантазией. - Пусть идут лавиной...

- Они ворота закроют, - объяснил ему Уйма, как маленькому. - Только зря зверей губить.

- Решимости у вас на целую армию, - Мастер-Генерал усмехнулся. - А умишка, гляжу, маловато. На одного десятника не наберется.

Я хотела ответить, да что толку?

Сегодня был не базарный день. Окрестности замка расстилались, как пустыня, редко-редко прошмыгнет человек с охапкой хвороста на плече. Домишки и будочки - базар перед замком

- пустовали. Ветер покачивал петли на виселицах вдоль дороги. У меня заняло сердце: я так и представила, как мы висим рядком. Я, Уйма, некромант... и Принц-саламандра.

Ай! Муравей, забравшись под рубашку, сомкнул челюсти у меня на животе. Зашипев от боли, я перевернулась на спину и зашлепала ладонями, будто пытаюсь сравнять свой живот с землей. Проклятый муравей, хоть и куснул больно, помог мне избавиться от страшной картины перед глазами.

Я снова перевернулась на живот, как пулеметчик в засаде, и подумала: вот он, решающий момент. Мастер-Генерала мы добыли с риском для жизни, и еще неизвестно, сможет ли Принц-саламандра вернуться в родную страну. Прославленный воин ожил - а ведь некоторые такого счастья веками ждут! И замок вот он, как на ладони, там томится в темноте Принц-пленник, которому я обещала вернуться. Там прохлаждается Принц-деспот, убийца и предатель. А мы сидим, как дураки, и ничегошеньки не можем сделать перед этой серой твердыней!

Другой муравей цапнул меня за плечо. Я скатилась с пригорка, ругаясь вполголоса, и пошла куда глаза глядят. Максимилиан сидел у костра. Уйма велел ему ждать - и некромант ждал, опустив голову, насупившись, думая о своем.

- Эй, Макс! Ты можешь чудищ понатворить, чтобы они замок взяли?

- Иди ты, - некромант отвернулся. - Этот замок не берется.

- А мертвецов поднять? Тут вон кладбище совсем рядом, поднимай - не хочу. Да еще висельники. У них к Принцу-деспоту свои счета.

Он зыркнул на меня с откровенной злобой, будто я тыкала пальцем в его болезненную рану. Ах да: он же до смерти боится мертвецов. Да и что смогут мертвецы, если каменные двери закроются?

- Может, надо мертвецов-невидимок? - подумала я вслух. - Чтобы они невидимыми дошли до дверей и навалились на стражников. Чтобы те не успели закрыть ворота... Макс, ты можешь сделать Уйму невидимым?

- А ты?

Я подумала. Повертела посох в руках:

- Нет, - призналась наконец. - Не могу.

- И я не могу. И отстань от меня.

- Ну что ты такой злой? - я села рядом. - Я тебе жизнь спасла. Ты меня предал. Я тебя простила. В стольких переделках побывали вместе. Ну зачем нам быть врагами, ты мне объясни?

Он по-собачьи приподнял верхнюю губу. Хотел что-то сказать, но в этот момент и его цапнул муравей. Некромант подскочил, шлепая себя по попе так свирепо, будто на него напало раскаяние и он решил самонаказаться сразу за все грехи.

- Вот твари, - сказала я сочувственно.

- А знаешь, что твой Уйма палачу рассказывал? - спросил меня некромант, немного

отдышавшись. – Про казнь в муравейнике? Ты думаешь, так просто – посадить осужденного на кучу, и пусть муравьишки жрут его? Не-ет, все не так просто! Твой людоед придумал вот что: перед казнью жертве дают напиться сладкой воды, а потом...

Он говорил и говорил, но я его не слышала. Я смотрела, как шевелятся его губы, как сужаются и расширяются черные зрачки, а в голове у меня царил сумбур. Перед глазами стояли ворота между двух колонн, базар, виселицы... Вот ворота закрываются...

Повернувшись к Максусу спиной, я рванула на вершину холма, спотыкаясь от нетерпения.

– Послушайте! Я знаю!

Ко мне обернулись три лица: бронзовое Уймино, бледное Принца-саламандры, желтоватое Мастер-Генерала.

– Я знаю! – я упала на живот между людоедом и принцем. – У нас есть войско. Мы победим!

Мастер-Генерал приподнялся на локте. В его блеклых голубых глазах появился интерес:

– Из этой бестии получился бы неплохой воин, если бы ей посчастливилось родиться мальчишкой.

– Выкладывай, – велел Уйма, ноздри его раздувались. – Но, если это ерунда, если ты орешь понапрасну... выпорю своими руками. Не посмотрю, что маг.

* * *

Вечером Уйма с Максимилианом прогулялись в ближайшую деревню и раздобыли несколько необходимых нам вещей. Не штурмовать же замок голыми?

Глава 23

Штурм

Утром мы дождались, пока стражники откроют ворота, и двинулись по торговой дороге к базару. Вид у нас был по возможности мирный: впереди шагал Уйма, одетый по-крестьянски, с топором на одном плече и вязанкой дров на другом. Мастер-Генерал, облаченный в плащ с капюшоном, шагал за ним и вел на веревке меня с Максимилианом. Оказывается, в этих краях торговля детьми была таким обычным делом, что никто не мог вызвать меньше подозрений, чем мирный купец, ведущий на базар мальчика и девочку.

Замыкал шествие Принц-саламандра. Поверх чешуйчатого трико он натянул полотняную куртку и штаны да еще завернулся в одеяло, потому что постоянно мерз.

Он шел и оглядывался назад. По-моему, слишком часто оглядывался. Мне и самой все время хотелось обернуться, я ступала как можно тише, вслушиваясь в звуки за нашими спинами.

Ветер? Трава шелестит? Мороз продирает по спине от этого шелеста. Казалось, вслед за нами идет невидимый ужас, и там, где он проходит, трава поднимается дыбом.

На базаре еще никого не было, большинство лавок стояли закрытые, сборщик податей ходил, позевывая, и от нечего делать заглядывал под прилавки, не закатилась ли монетка. При виде нас он сунул ладони за пояс:

- Чужие? Новые? С чужаков удвоенная пошлина за место, грош за почин, два гроша за охрану!

Я потихоньку выпустила веревку, которой только для виду были связаны мои руки. Максимилиан сделал то же самое. Принц-саламандра подступил ближе, в мою протянутую ладонь лег теплый посох Оберона.

- Помилуйте, - смиренно сказал Уйма. - Мы ведь еще и не выторговали ничего!

Я дрожала. Принц-саламандра сдавил мое плечо. Напрасно он решил, что я трусиха: меня колотило от волнения, а не от страха!

Максимилиан с отсутствующим видом глядел в небо.

- Расплатишься товаром, - сборщику податей очень не нравился людоед. - А будешь много говорить, наведу на тебя досмотрщика. Вон видишь, патруль идет из замка?

Уйма почесал нос, вид у него был глупый:

- Патруль? Это как?

- Ты у меня договоришься, остолоп! А ну половину товара сюда, живо!

Уйма потоптался, соображая, чего от него хотят. Потом крикнул, снял вязанку с плеча и опустил на голову сборщику податей. Я зажмурилась.

- А-а-а! Патруль! Сюда!

Не знаю, кто кричал, но точно не сборщик. Тот повалился в пыль без единого слова. От замка в самом деле неслись вооруженные люди – трое с пиками, бородатые и удивленные: на их памяти никто на этом базаре не осмеливался обидеть сборщика податей!

Я вскинула посох.

Уйма поднял над головой топор. Принц-саламандра и Мастер-Генерал оцетинились мясницкими ножами.

- Время, - сказал Уйма уголком рта.

- Братья! - сорванным голосом рявкнул Мастер-Генерал и сбросил с лица капюшон. - Наш час настал!

Стражники все еще бежали. Они не узнали Мастер-Генерала с первого взгляда, они не ждали увидеть его на базаре, в сером рваном плаще, в роли торговца детьми. Но через секунду им открылось кое-что другое.

Я видела, как вдруг исказилось лицо того, что бежал впереди. Как он резко затормозил, чуть не падая, словно перед ним вдруг открылся край обрыва. Двое других налетели на него, и он все-таки упал, а пыль и мусор уже шевелились, уже явственно слышался шорох, и вот сплошной поток темно-красных лесных муравьев захлестнул базар, затопил его и хлынул дальше, на замок, на тех, кто его защищал.

В воздухе завис противный кислый запах. Они собрались из ближних и дальних муравейников. Каждый из них был теперь солдатом, и место муравьиной королевы в их крохотном умишке занял Мастер-Генерал. Не заботясь о собственной жизни (да и что такое жизнь для муравья?), они спешили вперед, туда, куда их вел приказ, и передний край шевелящегося темного ковра вздымался волной – так хотелось воинам поскорее ворваться в замок.

Бегущие стражники повернули обратно. Их пики остались валяться в пыли и через мгновение скрылись под массой муравьиных тел. А тот, что упал, не успел подняться, его захлестнуло, я увидела перекошенное лицо, по которому бежали, путаясь в бороде, все новые муравьи...

- Дайте приказ не добивать пленных! - я кричала, срываясь на визг. - Дайте приказ не добивать!

Муравьи неслись по стражнику, как по бревну или другому препятствию. Воя от ужаса, он сумел-таки подняться, покачнулся и снова упал, задавив своим телом сотни муравьев, на место которых тут же навалились тысячи.

Орали люди на полупустом базаре. Карабкались на прилавки. Я обернулась к Мастер-Генералу.

- Арьергард! - рявкнул он, свирепо глядя на Уйму. - В атаку! Ура!

Уйма взревел и крутанул в воздухе своим топором. И, утопая по щиколотку в нашей войне, мы кинулись в атаку.

Мастер-Генерал бежал впереди. Рассекаемый им воздух расходился волной в обе стороны, будто вода под режущей моторной лодкой. Эта волна несла меня, как щепку, несла Уйму и Принца-саламандру, и некроманта, который поначалу думал сбежать, она несла тоже. Максимилиан визжал, как атакующий каратист, мы с ним неслись позади взрослых плечом к плечу.

Передний отряд муравьев докатился до ворот. Стража к тому времени разбежалась, бросив оружие, на посту остался один ветеран с нашивками - начальник. Он один попытался закрыть ворота, кинулся к подъемному механизму, однако нож, брошенный Принцем-саламандрой, вонзился ему в руку.

Мы ворвались в замок, не встретив сопротивления. Ведомые волей Мастер-Генерала, муравьи расползались по коридорам и лестницам - для них не существовало ни решеток, ни запертых дверей. Принц и Генерал подхватили с пола брошенные пики, стряхнули с них маленьких солдат. Уйма так и не расстался с топором.

Поток муравьев иссяк. Все атакующие были внутри замка; за поворотом коридора катался по земле начальник стражи.

- Не добивать пленных! - рявкнул Мастер-Генерал. - Не добивать!

У стражника было жуткое, опухшее и красное лицо. Я направила на него посох, напряглась, чувствуя, как немеют ладони. Перекатился свет в изумрудно-рубиновом наверху, будто лампочка мигнула. Отекшие глаза открылись, начальник стражи задышал, постанывая и хватая воздух ртом.

- Я тебя вылечу, - пообещала я, - если проведешь к Принцу-пленнику.

- Пленника освободит тот, кто возьмет замок штурмом, - прохрипел бедняга. Он был ранен: нож Принца-саламандры пробил ему ладонь.

- Замок взят! - рявкнул Уйма. - Или будет прежде, чем ты околеешь!

- Веди, - приказала я. - Или муравьи вернутся.

- Я поведу!

- Ищите деспота, - велела я людоеду. - Здесь полно стражи в коридорах и еще доктор-

отравитель.

- В бой! - рявкнул Мастер-Генерал. - Захватить тронный зал! Захватить арсенал и кордегардию!

И добавил уже не командным, а обыкновенным человеческим голосом:

- Как долго я ждал этой минуты...

Глава 24

Деспот

Я торопилась. Не только потому, что мне хотелось поскорее освободить Принца-пленника. Я почти жалела о своей затее: вид искусанного муравьями начальника стражи привел меня в ужас. Я надеялась, что, быстро освободив пленника, я сумею помочь остальным побежденным. Какими бы головорезами они ни были - никто не заслужил такой судьбы!

Поэтому я бежала по коридору и заставляла бежать начальника стражи. С моей помощью он почти пришел в себя, во всяком случае удушье от отеков ему больше не грозило.

- Далеко еще?

Он сопел и как-то странно на меня оглядывался.

- Далеко еще? - я почти кричала. - Если ты меня обманешь...

Он вдруг упал на колени, выронил факел, и тот продолжал гореть на каменном полу:

- Пощадите. Я не знаю, где спрятан Принц-пленник. Никто не знает, кроме нашего хозяина. Не посылайте на меня муравьев!

Я остановилась. Новость была такая, что потребовалось почти полминуты для осознания. Ну почему, с какой радости мне подумалось, что любая собака в замке посвящена в великую тайну?!

Я была в узилище принца и помню, что туда надо подниматься по лестнице. Но разве из этого следует, что я сумею заново отыскать эту лестницу в лабиринте переходов? Начальник стражи все еще стоял на коленях, и красное опухшее лицо его было вровень с моим. Мне сделалось неловко, даже стыдно.

- Э-э-э... Ну встаньте. Пожалуйста.

В замке шла борьба. Кто-то кричал, крик прыгал от стены к стене, искажался и передразнивал собственное эхо. Отчетливо запахло дымом. Неужели они решились поджечь замок, чтобы избавиться от муравьев?

Я тряхнула головой. Мне было жалко начальника стражи, но одна только жалость не могла спасти ни его, ни меня, ни Принца-пленника. Надо было принимать решение, а сил почти не осталось: я чувствовала себя маленькой, слабой и глупой. И начальник стражи прочитал это по моим глазам.

И вскочил.

Я не успела отпрыгнуть. Пальцы с широкими, коротко остриженными ногтями вцепились в посох и рванули на себя. Куда мне было тягаться со взрослым сильным мужчиной! Не знаю, как повернулась бы моя судьба (а также судьба многих других людей), если бы за секунду до того, как выскользнуть из моих рук, посох не разразился трескучей зеленой молнией.

Начальник стражи взвыл, выронил добычу и бросился бежать по коридору. Не раздумывая, я подхватила свое оружие и кинулась вдогонку. Правда ли, что вместе с посохом Оберон передал мне часть своей силы и мудрости?

Стражник легко обогнал бы меня, вздумай мы с ним бежать дистанцию на школьном стадионе. Но мы не на дорожке соревновались, а плутали в подвалах Принца-деспота. Мой соперник плохо видел в темноте, а факел остался валяться на полу далеко за нашими спинами. К тому же муравьиная атака не прошла бесследно для начальника стражи: даже сильно отстав, я слышала его хриплое дыхание.

Куда он бежал? Я не имела понятия. Запах дыма пропал, вместо него все сильнее воняло муравьями, это значило, что основная битва кипит где-то совсем неподалеку. Стражник бежал все медленнее и наконец остановился. Задержал дыхание, мешавшее ему прислушиваться. Я тоже замерла и перестала дышать, хотя отработанный воздух так и рвался наружу. Стражник на цыпочках зашел за угол, я услышала, как он стучит огнем, потом увидела слабый свет за углом. Кажется, он зажег свечку.

Заскрежетало железо, как будто отпирали дверь или поднимали решетку. Потом я услышала срывающийся, горячечный шепот.

Я разбирала каждое слово, хоть стражник говорил еле слышно, невнятно. Может быть, во мне наконец-то прорезалась способность слышать тайное? Так или иначе, у меня мороз продрал по коже, когда я услышала:

- Поднимайтесь, Мастер! Поднимайтесь на последнюю битву! Замок взят, мы побеждены, только ваша рука вернет нам надежду! Поднимайтесь на бой - ради доблести, ради славы!

Я уже знала, с кем он разговаривает, и испытала одновременно разочарование и жалость: разве старый дурак не видел, на чьей стороне сегодня Мастер-Генерал?!

Зато невозможно описать, что я почувствовала, когда за углом раздался знакомый сорванный голос:

- Друзья... Друг. Я с вами. А значит, мы победим.

С посохом наперевес я вырвалась из-за угла и увидела Мастер-Генерала, с натугой вырывающего кинжал из собственной груди. Он сидел на краю стенной ниши, золотые парчовые рукава выбивались из-под черного жилета, по плечам рассыпались грязные волосы, заплетенные кое-где в косички. Это был совсем другой - и это был тот же самый человек, я узнала его, это он только что вел нас в атаку!

- У вас есть войско? - отрывисто спросил Мастер-Генерал у начальника стражи, опустившегося перед ним на одно колено. На меня Генерал не смотрел, а начальник стражи меня не видел, потому что благоговейно опустил глаза:

- Все войско нашего принца к вашим услугам. Три сотни бесстрашных рубак...

Три сотни! Против Уймы, меня и Принца-саламандры, а Максимилиан и муравьи не в счет!

- Идем, - Мастер-Генерал поднялся.

- Предатель! - я заступила ему дорогу (начальник стражи отшатнулся). - Ты забыл, за кого ты сражаешься? Ты же *нам* обещал победу!

Я была готова к тому, что он сделает большие глаза и не узнает меня. Он же ответил спокойно и просто:

- Вы уже одержали победу. Замок взят. Ваш последний бой завершен. Несправедливо не дать сопернику возможность реванша.

- Реванша?! Мы еще не взяли Принца-деспота, не освободили Принца-пленника, о какой победе ты говоришь?!

Он даже улыбнулся моей наивности. Раньше я и не думала, что он умеет улыбаться.

- О победе, которая превращается в поражение и обратно. Так всегда бывает, потому что война - это и есть жизнь. А теперь уйди с моего пути, я поведу мое войско в последний бой!

И он шагнул вперед, ни капли не сомневаясь, что вот сейчас я отступлю и дам ему дорогу.

Не знаю, умела я видеть тайное или это фантазия разыгралась, но в этот момент я увидела, как

муравьи, переставшие быть войском, бестолково расползаются по замку, ищут пути к отступлению и кусают при этом правых и виноватых. Как безучастно смотрит на все это Мастер-Генерал – наш Мастер-Генерал, тот самый, ради которого Принц-саламандра поссорился с отцом. У него торчит в груди стальная спица, и он опять превратился в безучастное мертвое тело, начисто лишенное совести. Минуты не пройдет, как солдаты Принца-деспота опомнятся и перейдут в наступление, им никакой генерал не нужен, на их стороне численное преимущество!

- Предатель! – крикнула я со слезами в голосе, и мой посох выстрелил зеленым огненным лучом. Луч угодил Мастер-Генералу в грудь, в то место, откуда еще несколько минут назад торчал кинжал. По черному кожаному жилету червячками запрыгали молнии. Мастер-Генерал посмотрел удивленно, шагнул вперед и повалился бы прямо на меня, если бы я не отпрыгнула.

Он не шевелился. Лежал лицом вниз. У меня раздулись ноздри – не потому, что я приняхивалась, не надо было стараться, чтобы учуять пыль и гарь в воздухе над мертвым телом. Я направила посох в грудь начальнику стражи: встань перед ним трехголовое склизкое чудовище, и то он смотрел бы веселее.

- Где Принц-пленник? – спросила я страшным голосом.

Он застонал и бросился прочь, не разбирая дороги. И на этот раз я за ним не погналась: ясно же, человек не в себе.

Догорала на полу потерянная свечка. Я огляделась. Что бы ни происходило сейчас в замке, мне надо найти Принца-пленника, ведь в прошлый раз по дороге к нему я проходила здесь, проходила мимо Мастер-Генерала...

Я посмотрела на тело, расprostертое на полу. Оживет он еще когда-нибудь или нет? Мне было скверно, как будто я в самом деле убила человека. И я ведь давно его знала, еще с тех пор, как он был мертвым телом и летел с нами на огненном шаре. Я ему доверяла, шла за ним в бой, он был мой Генерал...

Я наклонилась, чтобы перевернуть его на спину, но в последний момент испугалась. Не хотелось смотреть ему в лицо. И не было времени – каждая минута могла стать последней и для Уймы, и для Принца-саламандры, и для Максимилиана... если он, конечно, еще сражается, а не сбежал куда-нибудь под шумок.

Свечка зашипела и погасла, только мне было наплевать – я ведь маг и вижу в темноте. Если бы только найти дорогу в лабиринте!

Как бы поступил на моем месте Оберон? Очень просто: в тот раз он запомнил бы дорогу и теперь просто повторил ее, вот и все. Но я ведь совсем не помню, куда шла! Мимо каменного ложа Мастер-Генерала... Вот так... К выходу из коридора... А теперь направо или налево? Я ведь уже проходила здесь. Эти стены помнят мое дыхание. Этот пол знает мои шаги. Так направо или налево?!

Неподалеку гроыхнуло, и тонкой струйкой посыпался песок с потолка. Я сжала посох и вдруг ясно поняла, что поворачивать надо налево. Новый поворот – направо, коротенькая лестница – вверх... Здесь немного назад, направо и еще направо. Передо мной был теперь коридор, узкий, с неровным полом, ведущим под уклон.

Я кинулась бегом. Казалось, еще секунда – и наваждение исчезнет. Я перестану *знать*. Стены перестанут *помнить*. Я неслась в полнейшей темноте, топот отдавался эхом под низкими

сводами. Выступ - перепрыгнуть! Яма - перескочить! Вот и конец коридора, здесь налево... Вниз... И еще налево... А что это там, впереди? Неужели винтовая лестница?!

Я схватилась за сердце. Не потому, что там болело, а невольно подражая маме: она всегда хваталась за сердце, когда происходило что-то значительное. Принц-пленник просидел в заточении невесть сколько лет, а теперь до его свободы остались считанные минуты!

Теперь я пошла с нарочитой неторопливостью, удерживая себя, стараясь успокоить дыхание. Все-таки это героический момент. Такой, что можно было бы показывать в кино. Сейчас я войду в темный зал, где на полу шелестят смужелицы, и скажу Принцу-пленнику: ты свободен. Я, Лена Лапина, маг дороги Королевства Оберона, возвращаю тебе то, что принадлежит каждому человеку по праву - Свободу!

И у меня дух захватило от таких воображаемых слов и слезы выступили. А лестница была все ближе, ближе, вот уже я поставила ногу на нижнюю ступеньку. Передохнула - и стала взбираться все выше и выше, и вот уже слышен шелест, как будто ветер играет ореховыми скорлупками, и виден слабый свет. Принц-пленник решил зажечь свечку? Бедняга, он же ослепнет, если будет все время сидеть в темноте...

Повеяло сквозняком. Я ухватилась за край люка, ведущего наружу, вот голова моя поднялась над полом...

- Я знал, где тебя встречу, маг.

Посох дернулся в моей руке. Слишком поздно. Я так спешила, что не давала себе труда проверить, нет ли впереди опасности. Принц-деспот, стоящий перед опущенной клеткой, вскинул арбалет и выстрелил мне в лицо.

Стрела вонзилась в посох под самым навершием. Секунду мы стояли друг против друга - стрелок, разинувший от досады рот, и я, загородившаяся посохом. Оперение стрелы мышино-серого цвета подрагивало перед моими глазами.

Принц-деспот ни капельки не изменился со времени нашей последней встречи, разве что фигурный загар, повторяющий форму шлема, стал бледнее на скуластом жестком лице. Секунда - и мой враг отступил за клетку, прикрываясь Принцем-пленником. Тот стоял, вцепившись в железные прутья, сильно прищурившись - единственный факел, закрепленный в стене его жестоким братцем, скорее мучил беднягу, чем позволял хоть что-то рассмотреть.

Принц-деспот встал так, чтобы пленник загораживал его от меня:

- Что ты за ловкая тварь, девчонка... Не двигайся. Я пристрелю и его, и тебя.

- Нет, - сказала я жалобно. - Пожалуйста, дяденька деспот, не стреляйте. Я сдаюсь.

И развела руки, будто открываясь. Навершие посоха обернулось к факелу на стене, и длинная холодная струя хлынула, как из поливальной машины.

Факел зашипел и погас, утопив зал в отвратительной вони. Трясаясь, как мокрая мышь (мне до последнего мгновения казалось, что погасить факел не удастся), я отпрыгнула в сторону, а там, где я только что стояла, просвистел метательный нож.

Принц-деспот не видел в темноте.

Притаившись, я смотрела, как он бочком обходит клетку, пяля глаза и раздувая ноздри, занеся руку с еще одним ножом.

Я стукнула посохом по стене и отскочила. Я думала, он метнет нож туда, откуда слышен был стук, но мой враг оказался умнее. Вз-з-з! Все повторялось, все это уже было когда-то, но вместо того, чтобы расколоться надвое, нож пролетел мимо моей щеки и ударился в стену.

Я заставила себя рассмеяться:

- Ты забыл, с кем имеешь дело? Ты забыл, что раньше уже кидался в меня ножами и что из этого вышло?

- Я вижу тебя, - прошелестел он. Под его подошвой жирно хрустнула неосторожная смужелица. - Я вижу твои глаза.

Елки-палки!

Я прищурилась. Выдернула из посоха арбалетную стрелу. Кинула в Принца-деспота, но не попала.

- Твой волосатый слуга обманул меня, - мой враг стоял, глядя точно в то самое место, где я притаилась. - Он дал мне негодный ключ. Я был уверен, что вы больше не вернетесь, но - надо же! - какая удача... Ты знаешь, где подлинный ключ от Печати?

Холодок пробежал у меня между лопатками. До сих пор я была уверена, что ключ у Уймы. А где теперь Уйма? И что стало с ключом?

- Давай договоримся, - Принц-деспот безошибочно чувствовал смены моего настроения. - Чего ты хочешь? Вернуться домой. Хорошо, я согласен помочь тебе, только...

Он вытащил что-то из-за пазухи. Чирк-чирк - искра блеснула у него под руками, разгорелась в огонек, и в ту же секунду порыв ветра из моего посоха загасил нарождающееся пламя.

- Ты любишь темноту? - он понимающе оскалился. - Я тоже. Но до определенных пределов. Подумай, что будет, если я велю своим воинам выколоть тебе глаза. Нечему будет светиться зеленым пламенем. Для тебя наступит темнота - навсегда! Навсегда!

Меня трясло. Я была свободна, с оружием в руках, и темнота была на моей стороне, но Принц-деспот становился все сильнее. То ли он владел гипнозом, то ли сам был немножечко маг, то ли внутренняя его сила и жестокость лишали меня воли, но с каждой секундой я делалась все слабее и нерешительнее, а враг - все нахальнее и мощнее.

- Ты напрасно пришла сюда, деточка, - теперь он говорил мягко, по-отечески. - Волшебный посох и несколько фокусов... для настоящего мага это мало, очень мало. На что ты рассчитывала?

Он шел вокруг клетки, и я тоже шла вокруг клетки, повторяя его путь, отступая. Принц-пленник поворачивался вслед за голосом брата. У него было напряженное, очень несчастное лицо. Принц-деспот замолк, и несколько секунд было тихо, как будто никто из нас не дышал.

- Подумай, - снова начал мой враг. - У тебя еще есть шанс, очень маленький, но все же. Отдай мне ключ, и я пощажу тебя.

Я чуть было не сказала «У меня его нет», но в последний момент прикусила язык.

- Отдай, - глядя мне прямо в глаза, он протянул руку ладонью кверху.

- Я тебя убью, - сказала я, стараясь совладать с голосом. - Я могу убить тебя в любую секунду.

- Дурашка, - он ухмыльнулся во весь рот. - Ты не посмеешь. Ты в жизни не убивала человека и никогда не убьешь - трусишь. Сейчас я подойду к тебе, и ты отдашь мне свой посох, а я за это распоряжусь, чтобы тебя не очень больно наказывали.

- Попробуй!

Он улыбнулся, обнажив белые зубы:

- И попробую. Ведь ты всего-навсего маленькая девочка, возомнившая себя магом. Иди сюда!

Он резко шагнул вперед. Я отскочила. Он преследовал меня - в темноте! Я сделала над собой усилие и перестала смотреть ночным зрением. Мои глаза погасли, но я и сама ослепла - в этом зале не было ни огонька, ни отблеска, а ведь бедный Принц-пленник сидел тут годами!

Я затаилась. Мой враг был неподалеку. Он затаился тоже. Во всем зале не было слышно ничего, кроме шелеста смужелиц и тяжелого дыхания Принца-пленника в клетке.

- Теперь ты ничего не видишь, - удовлетворенно прошептал Принц-деспот. - Не страшно?

Он сделал ошибку, когда заговорил. Теперь я точно знала, где мой враг, и рванулась прочь, топча смужелиц, огибая клетку - в темноте, наугад. Он кинулся за мной, но не догнал. Остановился.

- Ты удираешь, отважный маг. Недолго же тебе осталось бегать, - в его голосе прорвалось раздражение. - погоди...

В темноте заскрипело колесико арбалета. Я нащупала прутья клетки. Горячая рука коснулась моей руки - я чуть не заорала. Удивительно, как в таком стылом холоде, темноте и безнадежности у Принца-пленника могут быть такие горячие руки!

- Прятки - детская игра, - бормотал деспот. - Попрощайся со свободой, девочка. Я не стану тебя убивать. Я посажу тебя в клетку, и ты будешь сидеть там одна, день за днем, месяц за месяцем, в полной темноте. Ты будешь выть от тоски. Ты забудешь человеческие слова и разучишься говорить. И ты никогда-никогда не вернешься домой!

Стрела взвизгнула возле самого моего уха и ударилась о толстый железный прут. Я услышала, как отшатнулся Принц-пленник. Принц-деспот мог застрелить брата!

Ворот арбалета заскрипел снова, очень близко, мне показалось, на расстоянии вытянутой руки. Я кинулась прочь. Под ногами хрустнула смужелица.

- Ну что, сдаешься или продолжим игру?

Задыхаясь от страха, я мигнула. Мои глаза снова вспыхнули зеленым, я увидела зал - серый, бесцветный, без теней и оттенков, увидела Принца-деспота, стоящего спиной к клетке брата. Он стоял, почти касаясь прутьев, в его руке был взведенный арбалет. Он смотрел на меня - прямо в глаза:

- Иди ко мне, бедняжка. Давай сюда посох!

От напряжения у меня заболел живот. В этом человеке было что-то жуткое, завораживающее, в его присутствии слабели колени. Мне доводилось видеть много чудовищ и страшилищ на моем веку, но он был особенный – может быть потому, что чудовище скрывалось в оболочке человека. Обыкновенного молодого мужчины с приятным, даже красивым скуластым лицом. Я знала, что не сдамся ни в коем случае, но ощущение поражения уже одолело меня. Я не собиралась победить, нет. Я собиралась с честью умереть.

Он поднял арбалет, стрела смотрела мне в переносицу. Смогу я оттолкнуть ее, как не раз отталкивала ножи? Слабость заливала меня, как прокисший заварной крем, и мне казалось почему-то, что эта стрела уже торчит у меня между глаз. Наверное, я увижу ее, прежде чем свалиться...

- Ну же?

В этот момент за спиной Принца-деспота поднялось, как луна, бледное лицо его брата. Принц-пленник выпрямился. Принц-деспот увидел, как переметнулся мой взгляд, и хотел отскочить от клетки – но черная веревка, вся в узлах, впилась в его горло и притянула обратно.

Принц-пленник стоял, глядя в темноту, все сильнее и сильнее затягивая веревку на шее брата. Принц-деспот выронил арбалет, руки его вцепились в веревку, я была уверена, что она не выдержит и порвется, но Принц-пленник, похоже, плел ее не один день, плел старательно и на совесть. Принц-деспот захрипел.

- Он задохнется!

Принц-пленник повернул голову. Разглядел в темноте мои глаза:

- Заколдуй его. Или я его задушу.

- Не надо!

Я подняла посох. Вспомнила, как обезболивала раны. Действие примерно то же, только сила стократ большая. Ну же, ладони, немеете!

С первого раза не получилось. Со второго – тоже. Принц-деспот хрипел и царапал каблуками пол. На третий раз у меня не просто ладони онемели – чуть руки не отнялись, а Принц-деспот вдруг обмяк и повис, как кукла.

- Он притворяется? – спросил Принц-пленник.

- Нет. Отпустите его!

Принц-пленник ослабил хватку. Его бесчувственный брат сполз на землю, Принц-пленник опустил на колени, все еще удерживая петлю вокруг его шеи.

- Не подходите... к двери, – пробормотала я сухими губами.

Гроыхнуло так, что даже глупые смужелицы кинулись кто куда. Запахло гарью, прутья клетки покорежились, замок наполовину расплавился, дверь клетки повисла на одной петле. Я сжимала посох, не веря себе: это сделала я?!

- Я ничего не вижу, – шепотом сказал Принц-пленник.

- Вы свободны, - я задыхалась. - Осторожно, прутья горячие. Не обожгитесь.

Он не трогался с места.

- Отпустите его. На минутку. Он парализован. Мы его свяжем, - каждое слово приходилось выталкивать силой, как первоклассника на школьную сцену.

- Вы великий маг, - благоговейно прошептал Принц-пленник.

Я вспомнила, как тряслась в темноте, цепенея под взглядом Принца-деспота.

- Помогите мне, - буркнула еле слышно. - Свяжем его моим поясом.

Глава 25

Чума

В замке было тихо. Странная, нездоровая тишина. То здесь, то там путь нам преграждали ключья шевелящегося ковра - муравьи в панике спешили убраться прочь из замка. Тогда я приказывала Принцу-пленнику остановиться и обождать, пока бывшие воины уйдут и проход снова станет свободным.

Бывший пленник шел, едва переставляя слабые ноги. Ему было вдвойне тяжело: он впервые за много лет вышел из клетки, он тащил за собой рогожку, на которой лежал его парализованный и связанный брат. Любой другой на месте пленника давно свалился бы, а этот шел, хрипло дышал, утирал со лба пот и время от времени повторял в пространство:

- Я счастлив...

Пока было темно, Принц-пленник шел за мной на слух. Когда в стенах стали появляться окна, из глаз его покатались слезы, и он уже не мог смотреть. Пришлось оторвать рукав от его ветхой рубашки и завязать ему глаза.

Я шла, твердо зная, что в чужом замке мне предстоит разыскать Уйму. У людоеда - наш пропуск за Печать. А еще рядом с Уймой должен быть Принц-саламандра... Мамочки мои, да ведь мы отыскиали для Оберона всего лишь трех принцев! А сколько времени на это потрачено, сколько сил, сколько опасностей пришлось пережить! И ведь совершенно не понятно, где искать еще двоих. Проклятые сестры-хранительницы!

Я услышала топот и прижалась к стене. Принц-пленник поступил так же - тонкий слух делал его почти что зрячим. Мимо нас, не глядя, пронеслись два стражника - они были искусаны муравьями, но, судя по бодрому бегу, вполне здоровы. Если бы не ужас, перекосивший их лица, можно было бы подумать, что эти двое спешат исполнять чье-то важное поручение.

Они убежали. Топот затих вдали.

- Пойдем за ними? - шепотом спросил Принц-пленник.

- Я боюсь... - начала я, и мне не понравилось такое начало. - Я думаю, нам надо идти как раз туда, откуда они прибежали.

Сделалось тихо.

- Тогда пойдем, - сказал Принц-пленник.

Мы двинулись дальше. Иногда я останавливалась, чтобы посмотреть на Принца-деспота. Паралич все еще действовал: деспот мог только дышать и смотреть. И он смотрел на меня, да так, что мне всякий раз делалось жутко.

- Скажите, как выглядит место, где мы сейчас находимся?

- Довольно широкий коридор... Справа лестница, узкая, черная, а на перилах, погоди-ка... Да. Шипы. Интересно, это чтобы стражники по перилам не катались? Слева что-то вроде высохшего фонтана в стене, цветочки из белого мрамора.

- Я знаю, где мы, - он устало опустил плечи. - Пойдем к выходу?

Я прислушалась. Как тихо! Как будто и не было никакого боя, как будто все обитатели замка разом вымерли.

- Нет. Мне надо найти друзей. Вы можете мне отыскать тронный зал... что-нибудь такое? Где все обычно собираются?

- Помогу, - сказал он после длинной паузы. - Скажите, Лена... Чем это пахнет?

* * *

Чем дальше мы шли, тем отчетливее становился запах. Тяжелый, сладковатый, такой гадкий, что у меня желудок то и дело подступал к горлу. Мне вовсе не хотелось знать, что может так пахнуть, но так выходило, что с каждым шагом источник запаха становился все ближе.

Навстречу нам пробежало еще несколько стражников. Они неслись, не обращая внимания ни на своего господина, побежденного и связанного, ни на меня с посохом, ни на Принца-пленника с повязкой на глазах. Они уносили ноги, спасали свои жизни, а на все остальное у них просто не хватало времени.

Я повела посохом, и он пообещал мне впереди опасность. Такую опасность, что я сделала шаг, другой - и остановилась.

Может быть, Уйма вовсе не там? И Принц-саламандра давно уже сбежал из замка, и они вместе ждут меня снаружи, в рощице у дороги?

Я прекрасно понимала цену таким рассуждениям. Нет, мне надо было узнать, что случилось в замке, что напугало стражу и куда девался Уйма - только тогда я смогу, если повезет, посмотреть в глаза Оберону и когда-нибудь вернуться домой.

- За поворотом кто-то есть, - сказал Принц-пленник. Я уже не в первый раз замечала, что его слух в некоторых ситуациях оказывался полезнее, чем мои глаза.

- Выходи! - я подняла посох. - Мы знаем, что ты там!

Маленькая тень шагнула из-за угла и остановилась в пяти шагах передо мной. Максимилиан!

Некромант всегда был очень бледен, но теперь прямо-таки позеленел. Белые космы прилипли ко лбу. Один глаз заплыл, как от удара.

- Ты сбежал? - спросила я резко. - Бросил их?

Он молчал.

- Отвечай!

Он перевел взгляд на Принца-пленника:

- Кто это с тобой?

- Кто надо... Принц-пленник и Принц-деспот, кто же еще!

Его уцелевший глаз округлился. Он осторожно обошел нас (Принц-пленник медленно поворачивался, чтобы оставаться к нему лицом) и остановился, глядя на парализованного и связанного врага.

- Принц-деспот, - прошептал он. - Это *ты* его одолела?

- Это он его одолел, - я кивнула на Принца-пленника.

- Нет, - сказал Принц-пленник. Деспот молчал. Его холодные глаза буравили теперь уже Максимилиана.

- Кто же такой этот Оберон, - медленно сказал некромант, - что ради него ты смогла... Он в самом деле великий король?!

- Просто хороший человек, - буркнула я.

- И все напрасно, - плечи Максимилиана опустились. - Все напрасно... Где ключ от Печати? - он вскинул голову и уперся в меня единственным черным глазом.

- Уйма... - я запнулась.

Максимилиан застонал:

- Все пропало... Там Принц-чума, в этом зале. Он ждет тебя. Говорит, что хочет поговорить с тобой о важном деле. Говорит, что ты непременно придешь.

Уж как ни страшно и тяжело мне бывало за Ведьминой Печатью, но известие о том, что меня ждет для разговора Принц-чума, готово было стать последней каплей. Я прислонилась к стенке и чуть не выронила посох.

- Спасайся, - шепотом сказал Максимилиан. - Беги куда хочешь. Я ждал тебя... чтобы предупредить.

- Ты? Ждал? Чтобы предупредить?!

- А жальче всего ключа от Печати, - Максимилиан меня не слушал. - Ничего. Я вернусь в замок к мачехе. После того как вы погибнете, ваши друзья снова смогут войти к нам, и я дождусь их. Я расскажу им правду о вашей гибели и где я вас похоронил... И в награду они возьмут меня за Печать. А не возьмут - я убью их и украду ключ, и все равно уйду отсюда! - он

почти плакал.

- Успокойся, - мне было плохо, в животе бурлило, и колени дрожали. - Чтобы уйти отсюда, тебе не обязательно нас хоронить. А Принц-чума... - я собралась с духом. - Мне все равно надо было с ним кое о чем поболтать. Так что все удачно получилось.

Максимилиан разинул рот. Даже заплывший его глаз раскрылся шире.

- Не позволяй ему касаться тебя, - вдруг сказал Принц-пленник. - Любой, к кому он прикоснется, умрет.

* * *

Я вошла в тронный зал - одна.

Принц-пленник и Принц-деспот остались на попечении Максимилиана. Не то чтобы я доверяла некроманту. У меня просто не было выбора.

Подходя к залу, я чуть не задохнулась от зловония, но стоило переступить порог - запах пропал.

Это был тот самый зал, где когда-то - давным-давно - Принц-деспот кормил нас ужином с отравленным вином. Теперь здесь не было столов. Огромный зал был пуст, в центре лежал мертвый Мастер-Генерал со стальной спицей в груди. Застывший взгляд его был устремлен в потолок.

Вокруг полководца валялись в разных позах еще несколько неподвижных тел, среди них и доктор-отравитель. По залу было разбросано оружие, а пол покрыт сплошным ковром из раздавленных муравьев. Мне стало немного легче, когда я увидела, что многие из лежащих людей дышат, хотя и с трудом.

Никто не спешил раненым на помощь. Стражники, слуги, лакеи стояли под стеночкой неподвижно, как барельефы. Все смотрели вниз.

В дальнем конце зала, на троне Принца-деспота, восседал незнакомый человек. Рядом, очень близко, стояли Уйма и Принц-саламандра, плечом к плечу. У меня чуть отлегло от сердца: по крайней мере, их еще не убили. Правда, Уйма, голый до пояса, был весь в кровище, рука перевязана обрывком рубахи. А Принц-саламандра дрожал так, что подрагивали чешуйки на черном трико. Все думали, что он трус, никто не знал, что ему просто холодно!

Я, как могла, улыбнулась саламандре и заставила себя посмотреть на того, кто сидел на троне.

Он был сухощавый, бледный, только на скулах горели два красных пятна, словно румяна. Высокий лоб был перечеркнут маленькой железной короной. Коричневые губы чуть улыбались. В мутноватых глазах отражался зал, замершие люди, мне показалось, что я вижу свое отражение – маленькая фигурка с посохом, остановившаяся в широких дверях...

- Входите, маг дороги, – у Принца-чумы был мягкий бас, такой низкий, что я вздрогнула. – Я ждал вас, и вот эти господа ждали вас довольно долго. Нам нужно поговорить.

Я не хотела к нему приближаться. Но из вежливости сделала пару шагов вперед:

- Я слушаю... Принц-чума.

Он улыбнулся шире:

- Очень хорошо, что вы уже знаете, кто я такой. А говорить я хотел вот о чем: мне сказали, что вы здесь с особой миссией. По приказу короля Оберона вы собираете Принцев, чтобы отправиться за Печать и выдать за них пять прекрасных принцесс. Это правда?

- Да, – ответила я едва слышно.

- В таком случае вы, вероятно, не откажете и мне? Я вдовец вот уже много лет. Получить принцессу в жены – мое заветное желание. Насколько я знаю, у вас еще остались вакансии, – он смотрел мне в глаза, – то есть свободные места для женихов?

Все стоявшие у стен пожирали меня глазами. От их взглядов мне не делалось легче.

- Да, – ответила я едва слышно. – То есть... Н-нет. Нет. Уже не осталось мест.

- Как так? – Принц-чума поднял пушистые серые брови. – Ведь вам нужно пять принцев, не так ли? А вы нашли только одного? – он кивнул на трясущегося Принца-саламандру.

- Трех, – сказала я еще тише.

- Пусть трех, – Принц-чума кивнул. – А принцесс пять, я ведь правильно считаю?

Почему Уйма и саламандра стоят к нему так близко?

Будто услышав мою мысль, людоед сделал шаг в мою сторону. Вернее, полшага.

- Стоять, – негромко бросил Принц-чума. – Еще одно движение, дикарь, и я тебя обниму.

Я ударилась в панику.

Внешне ничего не изменилось – я все так же стояла у дверей, приклеившись подошвами к полу зато внутри – в душе – уже бежала прочь, не разбирая дороги, ударяясь о стены и обо всем забыв – точь-в-точь как бежали те стражники, которых мы встретили в замке. Уши заложило от отчаяния – после стольких трудов прийти к такому концу! Выхода не было, ни лазейки, ни щелочки, все пропало!

- Итак, – Принц-чума снова обращался ко мне, – мы можем отправиться за Печать прямо сейчас. Я буду великодушен: пусть принцы, которых вы избрали, идут с нами. Мы составим дружную веселую компанию!

- Можно узнать, - спросила я хрипло, - что стало с вашей предыдущей женой?
- Разумеется, она умерла. Иначе я не был бы вдовцом.
- А... - я еле могла говорить. - А отчего?

Принц-чума печально покачал головой:

- Я понимаю, о чем вы. Эти принцессы вам родня?
- Нет.
- Они вам близкие подруги?
- Нет.
- Так что вам за беда?

Легкий шепоток пронесся по залу.

- Соглашайся, - выдохнул кто-то совсем близко за моей спиной. - Соглашайся... Уводи его... соглашайся...
- Король Оберон обещал принцессам свадьбу, а не похороны, - выдавила я.

Принц-чума понимающе кивнул:

- Разве они собираются жить вечно? Сперва свадьба. Потом похороны. Видите ли, я и без того себя во многом ограничиваю, У меня нет друзей, которым я мог бы сердечно пожимать руку два раза подряд. У меня нет женщины, которую я целовал бы дважды. Я редко выхожу к людям, но когда я появляюсь - я вправе рассчитывать на уважение... хоть небольшое. Разве мы не можем договориться?

Я молчала.

Принц-чума поднялся со своего трона легко, как бабочка с цветка. Сделал шаг - и оказался в центре зала. Испуганно отшатнулись людоед и Принц-саламандра, люди вжались в стены, желая сделаться плоскими, как обои.

Я осталась стоять, но не от великой храбрости. У меня ноги отнялись, вот и все. Будто кто-то другой, не я, вскинул посох... Ударил зеленой молнией по длинной черной фигуре в центре зала...

Ахнула толпа. Принц-чума даже не пошатнулся, молния прошла насквозь, как лучик сквозь воду. Он сделал еще шаг - и остановился прямо передо мной. Я чуть не выронила свое оружие.

Нет, у него не грим лежал на щеках. Это горел лихорадочный румянец. А глаза и вправду были огромные, мутновато-зеркальные, так что я могла видеть свое перевернутое отражение, как в близко посаженных автомобильных фарах.

Он вытянул руку. Его палец замер в сантиметре от моего носа.

- Ну почему же ты не хочешь со мной дружить? - спросил он шепотом. - Дружба со мной сильно облегчает жизнь. А?

- Там за Печатью полно людей, - прошептала я, глядя на его палец. Ноготь был аккуратно подстрижен и отшлифован.

- Ну и что? Пойми меня правильно, горы трупов - это неприятно и некрасиво. Но я одиночек. Я скучаю. Мне нужна жена.

- Возьмите себе...

- ...кого-нибудь другого? - он прищурился. - Какая ты добрая девочка! Кого-нибудь другого, незнакомого, кого тебе не жалко, так?

- Мне всех жалко.

- Начни с себя. Ты себя ведь жалеешь?

- Уберите руку! - прохрипела я. Он вдруг послушался. Чуть отступил, скрестил руки на груди:

- Я ведь все равно пройду за Печать. Ключ у твоего людоеда, в кожаном мешочке на поясе. Либо отдаст мне сам, либо сниму с мертвого.

- Как вам всем хочется за Печать... - пробормотала я с тоской.

- Что?

- Ничего... А что будет, если я скажу «нет»?

- Высокая температура. Озноб. Ломота во всем теле. Рвота. Судороги и смерть. Вот что будет. Решай.

Я мигнула. Перед глазами расплылась вдруг синева, будто мелькнул край неба - и погас. Я так устала за эти дни. Я так подвела Оберона. Я сама себя подвела... Мне надо домой. Отлежаться и все забыть. Только вернуться бы за Печать, там я сама справлюсь. Один шаг - и я в другом мире, до свидания, разбирайтесь без меня. Без меня! Оберон могущественный маг, пусть он сам ищет способ договориться с чумой из-за Печати...

Договориться с Чумой!

Моих ноздрей снова коснулся запах. Тот самый, который мучил меня всю дорогу к тронному залу. Я догадалась, чем это пахнет.

Горло пересохло, поэтому я не сразу смогла заговорить. Я отступила на шаг, потом еще на шаг. Мутноватые глаза Принца-чумы глядели не отрываясь. Я себя не обманывала: ему хватило бы одного движения, чтобы дотронуться до меня.

- Ты... иди ты... пошел ты...

Я так и не решилась договорить до конца. Впрочем, Принц-чума сам уже догадался, куда именно я его посылаю. Он улыбнулся с сожалением и раскинул руки, собираясь заключить меня в объятия. Я зажмурилась...

- Н-на!

Меня накрыло будто хрустящим полиэтиленом. Я подумала было, что именно так человек чувствует прикосновение Принца-чумы, и облилась холодным потом, но визг, от которого лопались уши, вопли и топот разбежавшейся толпы заставили меня открыть глаза.

Принц-чума был рядом. За полупрозрачной стенкой, похожей на пленку, которой накрывают парники. И он бился в эту пленку, пытаюсь прорваться ко мне. Пленка хрустела, но пока держала.

- Беги! Беги!

Меня схватили за руку и поволокли прочь из зала. И это был не Принц-чума. Это был взъерошенный, бледный Максимилиан. Он оттащил меня к стене, и вовремя: нас чуть не затоптала обезумевшая от страха толпа.

- Я его задержал... Минуты на две...

- Так это ты сделал?!

- Я... все-таки некромант, - он улыбнулся с угасающей гордостью. - Только он все равно сильнее. Где Уйма? Нам надо уходить за Печать, здесь ни тебе, ни мне больше не жить.

- Уйма! - закричала я, но в столах и воплях обезумевших людей меня в двух шагах нельзя было слышать. Тогда я вскинула посох и ударила сигнальным лучом в потолок.

Посыпалась пыль и каменная крошка. Я ударила еще. Максимилиан закашлялся. В дверном проеме, подернутом пылью, как туманом, вдруг возник огромный силуэт людоеда. За ним я разглядела Принца-саламандру и чуть не засмеялась от облегчения.

Уйма обхватил меня лапищами, так что я чуть не задохнулась:

- Он коснулся тебя?!

- Нет. Максимилиан...

- Бежим! - завопил некромант. - За Печать!

- Погодите... Тут Принц-пленник и Принц-деспот!

- Что?! - Уйма разинул рот.

- Если их не затоптали, - пробормотал Максимилиан себе под нос. - Один слепой, один парализованный, с ними нам не уйти далеко!

- Мы должны, Макс, - прохрипела я.

- Дура! Дура! - в глазах его - и нормальном, и оплывшем - загорелась прежняя злость. - Идиотка! Зачем я старался! Он сейчас придет!

Не слушая его, я повернулась и кинулась туда, где остались братья-враги.

* * *

- Лена, это ты?

Принц-пленник стоял, вжавшись в стену. Рогожка с парализованным врагом лежала у его ног.

- Я.

- Что происходит? Чума...

- Он здесь! - взвизгнул Максимилиан. - Он за нами гонится! Он...

Порыв ветра. Порыв отвратительного запаха. Темная тень возникла в конце коридора. Одно движение - и она стала ближе шагов на десять.

- Стой!

Я вскинула посох, но Максимилиан оказался быстрее. С кончиков его длинных гибких пальцев сорвались будто кусочки серого теста, хлюп! - и они растеклись пленочкой между нами и надвигающейся бедой. Бабах! - я не успела удержаться, мой посох разразился молнией, прорвал дыру в защитной пленке, и в эту дыру с ухмылкой пробрался Принц-чума!

- И-и-и!

Максимилиан заругался так страшно, что я даже понять его не смогла. И еще раз взмахнул пальцами. Новая пленка возникла в нескольких шагах от нас, Принц-чума вломился в нее всем телом, но пленка выдержала.

Уйма забросил на плечо парализованного Принца-деспота. Я схватила за руку слепого Принца-пленника и кинулась за людоедом. Принц-саламандра побежал за мной, а позади всех неся Максимилиан. Он бежал и ругался, ругался и бежал, и скоро его брань превратилась для меня в монотонную музыку, вроде барабанного бумканья, задающего ритм гребцам на галере. Иногда некромант оборачивался и залеплял коридоры за нашей спиной новыми полотнищами защитной пленки.

- Уйма! Ты знаешь, где выход?

Людоед обернулся. Я услышала, как он дышит. Редкий случай - обычно Уйма дышал бесшумно. Он ранен, поняла я. И тащит на себе мужчину, почти такого же тяжелого, как он сам. Может, Максимилиан был прав, и нам следовало бросить принцев и спасти свои шкуры?!

За моей спиной кто-то упал. Я обернулась: на полу лежал Принц-пленник. Он потерял

сознание на бегу - еще бы, ведь он столько лет провел в клетке!

- Приплыли, - сказал Максимилиан. - Все из-за тебя. Дура.

Я огляделась. Мы были в каком-то коридоре, я понятия не имела, где выход и куда бежать дальше. Уйма утер лоб, размазав по лицу кровавые полосы. Некромант злобно щерился.

- Здесь камин, - сказал Принц-саламандра.

Я повернула голову. В комнате налево и в самом деле имелся камин, огромный, как кузов самосвала. Холодный. Пустой. Я хотела сказать принцу, что здесь он, к сожалению, не согреется, но не смогла. Я тоже задыхалась.

- Каминная труба, - не сдавался саламандра. Я представила себе, как мы будем тащить вверх по трубе парализованного Принца-деспота, и улыбнулась почти так же криво, как Максимилиан.

- А я в детстве... трубочистом, - закончил свою мысль Принц-саламандра.

- Вы?!

- Ну такая игра...

Странно. Принцы играют в трубочистов. Правда, учитывая их любовь к огню и каминам...

- Я тоже, - сказал вдруг Максимилиан, и я вспомнила, как он впервые появился передо мной. Из каминной трубы.

- У меня есть веревка, - саламандра коснулся пояса. - Я всегда ношу с собой.

И, не дожидаясь возражений, он шагнул к камину, влез в него и запрокинул голову, изучая трубу.

Мои ноздри дернулись. Из ближайшего коридора опять потянуло знакомым тошнотворным запахом.

- Уйма... - я обернулась к людоеду. - Если тебе тяжело...

Он не дослушал. Поправил на плече Принца-деспота и, закричав совсем по-старчески, полез в камин.

- погоди! - крикнул саламандра уже из трубы. - Я спущу тебе веревку!

Глава 26

Спасайся, кто может

- Мы оторвались, правда?

Тишина.

Мы лежали на траве у дороги, не потрудившись отыскать себе убежище. Даже костер не стали бы разводить, если бы не Принц-саламандра – он так продрог, что теперь сидел, скрючившись, в пламени и все тянулся и тянулся за новыми сухими ветками. Топливо заканчивалось.

- Мы оторвались? – повторила я с надеждой.

- Нет еще, – проскрипел Уйма.

Повязка на его руке была черной от крови. Глаза болезненно поблескивали. У людоеда поднималась температура.

- Дай-ка я тебя полечу, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

- Нам надо идти дальше, – прошептал Принц-пленник.

Темным вечером он снял повязку с лица. Свет костра мешал ему, но принц мужественно привыкал. Никогда прежде я не видела человека с такими огромными зрачками.

- Мы не можем идти, – я разглядывала глубокую рану Уймы. – Все просто с ног валятся. Кто потащит вашего братца?

Принца-деспота понемногу отпускал паралич, зато теперь он был связан руками людоеда, а значит, все равно что закатан в бетон. Зато его взгляд провожал меня, куда бы я ни повернулась, и очень мешал сосредоточиться.

У Принца-саламандры закончилось топливо. Он вылез из догорающего костра (чешуйки его черного трико дымились), огляделся.

- Возьми мой топор, – предложил Уйма.

- Благодарю...

Вооружившись топором, Принц-саламандра побрел к корчеватому дереву на обочине.

Мои ноздри дрогнули. С тех пор, как мы выбрались из замка, меня преследовал этот запах. Вокруг пахло свежей травой, дымком и полем, а мне казалось, что над дорогой стелется запах чумы. Но этого не может быть: мы оторвались довольно далеко. А может, Принц-чума и вовсе остался в замке?

Я плохо помнила, как мы выбирались через каминную трубу. Принц-саламандра поднялся первым и сбросил веревку. К счастью, труба была такая широченная, что в нее могли влететь плечом к плечу три толстые ведьмы на помелах. А уж щуплому Максимилиану там вообще было раздолье – он мог мотаться вверх-вниз, как йо-йо на резинке.

Помню, я протянула ладонь над головой лежащего без чувств Принца-пленника и сказала «Оживи». И Принц пришел в себя и поднялся, а я зашаталась, как бумажная кукла на ветру.

Помню, продели веревочную петлю под мышки Принца-деспота и так втащили наверх. А Принц-пленник поднялся сам, на ощупь отыскивая железные скобы. А Максимилиан ругался и подталкивал его снизу.

Помню, как все сильнее тянуло из коридора сладковатым гнилостным запахом. Когда я была в

трубе, этот запах вдруг взлетел снизу, прорвался сквозь копоть и сажу, забивавшие мне дыхание, и подхлестнул таким ужасом, что я сама не помнила, как оказалась наверху.

А там, оказывается, была не крыша, а гранитный склон, такой крутой, что Принц-пленник чуть не сорвался. Труба, из которой мы выбрались один за другим, складывалась из грубо отесанных булыжников, и вот я бабахнула по этой трубе молнией из посоха, и труба превратилась в грудку камней и обрушилась вниз. И мне очень хотелось верить, что Принц-чума был как раз там, внизу, в камине, и вся эта куча здоровенных каменюк упала ему на голову.

Хотя, конечно, никто в это не верил. Мой посох вел себя спокойно, когда я пыталась нащупать опасность впереди, и дергался как сумасшедший, когда я обращала его назад – туда, откуда мы сбежали.

Плохо помню, как мы спустились на землю по замусоренным водосточным желобам. Хрустела грязь под ногами, валялись крысиные и птичьи скелеты, Уйма тащил Принца-деспота и дышал все громче, и кровь из людоеда все текла и текла. Я останавливала ее – на несколько минут, не больше, а потом повязка снова пропитывалась и чернела, и не было времени остановиться и затянуть как следует рану. Максимилиан шел позади всех, часто оглядывался и ругался вполголоса, я различала только: «Дура, дура! Идиотка! Недоразвитая!»

Мы долго не решались выйти на дорогу, пробирались какими-то тропинками и лезли сквозь колючие кусты, но вскоре некромант сказал, что это бесполезно: Принц-чума нас все равно учует, а по дороге мы сможем идти в три раза быстрее. И мы выбрались на дорогу и припустили так быстро, как только позволяли нам усталость, раны и тяжеленный Принц-деспот.

То справа, то слева возникали виселицы, и Максимилиан всякий раз облегченно вздыхал, если петля оказывалась свободной. А если нет – он втягивал голову в плечи. А я, честно говоря, так устала и такого натерпелась, что даже на висельников почти не обращала внимания. К вечеру мы окончательно выбились из сил и упали на эту вот траву у дороги.

Принц-саламандра возвращался к костру, волоча топор по земле. У него хватило сил срубить одну только ветку, наполовину сухую. Он бросил ее в огонь и лег сверху, лицом вниз.

- Нам надо идти, – нервно сказал Максимилиан. – Если мы поднажмем, к рассвету, может...

- Смеешься – к рассвету? – заскрипел Уйма. – Тут еще топтать и топтать! А с поклажей...

Он покосился на Принца-деспота. Тот лежал, не сводя с меня пристальных глаз.

- А давайте его повесим, - шепотом предложил Максимилиан. - Это ведь он понаставил все эти виселицы! Это же он велел... - он запнулся. - Будет справедливо, если повесить его, как прочих, и пусть болтается. Никто даже знать не будет, что это за падаль, воронье его съест, и следа не останется!

Принц-деспот наверняка уже мог говорить. Но молчал, только смотрел. И почему-то смотрел на меня.

- Он нам нужен, - сказала я. - Он нужен Оберону.

- У вас только три принца! - Максимилиан привстал. - А надо пять! Обещание все равно не будет исполнено. А если Принц-чума нас догонит...

- Будет четыре, - проворчал Уйма.

- Не будет никого!

Максимилиан замолчал и грустно взялся за голову.

* * *

Принц-саламандра, кажется, заснул, лежа грудью на мерцающих угольях. Принц-пленник задремал, растянувшись на траве. Ему снились кошмары - он вздрагивал, бормотал, ноздри его раздувались. Возможно, во сне он слышал тот самый запах, что не давал мне покоя.

Принц-деспот глядел на меня. Чтобы не доставлять ему такого удовольствия, я обошла вокруг костра и подсела к Уйме.

- Ну... ты как?

- Хорошо, - людоед приподнял веки. - Нам надо добыть телегу и лошадей.

- Где?

- Где хочешь. Пошли Макса. Он добудет.

Некромант спал, по-детски подложив под щеку кулачок.

- Уйма... - я запнулась. - Что там было? Откуда он взялся?

Он без объяснений понял, о ком я спрашиваю.

- Мы сражались. Вернее, это они сражались - муравьи, а мы только шли за ними и помогали. Эти стражники - отважные ребята, они скоро догадались жечь их огнем, обливать водой. Но муравьев было много. Как песка на нашем острове. Мы вломились в тронный зал... И тогда Мастер-Генерал вдруг упал. Я не знаю, как это возможно, но его убили.

- Его не убили! Он предатель!

И я рассказала Уйме о том, что видела в подземелье. Как начальник стражи прибежал за помощью, и как Мастер-Генерал встал в другом своем теле и собрался вести наших врагов на последний бой.

Уйма долго молчал.

- Если бы они сошлись лицом к лицу... - начала я.

- Так не бывает. Он один, только один живой Мастер-Генерал. Наш упал и умер. Тот, другой, поднялся.

- Он нас предал.

Уйма ничего не сказал.

- Что было дальше? - снова спросила я.

- Генерал упал. Муравьи разбежались. Стражники все еще боялись и орали, и кидались факелами, а мы с саламандрой еще наступали и теснили их, но очень скоро стало наоборот. Мы оказались вдвоем против трех десятков...

- А Максимилиан?

- Он исчез, как только Генерал грохнулся. Сообразительный мальчишка.

- Он меня спас.

- Да... А в ту минуту я подумал - все, Уйма, предстоит тебе пить пиво где-то в посмертных чертогах, если, конечно, и туда не пробралась еще негодные некроманты. И тогда...

Уйма замолчал.

- Что?

- Он пришел.

- Как?

Уйма снова прикрыл глаза:

- Я не заметил. Было тесно - и вдруг стало пусто. А он уже сидит на троне. Я не знал, кто это, но когда увидел их синие от страха рожи...

Я содрогнулась. Потерла нос, чтобы прогнать воображаемый запах.

- Ты храбро с ним говорила, - сказал Уйма.

И снова сделалось тихо.

- Уйма, - начала я еле слышно. - Теперь я понимаю, почему Оберон не пускал меня за Ведьмину Печать и сам не хотел идти. Теперь я поняла.

Людоед облизнул пересохшие толстые губы:

- Почему?

- Вот хотя бы эти муравьи. Они жили себе спокойно в своих муравейниках. И вот пришли мы с Мастер-Генералом и погнали их вперед непонятно зачем, чтобы они кусали людей, а их за это жгли факелами...

- Муравьи, - бросил Уйма с презрением. - Нашла, кого жалеть.

- Для некоторых что муравьи, что люди. Лишь бы приказ выполняли.

Уйма мельком глянул поверх костра в ту сторону, где лежал связанный Принц-деспот.

- Это очень подлый мир, - я перевела дыхание. - А Оберон не хотел, чтобы ради него совершалась подлость.

- Подлость? - Уйма приподнялся на локте. - Ты спасла Принца-пленника! Ты...

- А что будет с Принцем-саламандрой? - я понизила голос. - Он поругался с отцом ради рыжей невесты! А где она, эта невеста? Может, вместо невесты теперь всем будет чума?

Уйма свел брови, но ничего не сказал.

- А Мастер-Генерал? - продолжала я. - Может быть, я убила его насовсем!

- Невелика беда. Оживет в другом теле.

- А все те люди, которых вы положили при штурме? Они оживут?

Я замолчала. Принц-саламандра спал, подрагивая от холода. Костер совсем догорел.

- Ты говоришь не как воин, а как девчонка. Замки всегда штурмуют и всегда защищают. Ради великой цели...

- Вот именно. А Оберон не хотел быть этой самой «великой целью». Этим он отличается от всех. И от тебя, и от меня.

Уйма задумался. На чешуйчатом трико Принца-саламандры выступили капельки росы. Завозился Максимилиан, сел, почесал растрепанную белобрысую голову:

- Уже? Уже идем?

И снова упал сонный.

- Уйма, - сказала я жалобно. - Как я буду смотреть в глаза королю? Мы столько всего натворили... а пяти принцев все-таки не нашли.

- погоди, - буркнул людоед, отворачиваясь. - Может, ты его больше не увидишь никогда.

* * *

На рассвете мы с Максимилианом добыли в соседнем поселке и телегу, и лошадь. Хоть у нас были с собой серебряные монеты, нам пришлось сначала отбиваться от собак, потом долго стучать в низенькую дверь, потом уговаривать хозяев, что мы не собираемся их убивать. Ничего не помогало - они либо хватались за колья, либо валялись в ногах и просили помилования. Максимилиан высыпал деньги на землю перед порогом, мы кое-как впрягли лошадь в телегу (одной бы мне ни за что не справиться) и вывели на дорогу.

Поднялось солнце. Мы погрузили в телегу Принца-деспота и Принца-пленника, который опять ослабел. Максимилиан вскарабкался на лошадь верхом, а Принц-саламандра побежал рядом, пытаясь согреться.

Уйма шел сам, только иногда позволяя себе взяться за борт телеги. А я собралась с духом, оттолкнулась от пыльной земли и немножко взлетела.

В свете солнца измученная серая земля казалась золотой. Золотились виселицы у обочин. Золотая лошадь тянула телегу, Максимилиан повизгивал и посвистывал, колотя пятками по круглым лошадиным бокам. Я поднялась выше, задыхаясь от плотного ветра, стараясь, чтобы меня не слишком сносило в сторону. Игольчатая радость заколола в подушечки пальцев: я лечу! Я умею летать!

Я увидела деревню, где мы добывали лошадь, потом поднялась еще выше и увидела замок. Он едва угадывался в утренней дымке. Налетел ветер, и меня вдруг обдало знакомым смрадом! Я присмотрелась... Померещилась мне черная точка на краю дороги - или нет?!

Я чуть не свалилась из поднебесья. Приземляясь, ушибла ступню.

- Что? - крикнул на ходу Уйма.

Я тяжело вскарабкалась на край телеги:

- Гони, Макс! Он идет за нами! Он идет!

Максимилиан на секунду обернулся. Я увидела его бледное лицо, глаза-щелочки и рот-ниточку. В грязных волосах горело рассветное солнечное золото.

- Пошла! - он шлепнул ладонью по коричневому крупу, да так, что пыль полетела. - Пошла!

Толстая лошадь нехотя перешла на рысь.

Глава 27

Беглецы из царства мертвых

Ступени, ведущие к пещере, были покрыты истлевшим красным ковром. Максимилиан тут же поскакал вверх - он оказался самым выносливым, а может быть, самым напуганным. Принц-пленник рухнул на нижней ступеньке, Принц-саламандра помог ему подняться, но сам едва не упал.

Был вечер. Быстро темнело. Уйма едва держался на ногах, я боялась, что он вот-вот потеряет сознание. В спешке я плохо залечила ему рану, и там, кажется, началось воспаление. Ничего, успокаивала я себя. Еще немного, вот мы пройдем сквозь Печать, и Оберон живо поставит Уйму на ноги.

И тут впервые подал голос Принц-деспот.

- Развяжи меня, - сказал он. - Неужели ты думаешь, что я откажусь пойти за Печать ради удовольствия встретиться с чумой?

Он обращался ко мне и только ко мне.

- Я вам не доверяю, - сказала я, глядя ему в брови.

Лицо, покрытое фигурным загаром, подернулось легкими морщинами, будто трещинками. Принц-деспот ухмылялся.

- У тебя нет выбора.

- Освободим... ему... ноги, - подал голос Уйма, задыхаясь на каждом слове. - Я... прослежу.

Уйма сам перерезал ремни, стягивавшие ноги Принцу-деспоту. Тот поднялся не сразу, но все-таки встал и, не оглядываясь на нас, двинулся вверх по лестнице. Я на всякий случай нацелилась на него посохом, но он просто шел и шел, иногда оступаясь и падая, поднимаясь без посторонней помощи (а у него ведь были скручены руки!) и продолжая путь. Да, подумала я. У меня, конечно, злые враги, но в мужестве никому из них не откажешь.

Мы растянулись цепочкой: впереди Максимилиан. За ним два принца, саламандра и бывший пленник, за ними ковыляющий Принц-деспот. За ним Уйма и, наконец, я - с посохом наперевес.

Я шла и оглядывалась. Чем выше мы поднимались, тем дальше просматривалась дорога. Замок, где мы повстречались с Максимилианом, стоял пустой и темный - не то вымерли, не то затаились. Некроманта это совсем не волновало - вот он уже добрался до верхней площадки и бегом припустил по каменному карнизу.

Принцы и людоед ступили на карниз один за другим. Оттуда рукой подать до пещеры... Мамочки мои! Неужели мы все-таки вырвемся?!

Я на секунду остановилась на самом верху лестницы. Посмотрела на горизонт дневным зрением, потом мигнула и посмотрела ночным.

Темная точка вдали была не больше яблочного зернышка. Рывок - и вот она уже размером с половину спички. Рывок - и уже можно различить человеческую фигуру в нескольких километрах от нас. Еще рывок...

Ноздри мои задрожали. Я развернулась и, спотыкаясь, кинулась вдогонку за принцами:

- Скорее! Бегите к Печати, он сейчас будет здесь!

* * *

- Развяжи меня, - не то попросил, не то потребовал Принц-деспот.

Мы стояли перед рвом, через который была перекинута тонкая труба. Слева зияла пустота. Справа ров был завален камнями (и костями, вспомнила я), покрыт копотью, но вполне проходим.

Максимилиан перебирался с камня на камень с невиданной прытью. Видно было, что он знал эту дорогу, наведывался сюда не раз и не два. Некромант и потомок некрмантов, вспомнила я. Но сейчас не время об этом задумываться.

Принц-саламандра чуть не тащил на себе Принца-пленника. В темноте пещеры тот снял повязку с глаз, но силы его давно подошли к концу.

- Скорее! - крикнул Уйма. - Быстро через ров, я пойду последним!

- Развяжи меня, иначе мне не дойти, - повторил Принц-деспот.

Я провела наверху посоха по ремням, стягивающим его руки. Ремни упали. Руки повисли плетью. Я вспомнила, как освобождала Максимилиана, только тот был щуплый мальчишка, а этому я едва доставала до груди.

- Зря, - проворчал Уйма. - Живее. Вперед.

- Я за тобой, - сказал ему Принц-деспот.

- Сейчас! - Уйма ослабилась. - Пушу я тебя за спину, жди! А ну пошел, коли не хочешь быть падалью!

К моему удивлению, Принц-деспот послушался. Зашагал с камня на камень - ноги у него были длинные, он шел легко и уверенно, успевая на ходу разминать онемевшие руки. Я подумала: как быстро он пришел в себя! Нам на правилах дорожного движения рассказывали, что если слишком долго держать на руке жгут - рука отмереть может...

Хотел ли Оберон, чтобы ради его Обещания кого-то связывали, скручивали, тащили под венец силой?

Я сползла с края рва, прыгнула на камень и почуяла запах. Принц-чума был уже здесь. Он входил в тоннель, который мы только что прошли.

А если он прорвется через Печать вслед за нами?!

Мысль была такая страшная, что я замерла на секунду. Уйме пришлось подтолкнуть меня в спину:

- Заснула?!

- Мы не можем... - я задыхалась. - Если он... мы должны...

- Вперед! Вперед!

Я зажмурилась от страха и подумала: если не успеем - раздавлю ключ. Наступлю на восковой отпечаток Гарольдова пальца, чтобы чума не мог пройти и никто не мог пройти... Мамочки!

Я упала, ушибла колено. Поднялась. Вот уже край рва, осталось только взяться за него руками, подтянуться...

Нет сил. А сзади все сильнее накатывает запах. Как во сне: за тобой погоня, а ты не в силах пошевелиться.

- Давай!

Уйма, сопя, посадил меня и с трудом выбрался сам. Оставалось совсем чуть-чуть. Вперед по узкой пещере, мрачной и сырой, как настоящее загробное царство... Здесь должна быть гладкая скала, из глубин которой мы с Уймой явились в этот мир. Где?!

Я обернулась направо, налево... Нагромождение камней, сталактиты и сталагмиты, как

сомкнутые клыки, а где же эта черная скала?!

- Лена, вы где? Я ничего не вижу... - голос Принца-саламандры. Он стоял в десяти шагах от меня и пялился в темноту. У ног его лежал Принц-пленник. Кажется, опять без сознания.

- Сюда!

Обернувшись, я увидела Максимилиана. Никогда в жизни я ему так не радовалась. Некромант стоял, расставив ноги, хищно подавшись вперед, глаза его сверкали. Он был похож на вратаря, а за спиной его темнела та самая гладкая скала со вбитыми в нее скобами.

- Давайте ключ! Ради всего, что вам дорого, скорее давайте ключ!

Уйма снял с пояса кожаный мешочек. Мне казалось, что людоед еле движется. Очень медленно - зубами - срывает тонкий ремешок-завязку. На ладонь ему ложится восковой отпечаток - великое сокровище, за которым в этом мире нашлось столько охотников...

Ключ лежал на ладони у Уймы. Максимилиан смотрел на него, как очень голодный хищник на розовую нежную дичь. И Принц-деспот перестал себя контролировать - в его глазах зажглись цепенящие желтые огоньки.

- Дай! - некромант кинулся вперед, но Уйма вовремя убрал руку:

- Я сам.

Уцепившись за скобы, он поднялся метра на два и приложил восковой отпечаток к скале.

Ничего не случилось. Запах смерти становился все сильнее: Принц-чума переходил, наверное, ров.

Может быть, мы испортили отпечаток? Перегрели, расплющили, стерли, ведь это всего лишь воск! Сперва я таскала его в кармане, потом Уйма на поясе, во сне и в бою, и... - меня обдало морозом, - и в стране вулканов! Там ведь такая жарница... Ключ расплавился! Все пропало!

- Поворачивай, - напряженно зашептал Максимилиан. - Линии не совпали. Просто поворачивай. Она откроется, вот увидишь!

Волосатые пальцы Уймы медленно повернули отпечаток.

Я обернулась. Еще секунда - и Принц-чума окажется рядом с нами.

- А-ах!

Они вздохнули одновременно. Принц-саламандра поднял к потолку зеленые глаза, мне показалось, он готов заплакать. Некромант завизжал и повис на железных скобах. А перед Уймой - над всеми нами - загорелся огонек, сделался больше, расплылся радужным пятном, и вот уже это дыра в стене, и вот уже можно в нее пролезть!

- Пусти! - Максимилиан вцепился Уйме в штаны. - Пусти!

Людоед взял мальчишку за шиворот и с натугой перебросил его через радужный край открывшегося люка. Потом спрыгнул вниз, подхватил Принца-пленника и поволок его к скале. Пятно света мигнуло и медленно начало сокращаться, будто замерзающая полынья. Уйма, рыкнув, забросил в люк Принца-пленника и подоспевшего Принца-саламандру.

- Лена!

Я увидела его протянутую волосатую ладонь. И я шагнула к нему, поудобнее перехватив посох, но в этот момент Принц-деспот кинулся, как волк, и я отлетела назад.

Принц-деспот схватил Уйму за руку и резко рванул, так что людоед сорвался и грохнулся на каменный пол. Принц-деспот взлетел к проему в скале, обернулся и осклабился:

- Удачи.

Проем сокращался все быстрее. Принц-деспот помедлил, выжидая, пока он затянется посильнее, а потом скользнул на ту сторону; прощальный взгляд его был - за мое плечо.

Я обернулась. Принц-чума стоял шагах в двадцати и глядел мне в глаза.

- Уходи! - я выставила перед собой посох. Он покачнулся. Расстояние между нами сократилось вдвое. Я не смогу причинить ему вреда, но наверняка смогу задержать, пока дыра в скале не закроется...

- Лена!!!

Руки людоеда сгребли меня за штаны и куртку. Уйма закричал, прямо перед грудью у меня обнаружили ржавые скобы в скале.

- Иди!

Сжимая одной рукой посох, перехватывая скобы зубами (больно, и металлический привкус во рту), я поднялась к сужавшемуся окошку. Перекинула ногу через радужный край. Оглянулась.

Людоед стоял под скалой, спиной к лестнице, перегородив ее собственным телом. Принц-чума был в нескольких шагах от него.

- Нет!

Я весила в пять раз меньше Уймы и, конечно, по законам физики никак не могла сделать того, что случилось в следующую секунду. Уже проваливаясь сквозь Печать, я протянула Уйме посох. Людоед вцепился в древко, а я рванула посох на себя - в тот самый момент, когда от светлого проема осталось пятнышко размером с суповую тарелку.

«Главное, чтобы пролезла голова...»

Вряд ли все это сотворила я. Это сделал посох Оберона.

Уйма перевалился через радужный край, просочился в дыру, как кисель, и всем весом упал на меня. А с той стороны, из-за охлопывающейся Печати, протянулась рука с отшлифованными длинными ногтями... Замерла перед моим лицом...

И соскользнула обратно.

Проем закрылся.

Глава 28

Принцы выбирают

Через несколько минут весь замок гомонил и мерцал огнями. В комнате, прежде бывшей кабинетом Гарольда, толпились и мешали друг другу стражники в кольчугах и кальсонах, полуодетый комендант и всклокоченный канцлер. Доска, на которой Гарольд когда-то нарисовал Ведьмину Печать, валялась на полу, рядом валялась я, не в силах подняться, а на расстоянии вытянутой руки от меня сцепились Уйма и Принц-деспот: каждый из них старался задушить другого.

- Помогите ему! - закричала я что было голоса.

Стражники Оберона не поняли, кому надо помогать (узнав среди прибывших людоеда, они в первую минуту вообще растерялись). Какой-то парень в шлеме, но без сапог, принял мою просьбу слишком близко к сердцу: не раздумывая долго, он стукнул Уйму рукояткой меча по затылку. Тот ослабел, и железные пальцы Принца-деспота уверенно сомкнулись на его шее.

- Нет! Не того! Хватайте...

Тут подскочил Принц-пленник и по-братски сцапал деспота за горло.

Я на секундочку потеряла сознание А когда очнулась - Принца-деспота уже вязали, Принца-пленника унимали, Уйму приводили в чувство, саламандре помогли подняться, и было много

света, как будто солнечным днем.

А в дверях стоял Оберон.

У меня гора свалилась с плеч: проклятые принцессы еще не поседели! Оберон жив, все не напрасно, есть надежда!

Через секунду на короля глядели все, кроме разве что Уймы, который еще не пришел в себя. Принц-деспот – угрюмо. Принц-пленник – прикрыв лицо ладонью, сквозь растопыренные пальцы. Принц-саламандра – с любопытством. В комнате сделалось тихо, только шипел сквозь зубы побежденный деспот, тяжело дышал Уйма да позвякивала чья-то кольчуга.

Оберон окинул глазами комнату и остановил взгляд на мне. Я не выдержала и потупилась. На секунду мне захотелось вернуться за Печать – хотя бы и в объятия Принцу-чуме. Но в этот момент из-за спины короля показался Гарольд, и я снова задохнулась от радости: моего друга не разжаловали и не казнили, он не убит кочевниками, не впал в немилость оттого, что отправил нас с Уймой за Печать!

Радость схлынула. Остались робость и что-то вроде раскаяния.

Оберон молчал.

– Ваше величество, – дрожащим голосом начала я, потому что не молчать же всю жизнь под этим взглядом. – Разрешите представить вам... в общем, это женихи. Принц-деспот, Принц-пленник, Принц-саламандра...

Я запнулась. Чего-то не хватало. В комнате царил бедлам, голова моя шла кругом, вот почему я сразу не заметила недостающей детали...

– А где Максимилиан? – спросила я шепотом. – Здесь был мальчишка. Где он?

* * *

И наступил рассвет.

Я сидела в кабинете Оберона и ждала его, глядя на море. А король не шел.

Мне не хотелось спать. Первое, что сказал Оберон, обращаясь ко мне, – «Оживи», и это значило, что усталость прошедших дней сменилась новой энергией. Король передал мне часть своих немалых сил, и вот я сидела перед раскрытым окном и смотрела, как светлеет небо.

Здесь, в Королевстве, и воздух был другим. И тишина была другая – не зловещая, а умиротворяющая. И я была бы совершенно счастлива, даже в ожидании королевского гнева, который вот-вот на меня обрушится. Ах, как было бы хорошо, если бы мы с Уймой ухитрились выдернуть из-за Ведьминой Печати не троих принцев, а пятерых!

Впрочем, я уже знала, что скажу королю. Пусть только он придет наконец. Он так и сказал: подожди у меня, я скоро приду. И вот уже рассвет...

Скрипнула дверь. Я подскочила. Вошел Гарольд. Я хотела соскочить с подоконника, но Гарольд не дал: молча подошел и обнял меня. И я обхватила его непривычно широкие плечи, и так мы замерли минуты на две.

- Только трое, Гарольд.

Он молчал.

- Ты победил кочевников?

Он кивнул, по-прежнему не раскрывая рта.

- Гарольд, я знаю, что делать. Мы быстренько сыграем три свадьбы, и я вернусь за Печать. Если только Уйма... Уйма!

Людоед вошел, бесшумно ступая мягкими кожаными сапогами. На нем была чистая широкая рубаха, такая длинная, что из-под нее едва виднелись пришитые к голенищам штанины. Из расстегнутого ворота выглядывала здоровенная шея в ожерелье синяков - отпечатков пальцев Принца-деспота.

Я высвободилась из рук Гарольда:

- Как ты, Уйма?

- Да что мне сделается? - он ухмыльнулся во всю широкую зубастую пасть. Подошел, покосился на мой посох, который я прислонила к подлокотнику кресла. Вдруг навалился на меня, обхватил медвежьей хваткой, я готова была запищать, как резиновая игрушка.

- Гарольд. Это девчонка меня вытащила. Меня. Вытащила.

- А сколько раз ты меня вытаскивал? - пробормотала я.

Гарольд обхватил одной рукой круглое плечо людоеда, а другой - меня:

- Я на минуточку... Только на одну минутку... поверил, что вы не вернетесь.

- А мы вернулись! - я захлебнулась нервным смехом. - Гарольд, Гарольд, что тебе сделал

Оберон? За то, что ты нас... За это?

- Его величество, - поправил он механически. - Его величество ничего мне не сделал, потому что я должен был немедленно идти против кочевников. Мы отбросили их и освободили заложников, но на другой день началась заварушка у людоедов.

- Что?! - Уйма выпрямился.

- Да. Угробы заключили союз с Шакалами и двинули соединенные силы на Охру Костегрыза...

- Но ведь отец здесь, в замке!

Гарольд помотал черноволосой головой:

- Они на то и рассчитывали, что племя ослаблено. Тогда Оберон... его величество... освободил твоего отца. Охра возглавил свое племя...

- Он жив? - быстро спросил Уйма.

- Да. У нас для тебя есть новость... Не знаю, как ты к ней отнесешься, Уйма.

Уйма сжал мою ладонь.

- Ай!

- Извини, - пробормотал он, выпуская мою руку и глядя на Гарольда. - Какая новость?

- Хорошая новость, - слышалось от дверей.

Мы все разом обернулись.

Оберон прикрыл за собой портьеру. Поймал мой взгляд и вдруг улыбнулся так спокойно и ласково, что сразу же стало ясно: меня не будут ругать! Камень с души свалился, честное слово.

- Сестры-хранительницы спят. Я поставил вокруг Храма стражников, чтобы ни одна болтливая сорока не прилетела из замка и не обрадовала их раньше времени, - Оберон уселся в свое кресло. - Садитесь поближе. Надо поговорить.

Он был такой же, как всегда, - настоящий король. Спокойный и уверенный, и лучистый, что ли. При мысли о том, что Обещание так и не будет выполнено, принцессы поседеют и Оберон умрет, у меня горло сдавило - как будто Принц-деспот меня душил, а не Уйму.

- Ваше величество, - начала я, ломая этикет, не дожидаясь, пока меня спросят. - Я вот что придумала. Мы трех принцесс выдадим замуж, самых старых, а я... мы с Уймой потом второй раз пойдем за Печать. Мы там еще не все разведали. Разыщем еще двух принцев и приведем. Ведь уже большая часть работы сделана! Двух принцев проще найти, чем трех!

Оберон посмотрел на меня. Без упрека. Внимательно. Я замолчала.

- Я пойду, - проскрипел Уйма. - Я готов идти с магом дороги хоть за Печать, хоть куда.

- Никуда вам идти не придется, - тихо сказал Оберон. - Посидите десять минут тихонечко и послушайте вашего короля, ладно?

Мы с Уймой потупились, пристыженные.

- Мальчишку не нашли. Его видели во многих местах, в том числе на переправе через Ланс. Он спешил убраться от города подальше.

- Это плохо, - я опять не удержалась и перебила. - Он некромант, и довольно могучий. Ему нельзя доверять.

Оберон на секунду опустил веки:

- Я бы не хотел, чтобы по Королевству бегали некроманты, но сейчас не до этого. Главное вот что: я говорил с принцами. Для саламандры приготовили комнату с большим камином, он был страшно измучен холодом. Тому, что сидел в подземелье, я помог, теперь он стал сильнее и сможет видеть днем. Этот, которого называют деспотом... Боюсь, его нельзя выпускать из темницы. Ни сейчас, ни позже.

- Он жуткий человек, - я содрогнулась.

- Тем не менее он принц, и одной из наших красавиц придется выйти за него - в полном соответствии с собственным желанием, - холодно заметил король.

- Зато саламандра и бывший пленник - очень хорошие, - робко заметила я. - Особенно саламандра. Он...

Я запнулась, встретив внимательный взгляд Оберона.

- Простите, ваше величество, - сказала я, невольно втянув голову в плечи. - Я нарушила ваш запрет, я самовольно ушла за Печать...

- Об этом мы поговорим позже. Итак, судьба четырех принцесс решена - или будет решена в ближайшие дни. Саламандра женится на Алисии, это ясно, а вот остальные...

- Простите, ваше величество, судьба трех принцесс, - я чуть не заплакала. - Трех. Мы искали, но...

- Четырех принцесс, Лена, - мягко сказал Оберон. - Дело в том, что Охра Костегрыз, в неравной схватке одолевший и покоривший два враждебных племени, основал королевство. Независимое островное королевство. И сделался его первым королем.

Сделалось тихо. Я ничего не понимала. При чем тут Костегрыз? Что за островное королевство? Почему Оберон смотрит на меня с таким значением?

Король перевел взгляд на Уйму. Людоед сидел, выпятив вперед нижнюю губу, окаменев, не сводя с Оберона круглых желтых глаз. Я посмотрела на Гарольда, будто спрашивая подсказки. Тот улыбнулся:

- Вот видишь, как удачно...

- Мне Филумену, - рявкнул Уйма. - Таково мое условие, а на любой другой я не стану жениться.

Оберон улыбнулся:

- Решено. Тебе Филумену. Саламандре Алисию. Остаются Розина, Ортензия и Стелла, пусть

братья-враги сами выбирают.

- Только не отдавайте Стеллу деспоту, - быстро сказала я. И добавила, спохватившись: - Уйма! Ты теперь принц! Поздравляю... ваше высочество!

И смутилась, потому что прозвучало все это довольно глупо.

Людоед оскалил два ряда белых зубов. Похлопал меня по плечу:

- Прошу простить меня на слове, господи и дамы... Жритраву, иначе не скажешь. Жритраву!

* * *

Наутро сестрам-хранительницам объявили королевскую волю - при большом стечении народа, на залитой солнцем площади. Я находилась тут же, и наблюдать растерянные физиономии принцесс для меня было одно удовольствие.

Затем последовал грандиозный прием в замке. На приеме выбирали невест и стоваривались о свадьбах.

Больше всех повезло, конечно, Алисии. Принц-саламандра влюбился в нее заранее, а когда увидел - так и вовсе разинул рот. Взволновался, оробел, все ходил вокруг, желая и не решаясь коснуться рыжих Алисиных волос. Наконец до того смутился, что при всех нырнул в горящий камин и совсем позабыл при этом, что на нем кружевная рубаха, панталоны, камзол и прочие штучки, которые положено носить принцу. Все это сразу задымилось, кружева почернели и сморщились, панталоны обуглились, и гости в зале заволновались, учуяв запах горелого. Осознав свой промах, принц совсем потерял голову и улизнул из зала по каминной трубе. Алисия испугалась до обморока: ее отпаивали водичкой и уговаривали не волноваться, но окончательно принцесса успокоилась только тогда, когда ей предъявили живого и здорового, только очень смущенного и перепачканного сажей Принца-саламандру.

Уйма, живописно небритый, в парадном одеянии людоеда (костюм из замши с меховыми вставками и ожерелье из крупных костей, подозрительно похожих на человечьи) привлекал всеобщее внимание не только размерами, но и подчеркнутой дикостью во всем облике. Филумена, восседавшая рядом с женихом, боялась его и не умела скрыть свой страх. Я читала у нее в глазах, как в раскрытом учебнике: теперь принцесса и сама была не рада своему упрямству. Теперь она жалела, что не вернула королю его Обещание. Теперь она готова была бежать за тридевять земель от этого страшного дикаря, за которого ей хочешь не хочешь, а предстояло выйти замуж. Иногда я ловила ее взгляды: она смотрела на меня с жалобной ненавистью. Возомнила, дурочка, что это и есть моя месть: жених-людоед, которого я когда-то сгоряча пообещала!

Уйма поглядывал на невесту так лакомо, будто собирался сожрать ее прямо на брачном ложе. Филумена от этих взглядов едва не теряла сознание, а мне было даже немножко завидно. Ничего страшного с ней не случится, наоборот: будет счастлива. Правда, на первых порах Уйма ее воспитает как следует!

Принц-пленник, чисто выбритый, помолодел и похорошел до неузнаваемости. К моему удивлению, он пожелал жениться на Ортензии: чем ему понравилась эта гора мяса?! А он смотрел на нее влюбленными глазами, и толстячка, сперва бледная как мел, скоро расцвела, порозовела и завела с женихом непринужденную беседу.

Когда выяснилось, что деспот будет выбирать между Стеллой и Розиной, я кинулась к Оберону.

По счастью, мне удалось застать его в кабинете – собираясь выйти к гостям, он советовался о чем-то с комендантом.

Комендант неодобрительно покосился на меня, но и слова не посмел сказать. Поклонился королю и ушел.

- Что, Лена? – рассеянно спросил Оберон.

- Принц-деспот уже выбрал? – я задыхалась и думать забыла об этикете.

- Нет.

- Не отдавайте ему Стеллу!

- Почему?

- Потому что... – я не знала, как объяснить. – Стелла из них самая порядочная. Она готова была отказаться от Обещания! Мы не можем так ее наказать – отдать деспоту. Это несправедливо!

На стол Оберона, заваленный бумагами, неторопливо вышла уже знакомая мне Дора, крыса-уборщица. Выкатила на середину столешницы туго скомканный листок, задумчиво вонзила в него зубы.

- Принц-деспот, – Оберон рассеянно погладил крысу между ушами, – конечно, очень нехороший человек. Но, во-первых, он будет сидеть в темнице и не сумеет обидеть супругу. А во-вторых... все меняется. И такие люди, бывает, привязываются к женам и по-своему любят их.

- Не отдавайте ему Стеллу, – повторила я, как заклинание. – Что это за радость – муж злодей и арестант?

- А Розина? Она тоже...

- Розина этого хотела! А Стелла – нет!

- Лена, – Оберон вздохнул. – Твое мнение очень важно. Но мнение принцесс – важнее. Может быть, спросим у Розины и Стеллы?

Я была уверена, что обе невесты откажутся с ужасом от такого жениха. Я лишний раз убедилась в том, как мало понимаю в жизни.

Прием уже начался, когда Розину и Стеллу представили Принцу-деспоту. Тот вполне пришел в себя: вымылся, отдохнул и переоделся в праздничную одежду, которую сшили ему по мерке лучшие портные Королевства. На нем не было ни цепей, ни веревок, зато у каждой двери стояло по стражнику, а на горизонте маячил мрачный Гарольд с посохом наперевес. Не обращая внимания на охрану, принц вел себя, как вельможа в собственном замке. Он учтиво и вместе с тем небрежно поклонился принцессам и завел с ними беседу. До меня долетали только отдельные слова.

Прибежал комендант – торопить гостей вниз, в залу на прием. Принц-деспот сделал вид, что очень спешит, и как бы невзначай протянул руку Стелле. Розина, не теряя ни секунды, подпрыгнула (а росточку она была небольшого, чуть выше меня), выдернула костяной гребень из волос Стеллы и, сильно оттолкнув соперницу, полоснула ее острыми зубьями по уху. После

чего, как ни в чем не бывало, оперлась на руку Принца-деспота и сошла с ним вниз, не обращая внимания на стражу и молотя языком, как молотилка. Бедная злая дурочка! Красивый, высокий, сильный мужчина с властным лицом и вкрадчивым голосом, воин и полководец, не знающий пощады, – Розина была без ума от счастья...

Я подскочила к Стелле. У нее кровь шла из расцарапанного уха, воротничок был запачкан, а прическа совсем нарушилась. Не говоря ни слова, я коснулась царапины на вершии посоха. Кровотечение сразу же прекратилось.

– Стелла, я так рада!

– Чему? – она смотрела на меня со странным выражением, я не сразу поняла, что это усталость. – Обещание не исполнено, и мы... я тому виной!

– Почему же вы? – я растерялась.

– Потому что... мне не надо было их слушать. Мне надо было самой, давным-давно, отказаться от этого Обещания. А теперь поздно.

– Да... – протянула я. – Теперь поздно... Но они же виноваты больше! Филумена, Алисия...

– Прошу вас, идите на прием, – в глазах Стеллы быстро набухали слезы. – Мне надо... привести себя в порядок.

– Вы ни в чем не виноваты, – сказала я, прекрасно понимая, что мои слова звучат неубедительно.

Она мотнула головой:

– Я испугалась. Что они меня будут презирать. Испугалась пойти против них – одна... И еще я подумала: вот я откажусь, а они выйдут замуж за принцев. Все равно так и случилось. Они выйдут замуж за принцев, а я... Из-за меня умрет король.

– Нет! Он не умрет. Мы вам найдем жениха, – заговорила я горячо, убеждая себя и ее. – И... не завидуйте им! Эти принцы не такие уж...

Я запнулась. По правде говоря, «не такой уж» был один только деспот. Прочие – очень достойные принцы. Это несправедливо.

Ну почему Уйме захотелось обязательно Филумену? Почему саламандра помешался на рыжих волосах Алисии? Зачем бывшему пленнику толстая Ортензия?

– Госпожа маг дороги! – надо мной навис комендант. – Прием начинается! Госпожа принцесса Стелла, я попросил бы...

– Да, – мертвым голосом сказала Стелла. – Сейчас.

И ушла, не оглянувшись ни на меня, ни на коменданта.

* * *

На приеме мне было не до тревожных мыслей. Все вокруг просто с ума сходили от радости, тысячи глаз следили за каждым движением женихов и невест. Все началось с официальной части: это значило, что король с трона обратится к собравшимся с речью.

Оберон очень коротко рассказал об истории Обещания, а потом сразу сказал, что в зале находятся два человека, которых невесты и женихи должны благодарить за свое грядущее счастье. Уйма дико завращал глазами – дикарь дикарем, в толпе испуганно заохали, а Филумена чуть не грохнулась в обморок. Я поднялась с места, деревянная, как Буратино, покраснела под множеством взглядов и тут же побледнела, увидев, как смотрит Принц-деспот. Уж он-то не собирался благодарить меня за грядущее счастье, это сразу было ясно.

Потом все стали подходить и знакомиться с принцами, расспрашивать их и говорить им комплименты, то есть хвалить за красоту, благородство и скромность. Я забилась в уголок, но меня все равно нашли: и канцлер, и придворные дамы, и еще кто-то, кого я совсем не знала, наперебой стали рассказывать мне, какой я великий маг и отважный человек, могущественный, честный, преданный Оберону! Мне бы удрать подальше от этих льстивых слов, но они все говорили и улыбались, закрывая мне дорогу. Минут через двадцать пришлось сказать, что мне срочно надо в туалет, но они и после этого не сразу меня отпустили. Выбравшись из зала, я перевела дух и вдруг увидела двух людей, стоявших у окна спинами друг к другу.

Они только что поссорились, об этом говорили и позы их, и лица. Я хотела проскользнуть мимо и не вмешиваться не в свое дело – но тут я узнала этих двоих и уже не смогла сдвинуться с места.

Это были принцесса Эльвира и принц Александр! Сын и невестка Оберона! Это из-за них я оставила в свое время странствующее Королевство, это их выручала из стольких бед, это из-за них Оберону пришлось дать свое дурацкое Обещание!

Для меня прошло четыре с половиной месяца, для них – шесть лет. Эльвира располнела. Милое выражение, которое когда-то делало ее похожей на Мальвину, исчезло с ее лица: взамен там поселилось вечное недовольство и злость на весь мир. Александр постарел не на шесть лет, а на все десять: его мягкие волосы сильно поредели на макушке, щеки ввалились, под глазами набрякли мешки, а нос покраснел.

Пьяница он, что ли?

Они одновременно взглянули на меня. Сперва с раздражением: чего, мол, уставилась? В следующую секунду их глаза округлились. Они меня узнали.

- Привет, – сказала я по возможности небрежно. – Как дела?

- Как сажа бела, – проворчала Эльвира. – Поздравляю, ты все-таки выслужилась перед Обероном. Интересно только, где он возьмет пятого принца!

Я немножко постояла, глядя на них с Александром. А потом подумала: ну что я могу им сказать?

Молча повернулась и ушла – подальше от зала, где веселятся и празднуют помолвку, подальше от этих двоих, так бездарно потративших свою жизнь. Ведь они когда-то предали Королевство и предали Оберона, а из предательства никогда ничего хорошего не получится. Тут уж, как говорится, «к гадалке не ходи»...

Вот одного я не понимаю. Как у Оберона мог вырасти такой жалкий сын?

Замок пустовал, только кое-где стояла охрана. Стражники переминались с ноги на ногу: они бы рады сейчас веселиться со всеми, но – нельзя, служба. Одного-двух я узнала. Прочие узнавали

меня и брали «на караул», стоило мне появиться в конце коридора.

Я поднималась все выше, пока не нашла комнату, в которой меня поселили. Здесь я раздвинула занавески, открыла окно и уставилась на далекое море.

Медленно поднималась луна. Тянулась по морю лунная дорожка. Нежно поскрипывали сверчки. Шелестели сосны там, внизу, ветер приносил от них всякие заманчивые запахи. Наверное, в лесу и грибы есть, и ягоды, и зверье... Да о чем я думаю! Ночью там полно волшебных созданий, русалки и лешие, крылатые жуки в широкополых шляпах, светлячки с настоящими фонариками в тонких ручках, и каждое дерево говорит... вот бы пойти и посмотреть!

Пролетела в безмолвии хищная птица. Сова, что ли? Ох, какой-нибудь мыши сегодня не поздоровится...

Я поставила на подоконник локти, подбородком уперлась в сцепленные ладони. Из головы не шли слова Эльвиры: «Интересно только, где он возьмет пятого принца!»

Через несколько дней все Королевство будет праздновать четыре свадьбы. И не только Королевство. С островов, наверное, явится на свадьбу сына новоявленный король Охра Костегрыз. Оберон сказал, что Охра под страхом смерти запретил своим подданным есть врагов, на островах возможны бунты, поэтому король не сможет пробыть в гостях больше двух-трех дней...

Я вздохнула. Все пляшут и радуются, а между тем ничего еще не решено. И Стелла рано или поздно поседеет... И ведь в чем несправедливость: почему именно Стелла?! Почему эти самодовольные, упрямые, себялюбивые девки получили прекрасных (в общем-то) мужей, а Стелла осталась одна – обойденная, униженная?

И что будет с Обероном?

Мне захотелось плакать. Стояла ночь, крики гуляк слышались откуда-то из дальней дали, меня никто не видел, кроме совы, снова пролетевшей под окном. И я заплакала.

Мне было страшно вспомнить наше путешествие. И я жалела, что оно так быстро кончилось. Потому что путешествовать с Уймой оказалось почти так же здорово, как сражаться бок о бок с Обероном и Гарольдом. Наш путь никогда не повторится: Уйма женится и уедет к себе на острова – помогать отцу усмирять кровожадных подданных. А я должна буду вернуться за Ведьмину Печать – одна... От такой мысли просто мороз по коже, но отступить некуда. Надо идти, ничего-ничего. Одного принца совсем легко добыть. Только не чуму, нет. Ни в коем случае не Принца-чуму.

А если он притаился по ту сторону Печати и только и ждет, когда я вернусь?

И как хочется к маме. И как я соскучилась по Петьке и Димке, и даже по отчиму немножко соскучилась. И жалко, что нет рядом Макса Овчинина, он славный парень, а я наговорила ему гадостей. Только ради этого стоит вернуться домой – чтобы перед ним извиниться, я просто должна это сделать!

Так я раздумывала и плакала одновременно от страха и облегчения, от усталости, от тоски, когда по комнате прошелся ветер, и кто-то большой и сильный остановился у окна за моей спиной.

- Лена?

Я наскоро вытерла глаза и только потом обернулась:

- Да, ваше величество?

- Что скажешь?

Я собралась с духом.

- Я виновата перед вами и прошу прощения. Я понимаю, почему вы не хотели, чтобы я туда ходила. Там страшный мир, очень страшный и гадкий, но я... я должна еще раз туда пойти. Привести последнего принца, для Стеллы.

Он долго молчал. Наконец заговорил, и от звука его голоса у меня мороз продрал по коже:

- По какому праву ты, маг дороги, взялась выполнять за меня *мое* Обещание?

У меня язык прилип к гортани.

- Почему ты сочла себя вправе рисковать *своей* жизнью ради клятвы, которую я дал в здравом уме и твердой памяти? Или я ребенок, неспособный позаботиться о себе? Или я дурак, который не ведает, что творит?

- Нет, нет, ваше величество!

- Нет? А ты знаешь, что случилось бы, если бы вы с Уймой погибли? Я казнил бы Гарольда. Он об этом знает.

- А? - у меня ноги разъехались, как у теленка, я мешком сползла с подоконника.

- Да! Ваш поступок еще кое-что прояснил - Гарольд не может быть королем. Он не понимает некоторых вещей. И я не уверен, что он их поймет с годами. Что было бы, если бы ты погибла?! Представь: мне осталось жить несколько лет, наследника нет и не предвидится, впереди - нарушение Обещания... Что было бы с Королевством? Вернее, так: что случилось бы с миром, в котором больше нет Королевства?!

Вот теперь я не просто плакала - я рыдала. В три ручья.

- Ваше ве... Я не... Да мне... я просто хочу, чтобы вы жили! И Гарольд тоже, потому что... Мне все равно, что будет с обеща... Даже если вы меня проклянете, прогоните... я все равно добуду принца... хоть из какой дыры... потому что вы не умрете. Я не хочу, чтобы вы умирали! Пусть меня жарят на медленном огне, но вы не умрете!

- Старый я дурак, - шепотом сказал Оберон. - Как я мог выдернуть тебя из твоего мира? Я думал, ты взрослая...

И он повернулся, чтобы уходить, но тут же вернулся. Постоял надо мной. Взял подмышки и поднял с пола.

- Лена... слушай. Да не реви ты... послушай меня. Ладно. Иди сюда.

Он легко вскочил на подоконник и вытащил меня за собой. Я не успела ничего понять, когда он вдруг оттолкнулся ногами и взмыл над окном, и летучая мышь, пролетающая мимо, в ужасе

шарахнулась в сторону.

Я вывалилась из окна следом за ним и повисла на его руке – на высоте десятиэтажного дома.

Он не прикладывал никаких усилий, просто плыл себе в воздухе и смотрел на луну, но любая ласточка рядом с ним казалась бы неуклюжей трудягой. Я долго не могла сосредоточиться: то висела на его руке мертвым грузом, то начинала извиваться, как червяк на крючке. Мы были уже над городом, когда я наконец отыскала нужное настроение. Моя грудь наполнилась воздухом, я сделалась легче, еще легче, еще – и совсем потеряла вес, выровнялась и полетела рядом с королем-волшебником.

Он летел к морю, все набирая и набирая скорость. Скоро ветер засвистел у меня в ушах. Я старалась не отставать, и это оказалось неожиданно легко – ведь Оберон держал меня за руку. Я летела даже быстрее, чем тогда, когда наш огненный шар снижался над землями гмурров. Я протыкала воздух, как иголка, далеко внизу мелькали огни города, потом блеснула речная гладь, потом сигнальный огонь на мачте корабля. Мы летели над морем, оно было, как сморщенный мокрый шелк. Высоко, почти в зените, стояла ущербная луна.

Потом Оберон сбросил скорость. Остановился совсем. Мы зависли над морем, и я снова испугалась.

Оберон указал вниз, и я увидела крошечный островок. Скалу, выглядывающую из моря, всю в белом венчике прибоя, как лысый старикашка.

Мы стали снижаться. Оберон первым коснулся скалы. Я опустилась и чуть не упала. Он удержал меня, убедился, что я твердо стою, и только тогда выпустил мою руку.

Слезы высохли, но глаза жгло, будто огнем. Это от ветра, сказала я себе.

– Садись.

Я послушно села на выступ скалы. Здесь, внизу, ветер стих, и слышны были только волны, равномерно хлюпающие о камень.

- Послушай, глупая девчонка. Ладно, ты победила. Мне некуда отступить. То, что ты сделала, могло погубить Королевство. Но ты такая, что... ты спасла его. Значит, и мне придется... кое-что сделать. Ни при каких других обстоятельствах я бы на это не пошел.

Я никогда в жизни не видела такого Оберона. Он был смущен. Он решался на что-то, стоившее ему колоссальных усилий. И причиной этого была я!

- Ваше величество...

- Помолчи, ладно? У меня есть тайна. Она не только моя. Я открою ее тебе и только тебе. Ни Гарольд, ни Уйма, ни даже твоя мама не должны об этом знать.

- Я клянусь!

- Не клянись, этого не нужно. Лена...

Он замолчал, и я вдруг испугалась, что он скажет: да ничего. Я пошутил. Полетели домой.

- Лена, - начал он заново. - Александр, которого ты хорошо знаешь, принц Александр, мой сын... он подменыш.

- Кто?!

Я ждала чего угодно, только не такого признания.

- Подменыш. Это значит, что едва он родился - его подменили.

- Кто?!

- Есть такие существа. Да ты и раньше, наверное, слышала. Подобные случаи бывали много раз, и еще, к сожалению, будут. В те дни на Королевство напали, началась война, я уехал защищать дальние границы. Мать Александра болела, а нянька проявила беспечность. Она надеялась, что никто ничего не заметит, но когда я вернулся - с первого взгляда разгадал подмену.

Оберон замолчал.

- Ну тогда все ясно, - сказала я дрожащим голосом.

Король посмотрел на меня так холодно, что я чуть языком не поперхнулась.

- Ничего не ясно. Александр - мой сын, я его вырастил и отвечаю за его судьбу... бесславную, если честно. И ты не скажешь ему ни слова. Ни при каких обстоятельствах.

- Да, ваше величество, - пробормотала я покорно.

Оберон снова замолчал. Я ждала, пока он соберется с мыслями.

- Много лет после этого я искал... другого своего сына. В том месте, куда его утащили еще младенцем.

- Нашли?!

- Да, - глаза Оберона вспыхнули. - Давно нашел. Давно за ним слежу. Сейчас он учится на

третьем курсе авиационного университета в трех остановках метро от твоей школы.

- Что?!

- Ты никому ничего не скажешь, - снова предупредил Оберон.

- Это значит...

- Это значит, что по рождению он настоящий принц.

- Вы заберете его сюда? В Королевство? Вы наконец-то заберете...

- Никогда я его не заберу, - в голосе Оберона скрипнул полярный холод. - У него есть родители, мама и папа, бабушка и дедушка, которые обожают его, а он их. У него есть будущее, потому что он очень толковый и работающий парень. Я с ним даже никогда не заговорю.

- Но почему...

- Подумай своей глупой головой почему. Подумай о нем. И подумай об Александре.

Сделалось тихо. Только волны шумели.

- Я поняла, - сказала я еле слышно.

- Вот и молодец.

- Но как же мы...

- Очень просто. Ты возьмешь Стеллу с собой - в твой мир. И она там выйдет замуж за... Александра. За Сашу.

- А если он не захочет?

- Тогда все пропало, - сказал Оберон, но не сурово, а с иронией. - Не бойся. Если бы на месте Стеллы оказалась Филумена, или Розина... любая из этих принцесс, ничего не вышло бы. Но судьба выбрала Стеллу... Судьба. Или Лена Лапина.

- Ваше величество, - пролепетала я.

И тогда он обнял меня за плечи.

Мы сидели и смотрели на далекий берег. Отсюда был отлично виден замок, освещенный огнями. Отражались звезды в воде, а в глубине ходили, как звезды, особые светящиеся рыбы. Одна на секунду выскочила на поверхность, я увидела выпученные глаза и фосфоресцирующие «горошки» на шкуре. А потом она снова нырнула в глубину.

- Я пойду с вами, - сказал Оберон. И склонился к самому моему уху:

- Лена...

- Да, ваше величество?

- Спасибо... тебе.

Был весенний день. Шел дождик. И светило солнце.

По всему городу раскрывались почки. И орали птицы: скоро май!

У ворот авиационного университета толпились студенты, в основном парни. У них своя головная боль: скоро сессия!

- Как же он выглядит? - растерянно спросила Стелла.

- Ты узнаешь, - сказал Оберон.

Мы вместе стояли на противоположной стороне улицы. На Стелле был короткий лиловый плащик и смешной берет на голове, а в руках она неумело держала нераскрытый зонтик.

- Не бойся, - мягко сказал Оберон. - Мы же здесь.

- Только переходи на зеленый, - скороговоркой напомнила я. - Помнишь, что я тебе рассказывала про светофор?

Она неуверенно кивнула и зашагала к переходу. Там как раз зажегся зеленый, Стелла пристроилась за парочкой старушек, тащивших сумки с базара и что-то громко обсуждавших.

За переходом старушки повернули направо. Стелла остановилась на краю тротуара и неуверенно глянула на нас с Обероном. Я глазами указала ей на ребят у входа.

- Не глазей слишком пристально, - тихонечко сказал Оберон. Мне хотелось взять его за руку, но я не решалась. Тогда он сам сжал широкой теплой лапой мою замерзшую мокрую ладонь.

Стелла медленно двинулась по улице мимо авиационного университета. Она шла, глядя перед собой и не видя, куда идет, и поэтому, конечно, не успела отшатнуться, когда из ворот выскочил, лавируя в толпе, высокий парень с плоским портфелем под мышкой.

- Ой!

Они оказались нос к носу. Парень чудом успел затормозить в последний момент. Стелла смотрела на него снизу вверх - с удивлением и ужасом. А я увидела лицо парня и сама чуть не ойкнула: он был копия - Оберон, только юный и без бороды!

Король плотнее сжал мою руку.

- Ты кто? - спросил парень обалдело. Чудо - я слышала его слова на расстоянии, сквозь грохот улицы и оголтелое воробьиное чириканье.

- Стелла, - испуганно ответила принцесса. - А ты кто?

- Саша, - он поправил под мышкой свой портфель. - Ты... вообще-то... далеко собралась?

Она мигнула:

- Я... не знаю.

Молодой Оберон улыбнулся.

Я вдруг поняла, что все его товарищи-студенты смотрят на них, а больше - на Стеллу. И даже преподаватель лет шестидесяти, как раз выходявший из ворот, остановился и смотрит на Стеллу. И я знала, что они все увидели: как будто над головой принцессы прекращается дождь, а под ногами светлеет небо в синих лужах.

Наверное, им всем в этот миг показалось, что эта девушка пришла из другого мира. Может быть, кто-то из них подумал даже, что, возможно, она сказочная принцесса - несмотря на лиловый плащик и смешной берет.

- Ну, это, - сказал Александр. - Как ты смотришь на чашечку кофе?

- Смотреть не смотрю, - Стелла улыбнулась, - а вот если выпить?

- Тогда пошли!

И он взял ее под руку.

Они завернули за угол. Все смотрели им вслед. И мы с Обероном смотрели им вслед. И набухшие почки звонко лопались у них над головами, и приветственным хором орали воробьи.

- Королевство спасено? - спросила я шепотом.

Король ничего не ответил. Просто подвел меня к ларьку и купил мороженого - мне и себе.

И вот мы с королем Обероном, могущественным магом и благородным правителем, пошли по весеннему городу, подъедая мороженое и ни о чем не беспокоясь. Конечно, нам следовало озаботиться исчезновением Максимилиана, или задуматься о судьбе Принца-деспота, или о том, как вернуть Принца-саламандру в страну вулканов вместе с молодой женой. Нам было о чем подумать - но мы просто шли, и небо отражалось в лужах под нашими ногами.